

Дженни Даунхэм

ПОКА Я ЖИВА

Дженни Даунхэм

ПОКА Я ЖИВА

Дженни Даунхэм

Пока я жива

Один

Как бы я хотела, чтобы у меня был парень. Чтобы он висел в шкафу на вешалке, а я бы его доставала когда вздумается, и он смотрел бы на меня, как парни в фильмах, — так, словно я красавица. Тяжело дыша, он без лишних слов снимал бы кожаный пиджак и расстегивал джинсы. Под ними белые трусы; парень так красив, что у меня кружится голова. Потом он бы меня раздевал. Снимая с меня одежду, он шептал бы (слово в слово): «Тесса, я тебя люблю. Я без ума от тебя. Ты такая красивая».

Я сажусь на кровати и включаю ночник. Ручка есть, но нет бумаги, и я пишу прямо на стене «Я хочу, чтобы на меня лег парень, хочу почувствовать тяжесть его тела». Потом ложусь и смотрю в небо. Оно странного цвета-угольно-красного, словно день истекает кровью.

Пахнет сосисками. По субботам всегда сосиски. А к ним пюре и капуста с луковой подливкой. Потом папа возьмет лотерейный билет, Кэл выберет числа, они с отцом усядутся перед телевизор с подносами на коленях и поужинают. Посмотрят «Икс-фактор» и «Кто хочет стать миллионером?». Потом Кэл сходит в ванную и ляжет спать, а папа перед сном будет допоздна курить и пить пиво.

Сегодня он уже заходил ко мне. Подошел к окну и раздернул занавески. «Смотри!» — сказал он, когда в комнату хлынул свет. Был день, и было небо, и в нем плыли верхушки деревьев. Его силуэт вырисовывался на фоне окна; папа стоял подбоченившись — этакий Могучий Рейнджер.

— Чем я могу тебе помочь, если ты все время молчишь? — проговорил он, подошел и присел на край кровати. Я затаила дыхание. Если долго не дышать, в глазах начинает рябить. Папа погладил меня по голове, нежно массируя пальцами кожу.

— Дыши, Тесса, — прошептал он.

Вместо этого я схватила с тумбочки шапку и натянула на глаза. Тогда он ушел.

Сейчас он внизу, жарит сосиски. Я слышу, как шипит жир, как булькает в кастрюле подливка. Не знаю, действительно ли все это слышно сверху, но меня уже ничем не удивишь. Я слышу, как Кэл расстегивает куртку (он ходил в магазин за горчицей). Десять минут назад ему выдали фунт и велели не разговаривать с незнакомцами. Пока его не было, папа курил на заднем крыльце. Я слышала шорох листьев, падающих на траву у его ног. Наступает осень.

— Повесь куртку и сходи спроси, не нужно ли чего Тессе, — говорит папа. — У нас есть черника. Вдруг она захочет.

Кэл в кроссовках; когда он прыжками поднимается по лестнице и входит в мою комнату, в его подошвах хлюпает воздух. Я делаю вид, будто сплю, но Кэла это не смущает. Он наклоняется ко мне и спрашивает:

— Даже если ты со мной никогда больше не будешь разговаривать, мне плевать.

Я открываю один глаз и вижу два его голубых глаза.

— Я так и знал, что ты притворяешься, — ухмыляется Кэл.

— Папа спрашивает, не хочешь ли ты черники.

— Нет.

— Что ему сказать?

— Скажи, что я хочу слоненка.

Кэл смеется.

— Мне будет тебя не хватать, — признается он и уходит, оставив меня лежать на сквозняке с открытой дверью.

Два

Зои без стука заходит в комнату и плюхается ко мне на кровать. Она странно на меня смотрит — так, будто не ожидала здесь увидеть.

— Что подельываешь? — спрашивает она.

— А что?

— Ты больше не спускаешься вниз?

— Тебе что, звонил мой папа?

— У тебя что-то болит?

— Нет.

Она смеривает меня подозрительным взглядом, потом встает и снимает пальто. На ней короткое красное платье в тон сумочке, которую Зои бросила на пол.

— Ты куда-то собралась? — интересуюсь я. — У тебя свидание?

Она поживает плечами, подходит к окну и выглядывает в сад. Водит пальцем по стеклу. Потом говорит:

— Может, тебе стоит поверить в Бога.

— С чего это?

— Как и всем нам. Всему человечеству.

— Едва ли. Похоже, Бог умер.

Она оборачивается и смотрит на меня. Лицо бледное, как зима. За ее плечом, мигая, по небу летит самолет.

— Что ты там написала на стене? — интересуется она.

Не знаю, зачем я дала ей это прочесть. Наверно, мне хочется, чтобы что-то случилось. Надпись сделана черными чернилами. Под взглядом Зои слова корчатся, как пауки. Зои перечитывает их несколько раз подряд. Терпеть не могу, когда она так жалостливо на меня смотрит.

— Да уж, это явно не Диснейленд, — тихонько произносит она.

— А я разве говорила, что хочу в Диснейленд?

— Мне так казалось.

— Ты ошибалась.

— Я думаю, твой папа ждет, что ты попросишь пони, а не парня.

Как здорово слышать наш смех. Смеяться больно, но мне все равно нравится. Обожаю хохотать над чем-то с Зои, потому что знаю: мы представляем себе одни и те же дурацкие картинки. Стоит ей сказать: «Тогда уж скорее подошла бы племенная ферма», как мы обе заходимся в истерике от смеха.

— Ты плачешь? — спрашивает Зои.

Не знаю. Наверно. Я всхлипываю, как женщины в телевизоре, у которых погибла вся семья. Я подвываю, как зверь, отгрызающий себе лапу. Все наваливается как-то сразу: как будто пальцы мои-лишь кости, а кожа почти прозрачна. Я чувствую, как в левом легком размножаются клетки, наваливаются одна на другую, словно пепел, медленно заполняющий сосуд. Скоро я не смогу дышать.

— Бояться естественно, — говорит Зои.

— Нет.

— А вот и да. Что бы ты ни чувствовала — так и должно быть.

— Представь, что ты постоянно живешь в страхе.

— Запросто.

Но куда ей! Откуда ей знать, как это, если у нее впереди целая жизнь? Я снова прячусь под шапкой, всего на секунду, потому что мне будет не хватать дыхания. И болтовни. И рыб. Люблю рыб. Мне нравится, как они открывают и закрывают рот.

Туда, куда мне предстоит отправиться, ничего с собой не возьмешь.

Зои следит, как я вытираю глаза краешком одеяла.

— Помоги мне, — прошу я.

Она озадаченно глядит на меня:

— В чем?

— Они пока на бумажках. Я перепишу их набело, и ты меня заставишь это сделать.

— Заставлю сделать что? То, что ты написала на душе?

— И не только, но сначала — парень. Зои, ты тысячу раз занималась сексом, а я даже ни с кем не целовалась.

Зои задумалась над моими словами. Я вижу, что они запали ей глубоко в душу.

— Не то чтобы тысячу, — наконец произносит она.

— Ну пожалуйста, Зои. Даже если я буду тебя просить, даже если я тебя чем-то обижу, ты меня заставляй. У меня целый список желаний.

Наконец она соглашается, и это выходит у нее так непринужденно, словно я попросила почаще меня навещать.

— Правда?

— Ну я же обещала, разве нет?

Интересно, понимает ли она, во что ввязалась?

Я сажусь на кровати и смотрю, как Зои роется в моем шкафу. Наверно, она что-то задумала. И это мне в ней нравится. Но лучше бы ей поторопиться, потому что я начинаю думать о всякой всячине. О морковке. О воздухе. Утках. Грушевых деревьях. Бархате и шелке. Озерах. Мне будет не хватать льда. И дивана. И гостиной. И Кэловых фокусов. И всего белого — молока, снега, лебедей.

Зои выудила из шкафа платье с запахом, которое папа купил мне месяц назад. Я даже ценник еще не срезала.

— Я надену это платье, — сообщает Зои. — А ты мое. — Она расстегивает пуговицы.

— Мы куда-то пойдём?

— Тесс, сегодня субботний вечер. Слышала о таком?

Ну конечно. Разумеется, слышала.

Я не вставала несколько часов. Теперь я испытываю странную легкость и пустоту. Зои в нижнем белье помогает мне надеть ее красное платье. Оно пахнет ею. Ткань мягкая и липнет к телу.

— Зачем мне его надевать?

— Иногда здорово почувствовать себя кем-то другим.

— Кем-то вроде тебя?

Она задумывается над моими словами.

— А что, — отвечает Зои, — пожалуй, кем-то вроде меня.

Взглянув на себя в зеркало, я замечаю, до чего переменялась: большие глаза, дерзкий вид. Я выгляжу просто потрясающе, так, будто для меня нет ничего невозможного. Даже волосы смотрятся здорово: кажется, будто они сбриты нарочно, а не просто так растут. Мы глядим на себя, стоя бок о бок, а потом Зои уводит меня от зеркала, усаживает на кровать, берет с туалетного столика косметичку и садится рядом со мной. Она выдавливает на палец тональный крем и мажет мне на щеки, а я разглядываю ее. Зои очень светлая блондинка с белой кожей; из-

за угрей она выглядит немного диковато. А у меня никогда даже прыщика не было. Тут уж кому как повезет.

Она обводит мне губы контуром и закрашивает помадой. Потом достает тушь и велит мне смотреть прямо на нее. Я пытаюсь представить, каково это — быть Зои. Я часто так делаю, но до конца вжиться в образ никак не получается. Тут Зои снова тащит меня к зеркалу. Я выгляжу великолепно. Почти как она.

— Куда ты хочешь сходить? — спрашивает она.

Есть куча мест. Паб. Какой-нибудь клуб или вечеринка. Мне хочется в большую темную комнату, в которой много народу, и все танцуют, то и дело задевая друг друга. Я хочу услышать тысячу оглушительно громких песен. Я хочу танцевать так быстро, чтобы мои волосы отрасли до пят. Я хочу оглушительно громко кричать, перекрывая уханье басов. Я хочу, чтобы меня бросила в жар и я грызла бы лед.

— Пошли куда-нибудь потанцуем, — предлагаю я. — Найдем каких-нибудь парней и займемся с ними сексом.

Из гостиной выходит папа и поднимает по ступенькам. Он делает вид, будто шел в туалет, и притворяется, что не ожидал нас увидеть.

— Ты встала! — восклицает он. — Чудо! — Папа сдержанно, явно завидуя, кивает Зои в знак благодарности. — Как тебе это удалось?

Потупившись, Зои улыбается:

— Просто ее надо было немножко растормошить.

— И чем же ты ее расшевелила?

Выпятив бедро, я поясняю, глядя отцу прямо в глаза:

— Мы с Зои идем танцевать стриптиз.

— Смешно, — отвечает он.

— Нет, правда.

Он качает головой и поглаживает живот. Мне его жалко, потому что он не знает, что делать.

— Ладно, — говорю я. — Мы идем в клуб.

Папа смотрит на часы, как будто это ему что-то даст.

— Я за ней присмотрю, — обещает Зои так мило и невинно, что я ей почти верю.

— Нет, — возражает отец. — Ей нужен отдых. В клубе накурено и шумно.

— Если ей нужен отдых, зачем вы мне тогда звонили?

— Я хотел, чтобы ты с ней поговорила, а не уводила с собой.

— Не беспокойтесь, — смеется Зои, — Я ее верну.

Я чувствую, как все мое оживание куда-то испаряется, потому что знаю: папа прав. Сходив в клуб, я буду неделю спать. Если я переутомлюсь, потом непременно буду за это расплачиваться.

— Ладно, — говорю я. — Какая разница.

Зои хватает меня за руку и тащит за собой по лестнице.

— Мама дала мне машину, — сообщает она. — к трем часам я привезу Тессу домой.

Папа не соглашается: три часа — это поздно; он просит Зои привезти меня домой к полуночи. Он повторяет это несколько раз, пока Зои достает из шкафа в прихожей мое пальто. Мы выходим из дома; я кричу «Пока!», но папа не отвечает. Зои закрывает за нами дверь.

— Может, и правда к полуночи? — спрашиваю я у Зои.

Она поворачивается ко мне:

— Послушай, подруга, если уж ты собралась как следует оттянуться, учись нарушать правила.

— Почему бы нам не вернуться к полуночи? Папа будет волноваться.

— Ну и пусть, какая нам разница? Уж кому-кому, а тебе точно не придется отвечать.

Никогда не задумывалась об этом.

Три

В клуб мы проходим легко. В субботу вечером девушек на тусовках маловато, а у Зои шикарная фигура. При виде Зои вышибалы пускают слюни и машут нам, чтобы мы шли в начало очереди. Покачивая бедрами, Зои заходит в клуб; вышибалы провожают нас взглядом, пока мы идем через холл к гардеробу.

— Приятного вам вечера, девушки! — кричат они. Денег с нас не берут. Нам все бесплатно.

Сдав пальто в гардероб, мы идем в бар и заказываем две колы. Зои добавляет в бокал ром из принесенной с собой фляжки. Она поясняет, что так делают все студенты их колледжа, потому что это дешевле, чем покупать выпивку в клубе. Мне пить нельзя, и это правило я нарушать не собираюсь, потому что спиртное напоминает мне о лучевой терапии. Как то раз между процедурами я смешала напитки из папиного бара и жутко напилась, и теперь в моей памяти одно неотделимо от другого. Алкоголь и ощущения после тотального облучения всего организма.

Мы прислоняемся к стойке бара и оглядываем зал. Клуб набит битком, на танцполе полно народу. Лучи света перескакивают с бюста на бюст, рыщут по задницам, по потолку.

Зои заявляет:

— Кстати, у меня есть презервативы. Если понадобятся — они в сумке. — Она касается моей руки. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Точно?

— Да.

Бурлящий субботним вечером клуб — то, чего мне и хотелось. Я взялась за список, и Зои мне помогает. Сегодня я вычеркну первый пункт — секс. И пока не выполню все десять — не умру.

— Смотри-ка, — говорит Зои, — как тебе вон тот? — Она указывает на парня. Тот и вправду неплохо танцует, с закрытыми глазами, будто он один в клубе и ему не нужно ничего, кроме музыки.

— Он тут каждую неделю бывает. Не представляю, как ему удастся здесь накуриваться. Симпатичный, правда?

— Торчок мне не нужен.

Зои смотрит на меня неодобрительно:

— Ты что, сдурела?

— Если он под кайфом, то потом меня и не вспомнит. И алкаш мне тоже не нужен.

Зои со стуком ставит бокал на стойку:

— Я надеюсь, ты не намерена влюбиться? Только не говори мне, что это тоже в списке.

— Нет, этого нет.

— Это хорошо. Ты уж извини, что я напоминаю, но времени у тебя маловато. Ну, за дело!

Она тащит меня за собой на танцпол. Мы подходим достаточно близко, чтобы Торчок нас заметил, и танцуем.

Все идет прекрасно. Кажется, будто мы все — одна семья: мы двигаемся и дышим в одном темпе. Народ осматривается, приглядывается друг к другу. И этого у меня уже никто не отнимет. Субботним вечером танцевать в клубе в красном платье Зои, притягивая взгляды парня. У кого-то из девушек этого нет. Даже такой малости.

Я знаю, что будет дальше: у меня была масса времени для чтения, и я помню все сюжеты. Торчок придвинется ближе, чтобы получше нас разглядеть. Зои на него и не посмотрит, а я

посмотрю. Я не отведу взгляда, и, наклонившись ко мне, он спросит, как меня зовут. Я отвечу: «Тесса», и он повторит за мной — твердое «т», свистящее двойное «с», многообещающее «а». Я кивну, давай понять, что все правильно, что мне приятно слышать, как ново и нежно звучит мое имя. Парень поднимет руки ладонями вверх, словно говоря: «Сдаюсь, кто же устоит перед такой красавицей?». Я лукаво улыбнусь и опущу глаза. Это подскажет ему, что надо действовать, что я не кусаюсь, а играю по правилам. Он обнимет меня, и мы станем танцевать вдвоем; я положу голову ему на грудь, слушая, как стучит его сердце — сердце незнакомого парня.

Но выходит иначе. Я забыла три вещи. Первое — что в книгах все не так, как в жизни. Еще я забыла, что на флирт у меня нет времени. А Зои это помнит. Она — третье, о чем я забыла. И Зои берет дело в свои руки.

— Это моя подруга, — перекрикивая музыку, сообщает она Торчку. — Ее зовут Тесса. Она не прочь дунуть, если ты ей дашь.

Он улыбается, протягивает мне косяк, рассматривает нас обеих, задержав взгляд на длинных волосах Зои.

— Чистая трава, — шепчет Зои. Что бы это не было, дым густой, и от него щиплет в горле. Я захожусь в кашле, у меня кружится голова. Я передаю косяк Зои, которая делает глубокую затяжку и возвращает его парню.

Теперь нас трое, мы вместе движемся в такт ударным, которые бьют нам в подошвы, отдаваясь в крови. На развешанных по стенам экранам мерцают калейдоскопические узоры. Косяк снова идет по кругу.

Не знаю, сколько проходит времени. Быть может, часы. Минуты. Я знаю только, что останавливаться нельзя, вот и все. Если я буду танцевать, темные углы зала не двинутся на меня и тишина между треками не станет громче. Если я буду танцевать, то снова увижу корабли на море, поем мидий, услышу, как скрипит под ногами первый снег.

Зои протягивает мне новый косяк. «Ты рада, что пошла?» — одними губами спрашивает она.

Я останавливаюсь, чтобы вдохнуть, и по-дурачки застываю на месте, перестав двигаться. Мираж мгновенно рассеивается. Я бодрюсь, но на душе у меня кошки скребут. Зои, Торчок и все остальные далеки и фальшивы, как телепередача. Наверно, я уже никогда не стану одной из них.

— Сейчас вернусь, — сообщаю я Зои.

В тишине туалета я сижу на унитазе, уставясь на колени. Если еще чуть-чуть приподнять платье, я увижу живот. Он до сих пор в красных пятнах. И бедра тоже. Кожа сухая, как у ящерицы, сколько бы я ни мазалась кремом. На руках с внутренней стороны — следы от игл.

Пописав, я вытираюсь и поправляю платье. Выйдя из кабинки, я замечаю Зои, которая ждет меня у сушилки. Я не слышала, как она вошла. Глаза ее темнее прежнего. Я медленно мою руки. Чувствую, что она смотрит на меня.

— У него есть приятель, — говорит Зои. — Он симпатичнее, но, если хочешь, бери Торчка: сегодня же твой вечер. Их зовут Скотт и Джейк. Сейчас мы едем к ним.

Оперевшись о край раковины, я разглядываю свое лицо в зеркале. Глаза кажутся чужими.

— Джейком зовут одного из Твинисов, — замечаю я.

— Слушай, — раздражается Зои, — ты собираешься заняться сексом или нет?

Девушка у соседней раковины бросает на меня быстрый взгляд. Мне хочется объяснить ей, что я не такая, как она подумала. На самом деле я хорошая, и мы бы, наверно, с ней подружились. Но времени нет.

Зои вытаскивает меня из туалета и волочет за собой к бару.

— Вон они. Этот твой.

Парень, на которого она показывает, стоит, заложив большие пальцы за ремень. Он похож на задумчивого ковбоя. Он нас не видит, и я застываю на месте.

— Я не могу!

— Можешь! Живи быстро, умри молодым, оставь симпатичный трупик!

— Нет!

У меня горит лицо. Здесь нечем дышать. Где дверь через которую мы пришли?

Зои хмурится:

— Ты сама меня попросила тебя заставить! И что мне теперь делать?

— Ничего. Не надо тебе ничего делать.

— Хватит дурить!

Зои качает головой и пробирается через танцпол к выходу. Я спешу за ней и вижу, как она протягивает гардеробщику мой номерок.

— Что ты делаешь?

— Беру твоё пальто. Потом поймаю такси, и вали себе домой.

— Ты же не можешь ехать к ним одна!

— Увидишь.

Зои распахивает дверь и оглядывается. Очередь рассеялась, и на улице тихо; такси не видно. На тротуаре голуби клюют объедки из пакета, в каких кафе продают еду навынос.

— Ладно тебе, Зои. Я устала. Отвези меня домой. Ну пожалуйста.

Она пожимает плечами:

— Ты всегда устаешь.

— Сколько можно злиться?

— Сколько можно нудеть?

— Я не хочу ехать к каким-то незнакомым парням. Там же может случиться все что угодно.

— И хорошо. Иначе вообще ничего и никогда не случится.

Внезапно заробев, я переминаюсь с ноги на ногу.

— Я хочу, чтобы все прошло идеально. А если я прыгну в постель с первым попавшимся парнем, кем я буду? Шлюхой?

Зои поворачивается ко мне. Ее глаза блестят.

— Нет. Просто это жизнь. Ты думаешь, сесть в такси и поехать домой к папочке — это лучше?

Я представляю, как ложусь в постель, дышу спертым воздухом своей комнаты, просыпаюсь утром и все по-прежнему.

Зои снова улыбается.

— Поехали, — говорит она. — Вычеркнешь первый пункт из своего списка. Я же знаю, тебе этого хочется. — Ее улыбка заразительна. — Соглашайся, Тесса. Давай решайся!

— Хорошо.

— Ура!

Зои хватается за руку и ведет к входу в клуб.

— Тогда напиши папе эсэмэску, что заночуешь у меня, и вперед.

Четыре

— Ты не любишь пиво? — спрашивает Джейк.

Он опирается о кухонную раковину; я стою рядом с ним. Очень близко. Нарочно.

— Я хочу чаю.

Он пожимает плечами, чокается бутылкой о мою кружку и, запрокинув голову, пьет. Я вижу, как двигается его кадык, когда он глотает, и маленький бледный шрамик у подбородка — след какой-то давней травмы. Джейк вытирает губы рукавом и замечает мой взгляд.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Ага. А ты?

— Да.

— Вот и хорошо.

Он улыбается мне. У него приятная улыбка. И это здорово. Будь он урод, все было бы гораздо сложнее.

Полчаса назад Джейк со своим приятелем Торчком, ухмыльнувшись друг другу, привели нас с Зои к себе домой. Эти ухмылки говорили, что ребята добились своего. Зои им сказала, чтобы не радовались раньше времени, но мы зашли в дом, и Торчок помог ей снять пальто. Зои смеялась его шуткам, брала косяки, которые он для нее скручивал, и в конце концов укурилась.

Мне было видно ее через дверь. Они включили музыку, какой-то мягкий джаз, выключили свет и танцевали, медленно и лениво кружась по ковру. В одной руке Зои держала косяк, вторую засунула сзади за пояс штанов Торчка. Он обнимал ее обеими руками, и казалось, будто они держатся друг за друга.

Тут до меня доходит, что я пью чай на кухне, вместо того, чтобы осуществлять свой план, и понимаю, что пора браться за дело. В конце концов, я сама эту кашу заварила.

Одним глотком я допиваю чай, ставлю кружку на сушилку и прижимаюсь к Джейку. Пальцы наших ног соприкасаются.

— Поцелуй меня, — прошу я, и, едва договорив, понимаю, до чего это смешно. Но Джейк, похоже, ничего не замечает. Он ставит пиво и наклоняется ко мне.

Мы целуемся очень нежно, едва прикасаясь губами, ловим дыхание друг друга. Я всегда знала, что буду целоваться хорошо. Все статьи в журналах прочитала — ну, те, в которых объясняют, как сделать, чтобы не мешал нос, и про избыток слюны, и куда девать руки. Хотя, конечно, я и представить не могла, что буду чувствовать на самом деле: его щетина слегка царапает мой подбородок, он проводит языком по моим губам, засовывает язык мне в рот.

Мы целуемся долго и все теснее прижимаемся, наклоняясь друг к другу. Так классно быть с кем-то, кто ничего обо мне не знает. Мои руки смело лезут ему под футболку, поглаживают спину, поясницу. Какой же он крепкий и здоровый.

Я открываю глаза, чтобы посмотреть, нравится ли Джейку, что я делаю, но мой взгляд привлекают окно за его спиной и утопающее во тьме деревья. Черные веточки барабанят по стеклу, точно пальцы. Я зажмуриваюсь и прижимаюсь к Джейку. Я чувствую через платье, как сильно он меня хочет. Он издает еле слышный глухой стон.

— Пойдем наверх, — просит он.

Джейк подталкивает меня к двери, но я отстраняюсь, уперевшись рукой ему в грудь, и задумываюсь.

— Пойдем, — повторяет он. — Ты же хочешь, правда?

Я чувствую, как стучит его сердце под моими пальцами. Он улыбается мне. Я же хочу,

верно? Разве я не за этим приехала?

— Ладно.

Джейк переплетает свои пальцы с моими; ладонь у него горячая. Он ведет меня через гостиную к лестнице. Зои целуется с Торчком. Он прислонился спиной к стене, она просунула ногу меж его ног. Когда мы проходим мимо них, они, услышав наши шаги, оборачиваются. Вид у обоих восторженный и возбужденный. Зои показывает мне язык. Он блестит, как рыбка в норке.

Отпустив руку Джейка, я иду к дивану за сумочкой Зои. Я роюсь в сумке, спиной чувствуя их взгляды, ленивую усмешку на лице Торчка. Джейк ждет, прислонившись к дверному косяку. Интересно, он сделал Торчку знак, что все о'кей? Мне не видно. Я никак не могу найти презервативы, даже не знаю, как они выглядят, в чем они — в пакетике или в пачке. В замешательстве решаю забрать сумку с собой. Если Зои понадобятся презервативы, она поднимется и возьмет их у меня.

— Пошли, — говорю я.

Я иду за Джейком по лестнице, не сводя глаз с его бедер — для храбрости. Я испытываю какое-то новое, незнакомое чувство; немного подташнивает и кружится голова. Не думала, что, поднимаясь по лестнице вслед за парнем, я вспомню о больничных коридорах. Наверно, я просто устала. Я перебираю в уме, что нужно делать, когда тошнит, — подышать свежим воздухом: открыть окно или, если есть силы, выйти на улицу. И постараться отвлечься — что-то сделать; что угодно, лишь бы не думать о тошноте. — Сюда, — произносит Джейк.

Спальня у него самая обычная — маленькая комнатка, где стоят письменный стол, компьютер, стул, односпальная кровать, а на полу валяются книги. На стенах висит несколько черно-белых постеров — в основном фотографии джазовых музыкантов.

Он смотрит, как я оглядываю его комнату.

— Хочешь, поставь сумку на пол, — предлагает он.

Джейк срывает с постели грязное белье и швыряет на пол, расправляет одеяло, садится и пригласительно хлопает ладонью по кровати рядом с собой.

Я не двигаюсь. Я не сяду на кровать, пока он не выключит свет.

— Зажги свечу, — прошу я.

Джейк открывает ящик, достает спички и встает, чтобы зажечь стоящую на столе свечу. Он выключает верхний свет и опускается на кровать.

Вот сидит настоящий, живой парень, смотрит на меня, ждет меня. Теперь дело за мной, но я чувствую, как теснит у меня в груди, как бьется сердце. Чтобы он не подумал, будто я полная идиотка, наверно, нужно притвориться кем-то еще. Я решаю стать Зои и начинаю расстегивать пуговицы ее платья.

Он следит, как я расстегиваю пуговицу за пуговицей. Облизывает губы. Три пуговицы.

Джейк поднимается с кровати и просит:

— Дай я.

Его пальцы действуют проворно. Он уже явно занимался сексом. С другой девушкой, в другой вечер. Интересно, где она сейчас. Четыре пуговицы, пять, красно платье сползает с плеч на бедра и, нежно скользнув по ногам, падает на пол. Я отхожу в сторону и встаю перед Джейком в одном лифчике и трусиках.

— Что это? — он кивает на сморщенную кожу у меня на груди.

— Я болела.

— Чем?

Я закрываю ему рот поцелуями.

Голая, я пахну по-другому — мускусно,пряно, сексуально. От Джейка пахнет иначе — дымом и чем-то сладковатым. Наверно, жизнью.

— Ты не хочешь раздеться? — голосом Зои интересуюсь я.

Он поднимает руки и стягивает через голову футболку. На секунду его лицо скрывается из виду, но обнажается тело — узкая юная грудь в веснушках, блестящие темные волосы подмышками. Он бросает футболку на пол и снова целует меня. Он пытается не глядя расстегнуть ремень одной рукой, но у него ничего не получается. Тогда он отстраняется и, не сводя с меня глаз, нащупывает молнию и пуговицу. Он снимает штаны и остается в одних трусах. Секунду он мнет в нерешительности — как будто стесняется. Я гляжу на его ноги в белых носочках — он выглядит невинно, словно младенец, — и мне хочется что-нибудь ему подарить.

— Я никогда раньше ни с кем не была, — признаюсь я. — Я никогда не спала с парнем.

Со свечки капает воск.

Джейк молчит, потом потрясенно качает головой:

— Ух ты, ничего себе!

Я киваю.

— Иди ко мне.

Я прячу лицо у него на плече. Это успокаивает меня, и кажется, что все будет хорошо. Одной рукой Джейк обнимает меня, а другой гладит по спине, по шее. У него теплая ладонь. Два часа назад я даже не знала, как его зовут.

Может, нам не надо заниматься сексом. Мы просто полежим, обнявшись, под одеялом и заснем. Быть может, мы полюбим друг друга. Он найдет средство, которое меня вылечит и я буду жить вечно.

Но это не так.

— У тебя есть презервативы? — шепчет он. — А то мои кончились.

Я беру суму Зои и выворачиваю на пол у наших ног. Джейк находит презерватив, кладет его на тумбочку у кровати и снимает носки.

Не торопясь, я расстегиваю лифчик. Ни один парень никогда не видел меня голой. Джейк пожирает меня глазами и не знает, с чего начать. Я слышу, как колотится мое сердце. Джейк с трудом снимает штаны, у него эрекция. Я стягиваю трусики и чувствую, что дрожу. Мы оба голые. Мне вспоминаются Адам и Ева.

— Все будет хорошо, — успокаивает Джейк, берет меня за руку и ведет к кровати, отбрасывает одеяло и мы ложимся.

Это лодка. Берлога. Убежище.

— Тебе понравится, — обещает он.

Мы не спеша начинаем целоваться; он медленно водит пальцами по моему телу. Мне нравится, как мы нежны друг с другом, как неторопливы наши движения в мерцании свечи. Но это длится недолго. Его поцелуи становятся настойчивее, язык мечется у меня во рту, словно хочет проникнуть глубже, но не может. Руки Джейка, не останавливаясь ни на минуту, сжимают и гладят меня. Наверно, он что-то ищет? Он повторяет: «Да, да», но, кажется, говорит не со мной. Глаза его закрыты; он прильнул губами к моей груди.

— Посмотри на меня, — прошу я, — мне нужно, чтобы ты на меня посмотрел.

Он приподнимается на локте:

— Что?

— Я не знаю, что делать.

— Все нормально. — Его глаза так потемнели, что я его не узнаю. Как будто он превратился в кого-то другого — теперь он даже не тот едва знакомый парень, что был несколько минут назад. — Все в порядке.

И он снова приникает губами к моей шее, груди, животу, и вот уже мне не видно его лица.

Его руки тоже спускаются вниз, и я не знаю, как ему сказать, чтобы он прекратил. Я

отодвигаюсь, но Джейк не перестает. Его пальцы копошатся меж моих ног, и я задыхаюсь от смущения, потому что со мной никто никогда так не делал.

Что не так, почему я растерялась? Я-то думала, будто знаю, что делать и как это произойдет. Но у меня ничего не получается, и кажется, что Джейк меня заставляет, хотя ведь я сама должна все уметь и направлять его.

Я прижимаюсь к нему, обвиваю руками пояснице и глажу по спине, словно он собака, которая непонятно чего от меня хочет.

Джейк отстраняется и садится на кровати:

— Тебе хорошо?

Я киваю.

Он тянется к тумбочке, на которой оставил презерватив. Я смотрю, как он его надевает. Ловко, ничего не скажешь.

— Ну, давай?

Я снова киваю. Отказаться было бы оскорбительно.

Он ложится на кровать, раздвигает мои ноги своими, прижимается, наваливается на меня. Вот-вот почувствую его член в себе и пойму, почему же все так любят секс. Этого-то я и хотела.

За те четыре минуты, что проходят, пока красные цифры 3:15 на его электронных часах не превращаются в 3:19, я успеваю подметить множество мелочей. Я вижу его ботинки, которые валяются у двери. Она закрыта неплотно. На потолке в дальнем углу лежит странная тень, похожая на лицо. Я вспоминаю потного толстяка, который однажды пробежал трусцой по нашей улице. Я думаю о яблоках. Решаю, что прятаться лучше всего под кроватью или лицом в мамины колени.

Опираясь на руки, Джейк медленно двигается надо мной. Он зажмурился, отвернулся в сторону. Вот оно. Все по-настоящему. Прямо сейчас. Я занимаюсь сексом.

Когда все заканчивается, я лежу под ним, чувствуя себя растерянной, маленькой и слабой, и мне не хочется говорить. Какое-то время мы не двигаемся, потом он скатывается и всматривается в мое лицо в темноте.

— Что с тобой? — спрашивает он. — Что-то не так?

Я не могу взглянуть ему в лицо, поэтому я придвигаюсь к Джейку, прижимаюсь, прячусь в его объятиях. Я понимаю, что веду себя как полная идиотка. Я хлюпаю носом, точно младенец, и не могу остановиться. Ужас. Он гладит меня по спине, шепчет мне на ухо «Тс-с-с» и потихоньку высвобождается из моих рук, так что теперь ему видно мое лицо.

— Что случилось? Ты же не будешь говорить, что тебе не хотелось?

Я вытираю глаза краешком одеда. Сажусь на кровати, свесив ноги, так что они касаются ковра. Я сижу спиной к Джейку и, прищурясь, пытаюсь разглядеть свою одежду. Она раскинулась по полу причудливой тенью.

В детстве папа частенько катал меня на плечах. Я была такая маленькая, что ему приходилось придерживать меня руками за спину, чтобы я не свалилась; я сидела так высоко, что могла достать до ветки деревьев. Я никогда не расскажу об этом Джейку. Ему до этого нет дела. Мне кажется, люди не понимают, что им говорят. Их ничем не проймешь.

Я поспешно натягиваю одежду. Красное платье кажется меньше прежнего; я пытаюсь натянуть его на колени. Неужели я и правда отправилась в таком виде в клуб?

Я надеваю туфли, собираю Зоину мелочовку с ковра в сумочку.

— Тебе не обязательно уходить, — произносит Джейк привстав на локте. В мерцании свечи его грудь кажется бледной и слабой.

— Я так хочу.

Он откидывается на подушку. Его рука свисает с кровати; коснувшись пола, пальцы

сжимаются. Джейк медленно качает головой.

Зои спит внизу на диване вместе с Торчком. Они лежат, обнявшись, голова к голове. Меня бесит, что Зои не видит в этом ничего особенного. На ней даже его рубашка. Ряды пуговиц наводят на мысли о сахарном домике из детской сказки. Я сажусь около низа на корточки и тереблю Зои за руку. Она теплая. Я торможу ее, пока Зои не открывает глаза. Прищурившись, она смотрит на меня.

— Эй, — шепчет Зои, — ты уже все?

Я киваю и непонятно почему не могу сдержать ухмылки. Зои высвобождается из объятий Торчка, садится и оглядывает пол:

— Там осталось хоть что-нибудь?

Я протягиваю ей жестянку с травкой, иду на кухню выпить воды. Я полагала, что Зои последует за мной, но она остается в гостиной. Какие могут быть разговоры при Торчке? Я допиваю воду, ставлю стакан на сушилку и возвращаюсь в гостиную. Я сажусь на пол у ног Зои, которая, лизнув папиросную бумагу, склеивает самокрутку и открывает кончик.

— Ну и как оно? — интересуется Зои. — Да так.

Меня ослепляет вспышка света сквозь занавески. Видно только, как блестят Зоины зубы.

— Он тебе понравился?

Я думаю о Джейке, который лежит в комнате наверху; рука свесилась с кровати на пол.

— Сама не знаю.

Зои затягивается, бросает на меня любопытный взгляд, выдыхает дым.

— К этому надо привыкнуть. Мама как-то сказала, что секс — всего лишь три минуты удовольствия. Я подумала: и все? У меня будет не так! И я добилась своего. Если парню дашь понять, что тебе с ним просто офигенно, то все и вправду проходит хорошо.

Я встаю, иду к окну и раздергиваю занавески. Фонари еще горят. Рассветет явно не скоро.

— Ты просто ушла оставив его наверху? — спрашивает Зои.

— Вроде того. — Это не очень красиво. Вернись — и давайте еще разок.

— Не хочу.

— Ну, домой пока тоже нельзя. Я под кайфом.

Она тушит окурок в пепельнице, укладывается рядом со Скоттом и закрывает глаза. Я долго-долго сижу и смотрю на нее, наблюдаю, как при дыхании поднимается и опускается ее грудь. Гирлянда огней на стене бросает отблеск на ковер. Там же, на полу, лежит маленький овальный коврик в сизых морских разводах.

Я возвращаюсь на кухню и ставлю чайник. На столе лежит лист бумаги. На нем написано: «Сыр, масло, фасоль, хлеб». Сидя на табуретке, я добавляю: «Ирис с шоколадом, шесть шоколадных яиц». Больше всего мне хочется шоколадных яиц — обожаю их есть на Пасху. А до Пасхи еще двести семнадцать дней.

Наверно, нужно смотреть на вещи трезво. Я вычеркиваю шоколадные яйца и вписываю «Шоколадный Санта-Клаус в красной с золотом фольге с колокольчиком на шее». Это, пожалуй, я еще съем. До Рождества сто тринадцать дней.

Перевернув листок, я пишу: «Тесса Скотт». Славное имя в три слога, как любит повторять папа. Если мне удастся написать свое имя на бумажке больше пятидесяти раз, все будет хорошо. Я пишу мелкими-мелкими буквами, как если бы я была зубной феей и отвечала на детское письмо. Побаливает запястье. Чайник свистит. На кухне клубится пар.

Пять

Иногда по воскресеньям папа отвозит нас с Кэлом в гости к маме. Мы поднимаемся на лифте на девятый этаж. Тут мама обычно открывает дверь, произносит «О, привет!» и оглядывает нас троих. Папа некоторое время топчется на лестнице, и они перебрасываются парой слов.

Но сегодня едва мама открывает дверь, как папа разворачивается и идет к лифту — настолько ему не терпится от меня отделаться.

— Смотри за ней в оба, — говорит он, указывая на меня пальцем. — Ей нельзя доверять.

Мама смеется:

— Что же она такое натворила?

Кэла так и разбирает:

— Папа запретил ей идти в клуб.

— А, — протянула мама, — это так похоже на твоего отца.

— Но она все равно пошла. Только-только домой вернулась. Ее всю ночь не было.

Мама нежно улыбается мне:

— Ты познакомилась с парнем?

— Нет.

— Познакомилась, я же вижу. И как его зовут?

— Ни с кем я не познакомилась!

Папа в ярости.

— Это так на тебя похоже, — заявляет он. — Черт побери, в этом вся ты. Я так и знал, что от тебя помощи не дождешься.

— Да ладно тебе, — говорит мама. — Ведь ей от этого хуже не стало, разве нет?

— Ты посмотри на нее. Она едва стоит на ногах.

Все трое уставились на меня. Терпеть это не могу. Мне тоскливо, холодно, и живот болит. Ноет не переставая с тех пор, как мы с Джейком занимались сексом. Я не знала, что так будет.

— Вернусь в четыре, — бросает папа, входит в лифт. — Она почти две недели отказывается сделать анализ крови, так что позвони мне, если что-то изменится. Справишься?

— Да, конечно, не волнуйся. — Мама наклоняется и целует меня в лоб. — Я за ней присмотрю.

Мы с Кэлом садимся за стол на кухне, а мама ставит чайник, отыскивает среди стоящей в раковине посуды три чашки и ополаскивает их под краном. Достает из шкафчика пакетики с чаем, из холодильника молоко, нюхает его, выкладывает не блюдо печенье.

Я тут же засовываю в рот бурбонскую печенку. Очень вкусно. Дешевый шоколад — сахар моментально поступает в кровь, в мозг.

— Я вам рассказывала про своего первого парня? — спрашивает мама, поставив чай на стол. — Его звали Кевин, он работал в часовой мастерской. Мне безумно нравилось, как он сидел, такой сосредоточенный, со стеклышком в глазу.

Кэл берет еще одно печенье:

— Мам, а сколько всего у тебя было парней?

Она смеется, откидывает длинные волосы за плечо:

— Нескромный вопрос.

— А папа был лучше всех?

— Ах, ваш отец! — восклицает мама и театрально хватается за сердце, отчего Кэл покатывается со смеху.

Однажды я спросила у мамы, почему у них с папой не сложилось. Она ответила:

— Он самый трезвомыслящий человек, которого я когда-либо знала.

Когда она его бросила, мне было двенадцать. Какое-то время она присылала открытки из мест, о которых я никогда не слышала — из Скегнесса, Гримсби, Халла. На одной из них была фотография гостиницы. «Здесь я теперь работаю, — писала мама. — Я помогаю кондитеру и очень поправилась!»

— Отлично, — заявил папа. — Пусть хоть лопнет.

Я развешивала открытки на стене своей комнаты — Карлайл, Мелроуз, Дорнох.

«Мы живем на ферме, как пастухи, — писала она. — Оказывается, хаггис делают из бараньего горла, легких, сердца и печени!»

Я этого не знала, как не знала и того, кто эти «мы», но мне нравилось рассматривать открытки с пейзажами Северной Шотландии — высокое небо, расстилающееся над заливом.

Потом наступила зима, и мне поставили диагноз. Кажется, сперва мама не поверила, потому что вернулась не сразу. Когда она наконец постучала к нам в дверь, мне стукнуло тринадцать.

— Прекрасно выглядишь! — воскликнула она, едва я открыла дверь. — И почему твой отец вечно сгущает краски?

— Ты будешь жить с нами?

— Не совсем.

Она нашла себе эту квартиру.

С тех пор всегда одно и то же. Наверно, у мамы нет денег, а может, она боится, что я переутомлюсь, но все заканчивается тем, что мы садимся и смотрим телик или играем в какую-нибудь настольную игру. Сегодня Кэл выбрал «Игру в жизнь». Полная фигня, и я вечно проигрываю. В конце концов у меня оказался муж, двое детей и работа в туристическом агентстве. Я забыла застраховать дом и, когда налетел ураган я потеряла все сбережения. Зато Кэл стал поп-звездой и построил коттедж у моря, а мама — художницей, у которой куча денег и собственный замок. Я же рано вышла на пенсию (мне все время выпадало десять очков) и даже не стала пересчитывать остатки своих средств.

Потом Кэл решает показать маме новый фокус и уходит, чтобы взять в ее кошельке монетку. Пока мы ждем, я стаскиваю со спинки дивана одеяло, и мама урывает мне колени.

— На той недели мне надо в больницу, — сообщаю я. — Ты придешь?

— А разве папа не поедет?

— Вы оба можете поехать.

Она смутилась:

— А зачем тебе в больницу?

— У меня опять начались головные боли. Мне хотят сделать люмбальную пункцию.

Мама наклоняется и целует меня; я чувствую ее теплое дыхание на щеке.

— Все будет хорошо, не волнуйся. Я верю, что все будет хорошо.

Возвращается Кэл с фунтом.

— Дамы, следите за рукой, — произносит он.

Мне не хочется. Надоело смотреть, как исчезают предметы.

В маминой спальне я задираю футболку перед зеркалом на шкафу. Раньше я была страшная, как карлица. Кожа серая, а живот на ощупь словно тесто, вылезшее из кастрюли: палец тонул в рыхлых телесах. Все из-за стероидов. Преднизолон и дексаметазон в больших дозах. Оба лекарства — сущий ад, от них толстеешь, становишься уродливой и злобной.

Прекратив их принимать, я похудела. Теперь тазовые кости выпирают и ребра торчат. Я, словно призрак, постепенно покидаю свое тело.

Я сажусь на маминой кровати и звоню Зои.

— Что это вообще такое — секс? — спрашиваю я.

— Бедненькая, — жалеет меня Зои. — Тебе не понравилось, да?

— Просто я никак не пойму, отчего мне так неудобно.

— В каком смысле неудобно?

— Одиноко и живот ноет.

— Ах да! — восклицает Зои. — Помню такое. Как будто тебя раскупорили?

— Вроде того.

— Это пройдет.

— А почему мне все время хочется плакать?

— Тесс, ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Секс — лишь способ общения.

Возможность расслабиться и почувствовать себя желанной.

По голосу кажется, будто Зои улыбается.

— Ты что, снова под кайфом?

— Нет!

— А где ты?

— Мне надо бежать. Скажи, что там у тебя дальше по списку, и мы все решим.

— Я передумала. Список — полная фигня.

— Да что ты, это так весело! Не стоит от него отказываться. Наконец-то в твоей жизни что-то происходит.

Повесив трубку, я мысленно считаю до пятидесяти семи. Потом набираю 999.

Женский голос отвечает:

— Служба спасения. Что у вас случилось?

Я молчу.

Женщина спрашивает:

— Произошел несчастный случай?

Я отвечаю:

— Нет.

— Не могли бы вы подтвердить, что все в порядке? — просит она. — Будьте добры, назовите ваш адрес.

Я называю мамин адрес. Подтверждаю, что все в порядке. Интересно, придет ли маме счет. Хорошо бы пришел.

Я звоню в справочную, узнаю телефон «Самаритян» и не спеша набираю номер.

— Алло, — отвечает мягкий женский номер с акцентом, пожалуй с ирландским.

— Алло, — повторяет женщина.

Мне неловко тратить ее время, и я говорю:

— Жизнь — дерьмо.

Она негромко произносит «Угу», и это напоминает мне о папе. Полтора месяца назад он ответил также, когда врач в больнице спросил, понимаем ли мы, о чем речь. Помню, я тогда подумала, что папа, наверно, ничего не понял, потому что все время плакал и не слушал.

— Я вас слушаю, — произносит женщина.

Мне хочется обо всем ей рассказать. Я прижимаю трубку к уху: чтобы говорить о важном, нужно стать ближе.

Но я не могу подобрать слов.

— Вы меня слышите? — спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я и вешаю трубку.

Шесть

Папа берет меня за руку.

— Отдай боль мне, — говорит он.

Я лежу на краю больничной койки головой на подушке, подтянув колени к груди. Позвоночник вдоль края кровати.

В палате два врача и медсестра, но мне их не видно, потому что я лежу к ним спиной. Одна из врачей на самом деле еще студентка, и она почти все время молчит. Наверно, наблюдает, как второй отыскивает на моем позвоночнике место, куда будет колоть, и отмечает его ручкой. Он протирает мою кожу антисептическим раствором. Очень холодным. Начинает с места, куда войдет игла, и вокруг небо, потом обкладывает мне спину салфетками и надевает стерильные перчатки.

— Мне понадобятся иглы двадцать пятого диаметра, — сообщает он студентке, — и пятикубовый шприц.

На стене за папиным плечом висит картина. Картины в больнице меняют часто; эту я раньше не видела. Я пристально всматриваюсь в нее. За последние четыре года я научилась отвлекаться от происходящего.

На картине изображено поле где-то в Англии; день клонится к вечеру, и солнце стоит низко. Мужчина налегает на тяжелый плуг. Порхают птицы.

Папа поворачивается на стуле, замечает, куда я гляжу, отпускает мою руку и встает, чтобы рассмотреть картину.

Внизу по полю бежит женщина. Одной рукой она придерживает юбку, чтобы ноги не путались в подоле.

— «Великая лондонская чума пришла в Эйам», — вслух читает папа. — Веселенькая картина для больницы!

Доктор хмыкает.

— А вы знаете, — спрашивает он, — что до сих пор регистрируется три тысячи случаев бубонной чумы?

— Я этого не знал, — отвечает папа. — Слава богу, что есть антибиотики.

Папа садится и снова сжимает мою ладонь:

— Слава богу.

Бегущая женщина испугнула кур, и я только сейчас замечаю, что она с ужасом смотрит на мужчину.

В 1666 году случилась чума, Большой лондонский пожар и война с Голландией. Я помню это со школы. Миллионы трупов свозили на телегах к ямам с известью, сваливали в общие безымянные могилы. Спустя триста сорок лет от тех, кто пережил чуму, не осталось и следа. Из того, что изображено на картине, есть только солнце. И земля. И от этой мысли мне тоскливо.

— Сейчас будет немного покалывать, — предупреждает врач.

Большим пальцем папа гладит меня по руке; по телу прокатываются волны статического тепла. В голове всплывает слово «вечность»: я думаю о том, что мертвых больше, чем живых, и нас окружают призраки. Мысль утешительная, но легче мне не становится.

— Сожми мою руку, — предлагает папа.

— Я не хочу делать тебе больно.

— Когда твоя мать тебя рожала, она четырнадцать часов держала меня за руку и, как видишь, пальцев не переломала. Ты не сделаешь мне больно, Тесса.

Ощущение такое, будто меня бьет током, будто моя спина застряла в тостере и доктор выковыривает ее оттуда тупым ножом.

— Как ты думаешь, какие у мамы на сегодня планы? — спрашиваю я. Голос звучит неестественно. Зажато. Напряженно.

— Понятия не имею.

— Я попросила ее приехать.

— Зачем? — удивляется папа. — Чтобы вы потом вместе сходили в кафе.

Он хмурится:

— С чего это тебе вздумалось?

Я закрываю глаза и представляю, что я дерево, опаленное солнцем, и жду не дождусь дождя. Я представляю, как серебристые струи воды омывают мои листья, поят корни, растекаются по стволу.

А тем временем врач перечисляет студентке статистику:

— В одном случае из тысячи в результате процедуры пациент получает незначительное повреждение нерва. Существует также вероятность инфекции, кровотечения, поражения хрящей. — Тут врач вынимает игру. — Молодец, — хвалит он. — Все.

Мне кажется, что он вот-вот похлопает меня по крупу, как послушную лошадь. Но вместо этого показывает мне три пробирки:

— Это отнесете в лабораторию.

Он даже не прощается — бесшумно выскользывает из палаты. Студентка спешит за ним. Кажется, будто он внезапно засмутился, словно между нами проходило что-то интимное.

Медсестра очень милая. Накрываю мою спину марлей, она болтает с нами, потом наклоняется ко мне и улыбается:

— Теперь нужно немного полежать.

— Я знаю.

— Уже были у нас?

— Она поворачивается к отцу:

— А вы чем займетесь?

— Посижу рядышком, почитаю.

Она кивает:

— Я тут рядом. Какие могут быть осложнения, знаете?

С видом знатока папа перечисляет:

— Озноб, лихорадка, ригидность затылка, головная боль. Обезвоживание, кровотечение, онемение или слабость ниже прокола.

— Все верно, — с одобрением произносит медсестра.

Когда она выходит из палаты, папа улыбается мне:

— Тесса, ты молодчина. Теперь все позади.

— Если только анализы не будут плохими.

— Не будут.

— Иначе мне придется делать люмбальную пункцию каждую неделю.

— Тс-с-с! Постарайся заснуть, доченька. Время пройдет быстрее.

Папа берет книжку и устраивается на стуле.

Сполохи света мелькают под веками, точно светлячки. Я слышу, как пульсирует кровь — будто копыта стучат о мостовую. За окном палаты сгущаются серые сумерки.

Папа переворачивает страницу.

На картину за его плечом из трубы дома поднимается невинный дымок и бежит женщина, в страхе обратив взгляд к небу.

Семь

— Вставай! Ну вставай же! — орет Кэл.

Я накрываюсь одеялом с головой, но Кэл его сдергивает:

— Папа сказал, что, если ты не встанешь прямо сейчас, он придет с мокрым полотенцем!

Я перекатываюсь на другой бок, отодвигаюсь от Кэла, но он обходит вокруг кровати и, ухмыляясь, сообщает:

— Папа говорит, что ты должна каждое утро вставать с постели и чем-нибудь себя занимать.

Я отбрыкиваюсь, натягиваю одеяло на голову:

— А мне наплевать! Катись из моей комнаты!

Странно, но, когда он наконец уходит, меня это совсем не задевает.

Комната наполняется звуками: до меня доносится топот ног по лестнице, звон посуды на кухне — Кэл не закрыл за собой дверь. Мне слышно, как льется молоко на хлопья, как падает ложка. Как папа ворчит, вытирая школьную рубашку Кэла. Как скребет по полу кошка.

Вот открывается шкаф в прихожей, и папа достает Кэлову куртку. Я слышу, как он ему застегивает куртку и кнопку под подбородком, чтобы ему не продуло горло. Раздается поцелуй, потом вздох — дом заливают отчаяние.

— Иди попрощайся с сестрой, — говорит папа.

Кэл взбегает по лестнице, топчется за дверью, потом решается и подходит к кровати.

— Я надеюсь, что ты помрешь, пока я в школе! — шипит он. — В страшных муках. И тебя похоронят в какой-нибудь дыре — в рыбной лавке или у зубного врача!

Пока, братишка, думаю я. Пока-пока.

Отец в халате и тапках остается на неприбранной кухне; небритый, он трет глаза, как будто удивляясь, что остался один. За последние недели у него сложился свой утренний распорядок. Когда Кэл уходит, папа варит себе кофе, потом вытирает со стола, моет посуду и включает стиральную машину. На это уходит примерно двадцать минут. Потом он заходит ко мне и спрашивает, хорошо ли я спала, хочу ли есть и когда встану. Именно в этом порядке.

В ответ я говорю: «Нет, нет, никогда», и тогда он переодевается и идет вниз к компьютеру, за которым просиживает часами, выкапывая в Сети информацию, которая могла бы меня спасти. Я слышала, что существует пять стадий печали, и если это правда, то папа застрял на первой: отрицание.

Против обыкновения, сегодня он стучится ко мне рано. Он не выпил кофе, не прибрал на кухне. Что случилось? Когда он заходит, я лежу не шевелясь. Папа закрывает за собой дверь и сбрасывает тапки.

— Двигайся, — говорит он и поднимает край одеяла.

— Папа, ты что?

— Поваляюсь с тобой.

— Не надо!

Он обхватывает меня рукой, удерживая на месте. У него тяжелые кости. Носки трут мои голые ноги.

— Папа, слезай с моей кровати!

— Нетушки.

Я отталкиваю его руку, сажусь и смотрю на него. От папы несет застоявшимся табачным дымом и пивом; он выглядит старше, чем я его помню. Я слышу, как стучит его сердце, — хотя, по-моему, такого не может быть.

— Ты что, сдурел?

— Ты никогда ни о чем мне не рассказываешь.

— И ты решил, что так поможешь делу?

Он пожимает плечами:

— Наверно.

— А тебе бы понравилось, если бы я залезла к тебе на кровать, когда ты спишь?

— В детстве ты так и делала. Ты говорила: это не честно, что ты спишь одна. И мы с мамой каждую ночь пускали тебя к себе, потому что тебе было одиноко.

Я уверена, что это неправда, потому что ничего такого я не помню. Наверно, папа рехнулся.

— Ладно, если ты не уйдешь, уйду я.

— На здоровье, — отвечает он. — Этого-то мне и надо.

— А ты останешься тут?

Папа усмехается и сворачивается калачиком под одеялом:

— Здесь уютно и тепло.

Я чувствую слабость в ногах. Вчера я толком ничего не ела, и теперь мне кажется, будто я стала прозрачной. Схватившись за спинку кровати, я ковыляю к окну и выглядываю на улицу. Еще рано; в бледно-сером небе тускнеет луна.

— Ты не общаешься с Зои, — произносит папа.

— Ага.

— Что случилось в тот вечер, когда вы пошли в клуб? Вы что, поссорились?

В саду на лужайке валяется Кэлов оранжевый футбольный мяч, похожий на сдувшуюся планету. В соседнем саду снова появляется тот парень. Я прижимаю ладони к стеклу. Парень каждое утро возится в саду — копает, что-то сгребает граблями или просто бродит без дела. Сейчас он срезает с изгороди ветки ежевики и собирает в кучу, чтобы сжечь.

— Тесс, ты меня слышишь?

— Да, но я с тобой не разговариваю.

— Может, тебе стоит подумать о том, чтобы вернуться в школу. Пообщалась бы с друзьями.

Я оборачиваюсь и смериваю его взглядом:

— У меня нет друзей, и, чтобы ты мне не говорил, я не собираюсь их заводить. Мне не интересны зеваки, которым не терпится со мной познакомиться, чтобы на моих похоронах их все жалели.

Папа вздыхает, натягивает одеяло до подбородка и качает головой:

— Не говори так. Цинизм вреден.

— Ты это где-то прочитал?

— Оптимизм укрепляет иммунную систему.

— Значит, я сама виновата, что заболела?

— Ты же знаешь, что я так не думаю.

— Ты всегда так реагируешь, будто я все время веду себя неправильно.

Он рывком садится на постели:

— Вовсе нет!

— А вот и да. Как будто я неправильно умираю. Ты вечно приходишь в мою комнату и говоришь, что надо встать или собраться с силами. Теперь ты предлагаешь мне вернуться в школу. Это же бред!

Я топаю к кровати и надеваю его тапки. Они мне велики, но мне все равно. Папа смотрит на меня, опираясь на локоть. У него такой вид, будто я его ударила.

— Не уходи. Ты куда?

— Подальше от тебя.

Я с наслаждением хлопаю дверью. Пусть лежит в моей кровати. На здоровье. Пусть хоть сгниет там.

Восемь

Высунув голову из-за изгороди, я окликаю соседского парня: похоже, я застала его врасплох. Он старше, чем я думала: наверно, ему лет восемнадцать. У него темные волосы и легкий пушок на щеках.

— Да?

— Можно я кое-что сожгу на твоём костре?

Он ковыляет ко мне по дорожке, вытирая лоб ладонью, словно взмок от жары. Под ногтями грязь, в волосах листья. Лицо серьезно.

Я приподнимаю и показываю ему две коробки из-под обуви. Платье Зои свисает с моего плеча, точно флаг.

— А что в них?

— В основном бумаги. Так можно?

Он пожимает плечами, будто ему все равно; тогда я прохожу в боковую калитку, перешагиваю через низкую стенку, которая разделяет наши участки, пересекаю его лужайку и иду к дому. Он уже там, придерживает передо мной калитку. Я мнусь, не решаясь войти.

— Меня зовут Тесса.

— Адам.

Мы молча идем по садовой дорожке. Наверняка он подумал, будто меня только что бросил парень, а в коробках любовные письма. Он, поди, решил: понятно, почему ее бросили, — лысая, кожа да кости.

Костер еле теплится: листья и сучья тлеют, кое-где видны слабые языки пламени.

— Листья были сырые, — поясняет Адам.

— С бумагой опять разгорится.

Я открываю коробку и переворачиваю в костер.

С тех пор, как я обнаружила на спине первый синяк, и до того дня, когда врачи официально признали меня безнадежной (это было два месяца назад), я вела дневник. Четыре года этого жалкого оптимизма горят весело — до чего же яркое пламя! Все открытки с пожеланиями выздоровления, которые я когда-либо получала, скукоживаются по краям и, треща, рассыпаются в прах. За четыре долгих года забываешь имена.

Одна из медсестер рисовала карикатуры на докторов и клала мне на тумбочку, чтобы меня рассмешить. Ее имени я тоже не помню. Кажется, Луиза? Рисовала она частенько. Трещит огонь, искры летят в листву.

— Я отвожу душу, — поясняю я Адаму.

Похоже, он меня не слушает. Он тащит по земле к костру куст ежевики.

То, что лежит во второй коробке, я ненавижу больше всего. Мы с папой не раз в ней рылись, разбрасывая фотографии по больничной койке.

— Ты поправишься, — уверял меня папа, водя пальцем по снимку: здесь мне одиннадцать лет, я перешла в среднюю школу, первый день учебы, и я смущаюсь в новой школьной форме. — А это в Испании, — продолжает он. — Помнишь?

Тощая, загорелая, я с надеждой смотрю в объектив. Тогда у меня была первая ремиссия. Какой-то мальчишка на пляже, увидев меня, присвистнул. Папа сфотографировал меня, сказав, что мне захочется на всю жизнь запомнить, как мальчишка впервые засвистел мне вслед.

Но мне хочется об этом забыть.

Внезапно на меня накатывает желание броситься в дом и принести другие вещи. Одежду,

книги.

— Можно я приду, когда ты в следующий раз будешь жечь костер? — спрашиваю я парня.

Наступив на ветку, Адам ломает ее и бросает в костер.

— А почему ты решила все сжечь? — интересуется он.

Я сжимаю платье Зои в комок: оно умещается в кулаке. Я швыряю его в костер, и кажется, будто оно вспыхивает, не долетев до огня. Оно словно зависает в воздухе, переплавившись в пластик.

— Опасно платье, — замечает Адам и упирается в меня взглядом, как будто что-то знает.

Материя состоит из частиц. Чем тверже, крепче, прочнее тело, тем меньше расстояние между частицами. Люди крепки, но внутри у них жидкость. Мне кажется, что если стоять очень близко к огню, то частицы, составляющие тело, изменятся: неожиданно я чувствую странную легкость и головокружение. Я толком не понимаю почему — может, слишком мало ем, — но у меня такое ощущение, будто я вылетаю из тела. Сад внезапно заливают свет.

Как искры от костра, опускающиеся мне на волосы и одежду, все падающие тела согласно закону всемирного тяготения непременно оказываются в земле.

Я с удивлением обнаруживаю, что лежу на траве и смотрю вверх, на бледное лицо Адама в нимбе облаков. Я стараюсь собраться с мыслями.

— Не двигайся, — говорит Адам. — Кажется, у тебя был обморок.

Я пытаюсь заговорить, но язык еле ворочается, и я лежу молча.

— У тебя диабет? Тебе нужно сладкое? Если хочешь, у меня есть банка колы.

Он садится рядом, ждет, пока я приподнимусь и протягивает мне колу. Сахар попадает в кровь, и у меня шумит в голове. Я очень слаба, почти бесплотна, но мне гораздо лучше, чем раньше. Мы с Адамом смотрим на огонь. Вещи из коробок сгорели дотла, а от самих коробок остались лишь обгоревшие куски картона. Платье словно растворилось в воздухе. Угли еще не остыли, их тусклый свет притягивает мотыльков, и глупая букашка летит на огонь. Ее крылышки с треском вспыхивают и обращаются в прах. Мы не сводим глаз с того места, где только что порхал мотылек.

— Ты часто работаешь в саду? — спрашиваю я Адама.

— Мне это нравится.

— Я за тобой наблюдаю. Смотрю в окно, как ты копаешь и все такое прочее.

— Правда? Но зачем? — изумляется Адам.

— Мне нравится на тебя смотреть.

Он хмурится, как будто раздумывая над моими словами, хочет что-то сказать, но отворачивается и оглядывает сад.

— В том углу я хочу устроить грядку, — сообщает он. — Горох, капуста, салат, фасоль. Ну и так далее. Это все больше для мамы, чем для меня.

— Почему?

Он пожимает плечами, переводит взгляд на дом, как будто от упоминания о ней его мама подойдет к окну.

— Она любит сад.

— А твой папа?

— Мы живем вдвоем с мамой.

Я вижу на тыльной стороне его ладони кровь. Адам замечает мой взгляд и вытирает руку о джинсы.

— Ладно, мне надо работать, — говорит он. — Как ты себя чувствуешь? Если хочешь, допивай колу.

Я медленно бреду по дорожке, и Адам идет рядом со мной. Я так рада, что сожгла

фотографии и дневники, что Зоино платье сгорело. Кажется, будто теперь все пойдет иначе.

У калитки я поворачиваюсь к Адаму.

— Спасибо за помощь, — благодарю я.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он.

Адам стоит, засунув руки в карманы. Он улыбается, потом отводит глаза и упирается взглядом в ботинки. Но я знаю, что он меня видит.

Девять

— Не знаю, почему вас послали сюда, — говорит регистратор.

— Нам назначено, — сообщает ей папа. — Мне звонила секретарша доктора Райана и просила прийти.

— Не сюда и не сейчас, — возражает регистратор.

— Именно сюда и сейчас, — настаивает отец.

Регистратор фыркает, лезет в компьютер и просматривает страницу.

— Вы на люмбальную пункцию?

— Нет, — раздражается папа. — Доктор Райан вообще сегодня в больнице?

Я сижу в приемной и слушаю, как они препираются. Рядом, как обычно, кучкуются пациенты: собравшаяся в углу компания в шапках обсуждают понос и рвоту: все собеседники подключены в переносным насосам для химиотерапии. Какой-то мальчишка вцепился в мамину руку; слабенькие новые волосы на его голове одной длины с моими. Девушка без бровей делает вид, будто читает книгу. Брови она нарисовала поверх очков. Девушка замечает мой взгляд и улыбается. Но я не реагирую. Я взяла за правило не общаться с умирающими. Добром это не кончится. Как-то я подружилась с одной девочкой. Ее звали Анжела. Мы каждый день переписывались по электронной почте, а потом она вдруг замолчала. Наконец ее мама позвонила моему папе и сообщила, что Анжела умерла. Мертва. Вот так. А я даже ничего не знала. И тогда я решила, что больше не буду общаться ни с кем из больных.

Я беру журнал, но не успеваю даже открыть его, как папа хлопает меня по плечу.

— Наша взяла! — говорит он.

— Ты о чем?

— Мы были правы, а она нет. — Папа весело указывает на регистратора и помогает мне подняться. — Эта дурища не смыслит ни уха ни рыла. А теперь, вероятно, нас проводят к самому светиле.

У доктора Райана подбородок испачкан в чем-то красном. Мы сидим за столом напротив него, и я не могу отвести взгляд от этого пятнышка. Я гадаю, что это — соус к спагетти или суп? Или доктор только с операции? Может, это сырое мясо?

— Спасибо, что пришли, — произносит он и потирает колени.

Папа придвигает мне стул и прижимается коленом к моей ноге. Я судорожно сглатываю, борясь с желанием вскочить и убежать. Если я не буду слушать, то не узнаю, что скажет врач, и тогда, может, это не сбудется.

Но доктор Райан говорит не раздумывая:

— Тесса, боюсь у меня плохие новости. Последняя люмбальная пункция показала, что рак проник в спинномозговую жидкость.

— Это плохо? — в шутку спрашиваю я.

Но доктор не смеется.

— Очень плохо. Это означает, что поражена центральная нервная система. Я знаю, это трудно принять, но события развиваются быстрее, чем мы полагали.

Я упираюсь на него взглядом:

— События?

Он ерзает на стуле:

— Тесса, у тебя наступило ухудшение.

За его столом большое окно, и в него мне видно верхушки деревьев. Я вижу ветки, увядающие

листья и кусочек неба.

— И насколько плохи мои дела?

— Зависит от того, как ты себя чувствуешь. Упадок сил, тошнота? Ноги болят?

— Немного.

— Решать, конечно, тебе, но я бы посоветовал делать все, что тебе заблагорассудится.

На столе у доктора снимки, подтверждающие его правоту, и он передает их нам, будто фотографии из отпуска, указывает на темные пятна, очаги повреждения, свободно циркулирующие бласты. Словно меня разрисовал изнутри черной краской маленький непоседа, оставленный без присмотра.

Папа изо всех сил старается не заплакать, но у него ничего не получается.

— И что теперь? — спрашивает он, и из его глаз на колени тихо капаят крупные слезы.

Доктор протягивает ему платок.

По окну стекают капли первого за день дождя. Подхваченный порывом ветра, лист падает, сверкает золотом и медью.

Доктор говорит:

— Тессе может помочь интенсивная интратекальная терапия. Я назначу месячный курс метотрексата и гидрокортизона. Если все пойдет успешно, состояние Тессы улучшится, и мы продолжим поддерживать терапию.

Доктор говорит и говорит, папа слушает его, но я ничего не слышу.

Это действительно случится. Меня предупреждали, но все идет быстрее, чем можно было предположить. Я правда не вернусь в школу. Никогда. Я никогда не стану знаменитой и не оставлю по себе ничего полезного. Не увижу, как вырастет брат. Не буду путешествовать, зарабатывать деньги, никогда не сяду за руль, не влюблюсь, не уйду из дома, да и собственного дома у меня не будет.

Это все правда.

Мысль оглушает, охватывает все тело от кончиков пальцев ног, пронзает меня, затмевает все прочие мысли, и я не могу больше думать ни о чем другом. Она переполняет меня, словно беззвучный крик. Я так долго была больна — опухшая, слабая, с покрытой пятнами кожей, слезящимися ногтями, выпадающими волосы и выворачивающей до костей тошнотой. Это несправедливо. Я не хочу умирать вот так, толком не пожив. Я понимаю это с ослепительной ясностью. В сердце даже шевелится надежда-бред. Пока я не умерла, я хочу жить. Все остальное не имеет смысла.

Тут я прихожу в себя.

Доктор распинаясь об испытаниях лекарств: меня они не спасут, но могут помочь другим. Папа молча плачет, а я таращусь в окно и недоумеваю, почему так быстро темнеет. Сколько же сейчас времени? Сколько мы тут сидим? Я смотрю на часы: половина четвертого, день клонится к закату. Октябрь. Детвора с новыми пеналами и рюкзаками, у которой только-только начались занятия, ждет не дождется каникул. Как быстро летит время. Скоро Хеллоуин, потом ночь фейерверков. Рождество. Весна. Пасха. В мае мой день рождения. Мне будет семнадцать.

Сколько я еще протяну? Неизвестно. Я знаю только, что выход у меня один: либо валяться под одеялом и умирать, либо снова взяться за список и жить.

Десять

— Надо же, ты встала! — восклицает папа, замечает, что я надела мини-платье, и поджимает губы. — Дай-ка я угадаю. Ты встречаешься с Зои?

— А что, нельзя?

Он пододвигает мне через стол витамины.

— Не забудь принять.

Обычно папа приносит мне их на подносе, но сегодня ему не придется возиться. Казалось бы, радоваться должен, но нет — сидит и следит, как я глотаю пилюлю за пилюлей. Витамин Е помогает организму справиться с анемией. Витамин А нейтрализует воздействие облучения на кишечник. Вяз ржавый восстанавливает слизистую оболочку, которая выстилает внутренности. Кремний укрепляет кости. Калий, железо и медь стимулируют иммунную систему. Алоэ вера полезно для здоровья в целом. А чеснок — ну, папа где-то прочитал, что достоинства чеснока еще до конца не исследованы. Он называет его «витамин Икс». Все это я запиваю свежесжатым апельсиновым соком с ложкой неочищенного меда. Ням-ням.

Улыбнувшись, я отодвигаю поднос. Папа ставит его в раковину.

— Мне казалось, вчера тебя тошнило и болели ноги, — говорит он, открывая кран и ополаскивая чашку.

— Сегодня все в порядке. Ничего не болит.

— Может, тебе лучше отлежаться?

Это скользкая тема, и я быстренько перевожу разговор, переключив внимание на Кэла, который ковыряется ложкой в куче размокших кукурузных хлопьев. Вид у него такой же мрачный, как у папы.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Сегодня суббота! Ты разве не рад?

Кэл злобно смотрит на меня:

— Ты все забыла?

— Что забыла?

— Ты обещала на каникулах сводить меня по магазинам! Ты сказала, что возьмешь кредитку. — Он зажмуривается. — Я так и знал, что ты все забудешь!

— Успокойся! — предупреждает его папа суровым голосом, как всегда, когда Кэл начинает капризничать.

— Кэл, я все помню, но я же не обещала, что мы пойдем сегодня.

Он бросает на меня свирепый взгляд:

— А я хочу сегодня!

Значит, делать нечего: таковы правила. Второй номер из моего списка прост. Один единственный день я должна со всем соглашаться. Что бы это ни было и кто бы ни попросил.

Когда мы выходим из калитки, я заглядываю в светящееся надеждой лицо Кэла, и меня внезапно пробивает страх.

— Я напишу Зои и скажу, что мы идем, — говорю я Кэлу.

Он сообщает, что терпеть не может Зои, и это плохо, потому что она мне нужна. Ее напор. То, что при ней всегда происходит что-то интересное.

— Я хочу на детскую площадку, — заявляет Кэл.

— Ты ведь уже большой мальчик.

— Ну и что? Там весело.

Я часто забываю, что Кэл еще ребенок, что он по-прежнему любит качели с каруселями и все такое. Ладно, в этом нет ничего дурного, и Зои пишет в ответ, что все в порядке, она все равно опоздает, так что встретимся в парке.

Я сажусь на скамейку и смотрю, как Кэл лазит по паутине из канатов. Наверху его еле видно.

— Я хочу выше! — вопит он. — Можно я залезу наверх?

— Давай, — кричу я в ответ, потому что поклялась себе со всем соглашаться и таковы правила.

— Я вижу самолетики изнутри! — орет Кэл. — Лезь сюда!

В мини-платье карабкаться трудновато. Паутина качается, туфли приходится сбросить. Кэл надо мной хохочет.

— Наверх! — командует он.

Черт, это и правда высоко, а внизу канаты трясет какой-то пацан с мордой шире автобуса. Я подтягиваюсь, не обращая внимания на боль в руках. Я тоже хочу увидеть самолетики изнутри. Я хочу смотреть на ветер и ловить руками птиц.

Наконец я наверху. Мне видно крышу церкви, верхушки деревьев в парке и каштаны, которые вот-вот полопаются. Воздух чист, и облака проплывают близко, как будто я на какой-нибудь высокой горе. Я гляжу вниз: люди, задрав головы, смотрят на нас.

— Высоко, правда? — говорит Кэл.

— Да.

— Теперь пошли на качели?

— Да.

Я согласна на все, что бы ты ни предложил Кэл, но сперва мне хочется почувствовать, как в лицо дует ветер. Я хочу увидеть траекторию, по которой Земля медленно вращается вокруг Солнца.

— Я же говорил, тут весело. — Кэл сияет от радости. — Давай покатаемся на всем!

У качелей очередь, и мы идем качаться на доске. Я по-прежнему тяжелее Кэла, я все еще его старшая сестра. Я с силой отталкиваю ногами от земли, так что братишка подлетает высоко и визжит от смеха, жестко приземлившись на задницу. У него будут синяки, но ему все равно. Соглашайся, просто соглашайся.

Мы облазим всю площадку, с трудом протискиваемся в домик наверху лесенки в песочнице. Залезаем на мотоцикл на огромной пружине. Когда я взбираюсь на него, мотоцикл сильно заваливает набок, и я обдираю колено о землю. Мы изображаем гимнастов на деревянном бревне, проходим по азбуке-змейке, прыгаем в классики, карабкаемся по лестницам. Потом возвращаемся на качели, я быстренько сажаю Кэла на свободные, и все мамы, вытирающие носовыми платками пухлые щеки своих малышей, дружно на меня шипят. Мое платье задирается, обнажая бедра. Я смеюсь, откидываюсь назад и раскачиваюсь сильнее. Быть может, если я раскачусь высоко-высоко, мир станет иным.

Я не заметила, как подошла Зои. Когда Кэл показывает мне на нее, она наблюдает за нами, прислонившись к воротам площадки. Наверно, она стоит там целую вечность. На ней топик и юбка, едва прикрывающая задницу.

— Доброе утро, — здоровается она, когда мы подходим ближе. — Я смотрю, вы начали без меня.

Я заливаюсь румянцем:

— Кэл попросил, чтобы мы покачались на качелях.

— И ты конечно, согласилась.

— Да.

Зои задумчиво смотрит на Кэла.

— Мы идем на рынок, — сообщает она. — Купим кое-что, поболтаем о своем, о девичьем, тебе с нами будет скучно.

Он поднимаем испачканное грязью лицо и сердито глядит на Зою:

— Я хочу в магазин для фокусников.

— Вот и хорошо. Иди. Пока-пока.

— Он поедет с нами, — сообщаю я Зою. — Я ему обещала.

Она вздыхает и отходит. Мы с Кэлом следуем за ней.

В школе только Зою не испугалась моей болезнью. Она и до сих пор-единственная из всех, кого я знаю, ходит по городу с таким видом, будто на улице не могут ограбить, пырнуть ножом, будто автобусы никогда не выезжают на тротуар и никто ничем не болеет. Когда я с ней, мне кажется, что врачи напутали, умираю не я, а кто-то другой и все это лишь недоразумение.

— Давайте быстрее, — бросает она через плечо. — Тесса, шевели ногами!

Платье слишком коротко. Стоит мне вздрогнуть или нагнуться, как оно задирается. Машина гудит. Несколько парней пристально таращатся на мою грудь и задницу.

— Почему ты ее слушаешь? — спрашивает Кэл.

— Просто слушаюсь и все.

Зою сияет. Она ждет, пока мы ее нагоним, и берет меня под руку.

— Я тебя прощаю, — заявляет она.

— За что?

Она с заговорщицким видом наклоняется ко мне:

— За то, что ты прожужжала мне все уши про свой облом с сексом.

— Не было такого!

— Было, было. Ладно, я не сержусь.

— Больше двух говорят вслух! — вмешивается Кэл.

Зою подталкивает его вперед и притягивает меня ближе.

— Итак, — начинает она, — как далеко ты готова зайти? Если я скажу, ты сделаешь татуировку?

— Да.

— Попробуешь наркотики?

— С удовольствием.

— Признаешься вон тому дядьке в любви?

Она указывает на лысого прохожего старше моего папы. Мужчина вышел из газетного киоска, сорвал целлофан с пачки сигарет и бросил его на землю.

— Да.

— Вперед.

Мужчина выбивает из пачки сигарету, прикуривает и выдыхает дым. Я подхожу к нему; он с улыбкой поворачивается — наверно, думает, что это кто-то знакомый.

— Я вас люблю, — произношу я.

Он хмурится, потом замечает хихикающую Зою.

— Проваливай, — рычит он. — Идиотка.

Умора. Мы с Зою вцепляемся друг в друга и хохочем до слез. Кэл строит раздраженную гримасу.

— Пошли уже, — говорит он.

На рынке кипит жизнь. Люди толкаются, как будто случилось что-то из ряда вон выходящее; все куда-то спешат. Мимо меня протискиваются толстые старухи с корзинами для покупок;

родители с колясками перегораживают проход. Смеркается; я стою посреди толчеи, словно во сне, и мне кажется, что я не двигаюсь, ноги мои как из свинца и прилипают к земле. Мимо с отсутствующим видом шагают парни в свитерах с поднятыми капюшонами. Бродят девчонки, вместе с которыми я когда-то училась. Сейчас они меня не узнают — я сто лет не была в школе. В воздухе висит запах хот-догов, бургеров и лука. Чего тут только нет: подвешенные за ноги вареные куры, лотки с рыбой и требухой, куски свиных туш с торчащими ребрами. Ткани, шерсть, кружева и занавески. В ларьке с игрушками тявкают и кувыркаются собачки, заводные солдатики бьют в тарелки. Продавец улыбается мне и показывает на огромную пластмассовую куклу, молча сидящую в целлофановой упаковке:

— Всего десятка.

Я отворачиваюсь, сделав вид, что не слышу.

Зои сверлит меня взглядом.

— Ты же вроде должна на все соглашаться. В следующий раз купишь, что бы тебе ни предлагали. Договорились?

— Да.

— Вот и хорошо. Я сейчас вернусь.

И она скрывается в толпе.

Мне жаль, что Зои ушла. Она мне нужна. Если она не вернется, мне нечего будет вспомнить об этом дне, кроме прогулки по детской площадке и восхищенного свиста вслед по дороге на рынок.

— Как ты себя чувствуешь? — интересуется Кэл.

— Нормально.

— По тебе не скажешь.

— Я в порядке.

— Мне скучно.

А вот это уже опасно, потому что, если Кэл захочет вернуться домой, мне придется согласиться.

— Зои сейчас вернется. Мы прокатимся по городу на автобусе. Сходим в магазин для фокусников.

Кэл пожимает плечами и засовывает руки в карманы:

— Она не захочет.

— Посмотри пока игрушки.

— Там одна фигня.

Неужели? В детстве папа приводил меня сюда, и я рассматривала игрушки. Они казались мне волшебными.

Зои возвращается не в духе.

— Скотт — лживый ублюдок, — выпаливает она.

— Кто-кто?

— Скотт. Он говорил, что сегодня работает, но его нет на месте.

— Торчок? И когда он это тебе сказал?

Зои смотрит на меня как на полную идиотку и отходит. Она направляется к продавцу фруктового ларька и наклоняется над коробками с бананами, чтобы с ним поболтать. Он пялится на ее грудь.

Ко мне подходит какая-то женщина. В руках у нее несколько пакетов. Она смотрит на меня в упор, и я не отвожу взгляда.

— Десять свиных отбивных, три пачки копченого бекона и вареная курица, — шепчет она. — Будете брать?

— Да.

Она передает мне пакет и, пока я достаю деньги, запускает палец в свой шелушащийся нос. Я протягиваю ей 5 фунтов; порывшись в кармане, она дает мне 2 фунта сдачи.

— Почти даром, — говорит она.

Когда она отходит, Кэл встревоженно смотрит на меня.

— Зачем ты это купила?

— Заткнись, — обрываю я, потому что нигде в правилах не сказано, что я должна радоваться всему, на что соглашаюсь. У меня осталось всего двенадцать фунтов, и я прикидываю, можно ли изменить правила и соглашаться только на то, что бесплатно. Из пакета мне на ноги капает кровь. Я раздумываю, нужно ли оставлять себе все, что купила.

Возвращается Зои, замечает пакет и забирает его у меня:

— Что там такое? — Она заглядывает внутрь. — Похоже на куски дохлой псины! — Она выбрасывает пакет в урну и с улыбкой поворачивается ко мне: — Я нашла Скотта. Он оказался на месте. И Джейк с ним. Пошли.

Мы пробираемся сквозь толпу, и Зои, не глядя на меня, признается, что после того вечера, как мы приехали к ним домой, она несколько раз встречалась со Скоттом.

— Так почему же ты раньше молчала?

— Ты целый месяц не объявлялась! К тому же я думала, что ты рассердишься.

Так непривычно увидеть ребят при свете дня в ларьке с фонариками, тостерами, часами и чайниками. Оба кажутся старше, чем я запомнила.

Зои заходит за прилавок поболтать со Скоттом. Джейк кивает мне.

— Как дела? — спрашивает он.

— Нормально.

— Пришла за покупками?

Сейчас он выглядит иначе — потный, немного смущенный. Сзади подходит какая-то женщина, и нам с Кэлом приходится посторониться, чтобы пропустить ее к прилавку. Женщина покупает 4 батарейки. Они стоят фунт. Джейк кладет их в пакетик и берет деньги. Женщина уходит.

— Тебе нужны батарейки? — спрашивает Джейк, не глядя на меня. — Бесплатно.

Он так это говорит, будто делает мне огромное одолжение, будто ему меня жаль и хочется показать, что он хороший парень; тут я понимаю, что он все знает. Зои проболталась. В его взгляде я читаю жалость и сознание вины. Он переспал с умирающей девицей и теперь боится. Вдруг я заразна? Моя болезнь тронула его за плечо. А что, если она затаилась и ждет, чтобы его сразить?

— Так что, нужны? — Он берет с прилавка упаковку батареек и показывает мне.

— Да, — выдавливаю я, стараясь скрыть досаду, беру его дурацкие батарейки и прячу в сумку.

Кэл пихает меня локтем в бок:

— Ну, пошли, что ли?

— Да.

Зои обнимает Скотта за талию.

— Нет! — протестует она. — Мы едем к ним. Через полчаса у них перерыв на обед.

— Мы с Кэлом идем гулять по городу.

Зои с улыбкой подходит ко мне. Она выглядит очень сексуально, наверно, Скотт ее тискал.

— Ты же вроде собиралась со всем соглашаться?

— Кэл первый попросил.

Она хмурится:

— У парней есть кетамин. Я обо всем договорилась. Хочешь, возьми с собой Кэла. Мы придумаем, чем его занять, — может, у них найдется игровая приставка.

— Ты рассказала Джейку.

— Что?

— Про меня.

— Нет.

Она краснеет, бросает окурок на землю и затаптывает, лишь бы не смотреть на меня.

Могу представить, как это случилось. Она приехала к парням, они забили на троих косяк, Зои дунула первой, глубоко затянулась, а они на нее смотрели. Потом подсела к Скотту и спросила:

— Помните Тессу?

И все им рассказала. Может, даже расплакалась. И Скотт наверняка ее обнял. А Джейк схватил косяк и затакнулся глубоко-глубоко, чтобы ни о чем не думать.

Я беру Кэла за руку и увожу. Прочь от Зои, прочь от рынка. Я тащу его за собой по ступенькам за ларьками, по дорожке вдоль канала.

— Куда мы идем? — хнычет он.

— Заткнись.

— Я боюсь.

Я смериваю его взглядом. Мне наплевать.

Иногда мне снится, будто я брожу по дому, слоняясь по комнатам и никто из родных меня не узнает. На лестнице я встречаю папу, и он вежливо мне кивает, как будто я домработница или мы постояльцы в гостинице. Кэл с подозрением таращится на меня, когда я захожу в свою комнату. Все мои вещи куда-то подевались; вместо меня тут живет какая-то другая девушка в платье в цветочек; у нее сочные губы и щеки, как наливные яблочки. Я понимаю, что это моя параллельная жизнь. Та, в которой я здорова, и Джейк был бы рад, что познакомился со мной.

Наяву же я тащу брата по дорожке к кафе на берегу канала.

— Тебе понравится, — поясняю я ему, — мы поедим мороженого, выпьем горячего шоколада и колы.

— Тебе нельзя сахар. Я все папе расскажу.

Я крепче сжимаю ему руку. На дорожке к кафе стоит мужчина в пижаме и смотрит на воду. Во рту у него тлеет сигарета.

— Я хочу домой, — ноет Кэл.

Но мне не терпится показать ему снующих по дорожке крыс, яркие листья, облетающие с деревьев, то, как люди чураются трудностей, и объяснить, что этот мужчина в пижаме честнее и проще торопливо семенящей вслед за нами Зои с ее большим ртом и дурацкими белокурыми локонами.

— Иди отсюда, — не оборачиваюсь, бросаю я ей.

Она хватает меня за руку:

— Почему ты вечно делаешь из мухи слона?

Я отпихиваю ее:

— Не знаю. А ты как думаешь?

— Это же никакой не секрет! Уйма людей знает, что ты больна. Джейку все равно, но теперь он считает, что у тебя крыша поехала.

— Так и есть.

Прищурившись, она смеривает меня взглядом:

— Знаешь, я думаю, тебе нравится, что ты больна.

— Ты уверена?

— Ты не можешь быть как все.

— Ты права, так оно и есть. Какая ты умная! Хочешь, поменяемся?

— Мы все умрем, — произносит Зои так, словно это только что пришло ей в голову и она ничего не имеет против такой перспективы.

Кэл тянет меня за рукав.

— Смотри, — показывает он.

Мужчина в пижаме пошел в воду. Он плещется на мелководье и хлопает руками по воде. Купальщик равнодушно смотрит на нас и улыбается, сверкая золотыми зубами. У меня по спине пробегает холодок.

— Эй, красавицы, не хотите окунуться? — кричит он с шотландским акцентом. Я никогда не была в Шотландии.

— Давай залезай, — подначивает Зои. — Чего же ты?

— Ты мне приказываешь?

— Да, — отвечает она со злобной усмешкой.

Я оглядываю столики у кафе. Люди смотрят в нашу сторону. Они думают, что я наркоманка, ненормальная, что по мне психбольница плачет. Я заправляю платье в трусы.

— Что ты делаешь? — шипит Кэл. — На тебя все смотрят!

— А ты притворись, что ты не со мной.

— Я так и сделаю!

Я снимаю туфли; Кэл упрямо садится на траву.

Большим пальцем ноги я пробую воду. Она такая холодная, что нога тут же коченеет.

Зои трогает меня за руку:

— Тесса, не надо. Я пошутила. Не глупи.

Она что, вообще ничего не понимает?

Я захожу в воду выше колен; от меня с криканьем шарахаются утки. В канале неглубоко, вода мутная. Наверно, на дне полно всякого мусора. В этой воде плавают крысы. Люди швыряют в канал консервные банки, тележки для покупок, шприцы и дохлых собак. Жидкая грязь хлопает под ногами.

Золотозубый машет рукой, смеется и бредет ко мне, хлопая себя по бокам.

— Молодец! — говорит он.

Между его синих губ блестят золотые зубы. На голове глубокая рана, и по лбу на глаза сочится кровь. От этого я коченею еще больше.

Из кафе выходит мужчина и кричит, махая посудным полотенцем:

— Эй, вылезайте оттуда!

На нем фартук; трясая животом, мужчина наклоняется, чтобы помочь мне выйти из воды.

— Вы в своем уме? — пыхтит толстяк. — В этой воде можно подцепить любую заразу. — Он поворачивается к Зои: — Она с вами?

— Извините нас, — просит она. — Я не смогла ее остановить. — Зои встряхивает волосами, чтобы он поверил, что она ни в чем не виновата. Терпеть этого не могу.

— Мы не вместе, — вмешиваюсь я. — Мы с ней вообще незнакомы.

Зои затыкается; мужчина из кафе в растерянности поворачивается ко мне. Он протягивает мне полотенце, чтобы я вытерла ноги. Потом говорит, что я сошла с ума. Что вся молодежь — сплошные наркоманы. Он разоряется, а я смотрю вслед Зои, которая уходит прочь. Она становится все меньше, пока наконец не скрывается из виду. Мужчина из кафе спрашивает, где мои родители, знаю ли я дядьку с золотыми зубами — тот как раз вылезает на противоположный берег и над чем-то хрипло хохочет. Не переставая ворчать, мужчина из кафе усаживает меня за столик и приносит чашку чая. Я кладу себе три куска сахара и отхлебываю

маленькими глотками. Все на меня таращатся. У Кэлы смущенный и перепуганный вид.

— Что ты наделала? — шепчет он.

Мне так сильно будет его не хватать, что хочется сделать ему больно. А еще хочется отвезти его домой и передать папе, пока я не погубила нас обоих. Но дома скучно. Там легко со всем соглашаться, потому что папа никогда ни о чем меня не попросит.

Чай согревает желудок. Пасмурное небо яснее и тут же снова хмурится. Даже погода не может решить, что ей делать, мечется и совершает ляп за ляпом.

— Пошли на автобус, — говорю я Кэлу.

Я встаю и обуваюсь, держась за край стола. Посетители кафе делают вид, что не смотрят на меня, но я ощущаю их взгляды. И от этого чувствую себя живой.

Одиннадцать

— Это правда? — спрашивает Кэл по дороге к автобусной остановке. — Тебе нравится болеть?

— Отчасти.

— Ты поэтому прыгнула в воду?

Остановившись, я смотрю на него, в его ясные голубые глаза. Они в серую крапинку, как и у меня. На фотографиях, где мы с Кэлом сняты в одном и том же возрасте, нас не отличить друг от друга.

— Я прыгнула потому, что составила список желаний. Сегодня я должна со всем соглашаться.

На мгновение Кэл задумывается, пытаюсь понять, в чем тут подвох, а потом широко ухмыляется.

— Значит, о чем бы я тебя ни попросил, ты согласишься?

— Именно.

Мы садимся в первый же подошедший автобус, залезаем наверх и устраиваемся сзади.

— Ладно, — шепчет Кэл. — Тогда покажи вон тому дядьке язык.

Когда я выполняю его просьбу, Кэл приходит в восторг.

— Теперь сделай козу той женщине на тротуаре и пошли воздушные поцелуи тем парням.

— Будет веселее, если мы сделаем это вместе.

Мы корчим рожи, машем рукой проходим, громко выкрикиваем «какашка», «жопа» и «пиписька». Когда мы наконец нажимаем на звонок, чтобы сойти, наверху, кроме нас, никого нет. Мы успели надоесть всем до чертиков, но нам наплевать.

— А теперь куда? — любопытствует Кэл.

— По магазинам.

— Ты взяла с собой кредитку? Ты мне что-нибудь купишь?

— Да.

Сначала мы покупаем радиоуправляемый вертолет. Он может взлетать на десять метров от земли. Кэл запикивает коробку в урну у входа в магазин и запускает вертолет, который летит над нами по улице. Мы идем следом, ослепленные его яркими разноцветными огнями, и заходим в магазин женского белья.

Я усаживаю Кэла с мужчинами, которые ждут своих жен. Так приятно стянуть платье не для осмотра, а для того, чтобы сладкоголосая продавщица сняла с меня мерку и принесла кружевное и очень дорогой лифчик.

— Сиреневый, — отвечаю я, когда она спрашивает, какой цвет. — И к нему трусики под пару.

Я расплачиваюсь, и она протягивает мне покупку в шикарной сумочке с серебристыми ручками.

Потом я покупаю Кэлу работа-копилку. Потом себе джинсы. Такие же, как у Зои, — потертые, в обтяжку.

Кэл получает видеоигру для приставки. Я — изумрудно-черное шелковое платье; это самая дорогая вещь, которую я когда-либо покупала. Прищурившись, я разглядываю себя в зеркале и, оставив мокрое платье в примерочной, выхожу к Кэлу.

— Круто, — выдыхает он, завидев меня. — А нам хватит на электронные часы?

Я покупаю ему будильник, который показывает время в трехмерной проекции на потолке

комнаты.

Потом обувь. Сапожки на молнии на низком каблучке. В том же магазине мы покупаем сумку, чтобы сложить все наши обновки.

После посещения магазина для фокусников нам приходится купить чемодан на колесиках, куда мы прячем сумку. Кэлу нравится его катить, но мне приходит на ум, что если мы еще что-то купим, то нужно будет приобрести машину, чтобы везти чемодан. Грузовик для машины. Корабль для грузовика. Потом мы купим гавань, океан, континент.

В «Макдоналдсе» у меня начинает болеть голова. Словно кто-то ложкой содрал с меня скальп и ковыряется в мозгу. Вокруг толпятся люди; у меня кружится голова, накатывает тошнота. Я пью парацетамол, понимая, что это лишь ненадолго ослабит боль.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Кэл.

— Нормально.

Он видит, что я вру. Он наелся до отвала и сияет от радости, но в глазах испуг.

— Я хочу домой.

Приходится согласиться. Мы оба притворяемся, что это не из-за меня.

Я стою на тротуаре и, опираясь на стену, чтобы не упасть, смотрю, как Кэл ловит такси. Я не хочу, чтобы такой день закончился переливанием крови. Сегодня я не дам засунуть в меня эти чертовы иглы.

В такси Кэл ободряюще берет меня за руку; его лапка уютно прячется в моей ладони. Я наслаждаюсь минутой. Нечасто ему хочется взять меня за руку.

— Что нам теперь будет? — спрашивает Кэл.

— Ничего.

Он смеется.

— Давай еще как-нибудь сходим за покупками?

— Хорошо.

— А мы в следующий раз пойдем на каток?

— Ладно.

Кэл что-то бормочет про спуск по реке на плотках и что ему хочется покататься на лошадях, прыгнуть с моста на канате. Я смотрю в окно. В голове шумит. Свет отражается от стен и лиц, слепит глаза. Кажется, будто горит сотня костров.

Двенадцать

Едва открыв глаза, я понимаю, что нахожусь в больнице. Они все пахнут одинаково, и мне до боли знакома трубка, прикрепленная к моей руке. Я пытаюсь сесть в кровати, но голова разламывается, и к горлу подкатывает желчь.

Подбегает медсестра с тазиком, но поздно. Большая часть попала мне на грудь и на простыню.

— Ничего страшного, — успокаивает медсестра. — Сейчас мы все уберем.

Она вытирает мне рот, помогает перевернуться на бок и развязывает ночную рубашку.

— Скоро придет врач, — сообщает она.

Медсестры никогда не рассказывают, что знают. Их берут на работу за пышные волосы и жизнерадостный вид. Они должны выглядеть бодрыми и здоровыми, чтобы пациентам было чему стремиться.

Помогая мне переодеться в чистое белье, медсестра болтает со мной — рассказывает, что раньше жила в Южной Африке у океана.

— Там солнце ближе к Земле и всегда жара.

Она вытаскивает из-под меня простыни и проворно стелет чистые.

— А в Англии у меня ужасно мерзнут ноги, — признается она. — Так, теперь поворачивайся обратно. Уже? Вот так, молодец. Надо же, как мы все успели — вот и доктор пришел.

Бледный лысый доктор средних лет вежливо здоровается со мной и пододвигает стул от окна к кровати. Я все надеюсь, что в одной из этих больниц рано или поздно найду идеального доктора, но пока все не то. Мне нужен чародей в плаще с волшебной палочкой или рыцарь с мечом — тот, кому неведом страх. А этот вежлив и внимателен, как продавец.

— Тесса, — произносит он, — ты знаешь, что такое «гиперкальциемия»?

— А если я скажу «нет», мне можно будет выбрать что-то другое?

Доктор смутился. В том-то все и дело: они не понимают шуток. Жаль, что у него нет ассистента. Лучше всего подошел бы шут: пока доктор выносит заключение, тот щекочет его перышком.

Доктор листает лежащую у него на коленях историю болезни.

— При гиперкальциемии повышается уровень кальция. Чтобы его понизить, мы даем тебе бисфосфонаты. Тошнота и рассеянность уже должны уменьшиться.

— Я всегда в рассеянности, — сообщаю я ему.

— У тебя есть вопросы?

Он выжидательно смотрит на меня. Мне жаль его расстраивать, но о чем я могу спросить этого заурядного человечка?

Он говорит, что медсестра даст мне снотворное. Встает и кивает на прощание. В этот момент шут выложил бы до двери дорожку из банановых корок, а потом уселся бы около меня на кровати. Мы бы вместе хохотали в спину улепетывающему доктору.

Когда я просыпаюсь, уже темно, и я ничего не помню. Это пугает меня до смерти. Секунд десять я борюсь с этим чувством, суча ногами в сбившихся простынях, в полной уверенности, что меня похитили или того хуже.

Ко мне подбегает папа, гладит по голове, снова и снова шепчет мое имя, словно заклинание.

Тут я все вспоминаю. Я прыгнула в реку, уговорила Кэла пойти за покупками, потратила кучу денег, и теперь я в больнице. Но от того, что я на минуту забыла, кто я, сердце мое заколотилось,

как у трусливого зайчишки: я ведь и правда не могла ничего вспомнить. Я стала никем и знала, что это случится снова.

Папа улыбается мне.

— Хочешь пить? — спрашивает он. — У тебя в горле не пересохло?

Он наливает мне стакан воды из кувшина, но я качаю головой, и папа ставит его обратно на стол.

— Зои знает, что я тут?

Пошарив в кармане пиджака, папа достает пачку сигарет, подходит к окну и открывает его. Веет холодом.

— Пап, здесь нельзя курить.

Он закрывает окно, прячет сигареты в карман.

— Да, — соглашается он, — пожалуй.

Папа садится ко мне на кровать, берет меня за руку. Я задумываюсь: а вдруг папа тоже забыл, кто он?

— Пап, я потратила кучу денег.

— Я знаю. Ничего страшного.

— Я не думала, что с картой так получится. Я ждала, что карту вот-вот не примут, но в каждом магазине ее принимали. Правда, у меня остались чеки, так что можно все вернуть.

— Тише, — говорит он. — Все хорошо.

— Как Кэл? Я его перепугала?

— Ничего, переживет. Хочешь его повидать? Они с мамой сидят в коридоре.

За последние четыре года они никогда не навещали меня втроем. На меня накатывает страх.

Они заходят с серьезными лицами. Кэл сжимает мамину руку, мама явно растерялась, папа придерживает дверь. Все трое стоят у кровати и глядят на меня. Выглядит это как предвестие того дня, что неминуемо настанет. Но потом. Не сейчас. Дня, когда я не смогу взглянуть на них, улыбнуться и попросить, чтобы они перестали действовать мне на нервы и сели.

Мама пододвигает стул ближе к кровати, наклоняется и целует меня. От ее родного запаха — мамино стирального порошка и апельсинового масла, которым она брызгает горло, — у меня наворачиваются слезы.

— Ты так меня перепугала! — признается мама и качает головой, будто не может в это поверить.

— И меня, — шепчет Кэл. — Ты отключилась прямо в такси, и водитель подумал, что ты пьяная.

— Да ну?

— Я не знал, что делать. Он сказал, если тебя стошнит в машине, нам придется доплачивать.

— Меня стошнило?

— Нет.

— Значит, ты послал его куда подальше?

Кэл улыбается, но уголки его губ дрожат.

— Нет.

— Хочешь, садись ко мне на кровать.

Он качает головой.

— Ну что ты, Кэл, не реви! Иди садись ко мне. Будем вспоминать, что закупили.

Но Кэл садится на колени к маме. Что-то я раньше такого не видела. Пожалуй, как и папа. Даже у Кэла изумленный вид. Он утыкается маме в плечо и плачет навзрыд. Мама круговыми движениями поглаживает его по спине. Папа смотрит в окно. Я растопырываю пальцы на одеяле перед собой. Они очень бледные и худые, как у вампира, который высасывает из людей жизнь.

— В детстве я мечтала о шелковом платье, — рассказывает мама. — Зеленом с кружевным воротничком. У сестры такое было, а у меня нет, так что я могу понять, почему тебе так хочется красивую одежду. Если надумаешь опять сходить по магазинам, я отправлюсь с тобой. — Широким жестом она обводит комнату. — Пойдем все вместе!

Кэл отрывается от маминого плеча и смотрит на ней:

— Правда? И я?

— И ты.

— Интересно, за чей счет, — ворчит с подоконника папа.

Мама улыбается, тыльной стороной ладони вытирает Кэлу слезы и целует его в щеку.

— Соленые, — произносит она. — Соленые, как море.

Папа наблюдает за ней. Знает ли она, что он на нее смотрит?

Мама пускается рассказывать о своей избалованной сестрице Саре и пони по имени Танго.

Папа смеется и замечает, что едва ли она может пожаловаться, что ее детство прошло в нищете. Тогда мама в пику отцу заявляет, что порвала со своей обеспеченной семьей, чтобы выйти замуж за папу и еле-еле сводить концы с концами. Кэл репетирует фокус с монеткой: перекладывает фунт из руки в руку, а потом разжимает кулак и показывает, что фунт исчез.

Так здорово слушать их болтовню, непрерывное журчание их речи. Когда они рядом со мной, кости ноют не так сильно. Может, если я буду лежать тихо, как мышка, они не заметят бледной луны за окном, не услышат грохота тележек с лекарствами в коридоре. Они останутся на всю ночь. Мы будем шуметь, шутить, травить байки до самого восхода солнца.

В конце концов мама замечает:

— Кэл устал. Я отвезу его домой и уложу спать. — Она поворачивается к папе:

— Увидимся дома.

Она целует меня на прощание, в дверях посылает мне еще один воздушный поцелуй. Я буквально чувствую, как он касается моей щеки.

— Пока, — говорит Кэл.

И они уходят.

— Она ночует у нас? — спрашиваю я у папы.

— Сегодня так будет лучше.

Он подходит ко мне, садится на стул и берет меня за руку.

— Знаешь, — начинает он, — когда ты была совсем маленькой, мы с мамой не спали ночи напролет и наблюдали, как ты дышишь. Нам казалось, если мы перестанет смотреть, ты забудешь, как дышать. — Его рука шевелится, пальцы чуть-чуть разжимаются. — Можешь надо мной смеяться, но это правда. Когда дети становятся старше, тревога уменьшается, но никогда не проходит. Я все время за тебя волнуюсь.

— Почему ты мне об этом рассказываешь?

Он вздыхает:

— Я знаю, ты что-то задумала. Кэл сказал мне, что ты составила какой-то список. Я должен об этом знать. И не потому, что хочу помешать, но чтобы тебя уберечь.

— Разве это не одно и то же?

— Вообще нет. Тесс, у меня такое ощущение, словно самое главное в твоей жизни происходит без меня. И это очень больно.

У него срывается голос и папа умолкает. Неужели ему действительно нужно только это? Просто принимать участие? Но как я расскажу ему про Джейка и его узкую односпальную кровать? Как я признаюсь, что это Зои велела мне прыгнуть и мне пришлось подчиниться? Следующими в списке наркотиков еще семь пунктов. Если я расскажу папе, он все запретит. А я не хочу пролежать остаток жизни на диване, свернувшись калачиком под

одеяло и положив голову на папино плечо. Список — единственное, что спасает меня от отчаяния.

Тринадцать

Я думала, что уже утро, но ошиблась. Я думала, что в доме так тихо, потому что все проснулись и ушли. Но сейчас только шесть утра, и я вынужденно люблюсь приглушенным светом зари.

Я достаю из кухонного шкафчика пакетик сырных палочек и включаю радио. В результате столкновения несколько человек просидели в своих автомобилях на М3. Они не могли сходить в туалет, а службы спасения привозили им пищу и воду. Пробка. Земля перенаселена. Член палаты общин от консервативной партии изменяет жене. В отеле найден труп... Все равно, что слушать мультфильм. Я выключаю радио и достаю из холодильника шоколадное мороженое. От мороженого у меня слегка кружится голова, как от спиртного; я совсем замерзла. Я снимаю с вешалки пальто и слоняюсь по кухне, слушая листья, тени, еле слышное кружение пыли. Это меня чуть-чуть согревает.

Семнадцать минут седьмого.

Быть может, в саду меня ждет что-нибудь новенькое — дикий буйвол, космический корабль, холмы, усыпанные алыми розами. Я неторопливо открываю дверь черного хода, молясь, чтобы мир хоть чем-то меня удивил. Но все обыденно до оскомины — голые клумбы, сырая трава и низкие серые тучи.

Я отправляю Зои сообщение из одного-единственного слова: «НАРКОТИКИ!»

Она не отвечает. Она наверняка у Скотта — лежит, возбужденная и счастливая, в его объятиях. Они навели меня в больнице: уселись на один стул, как будто уже поженились, а я это пропустила. Они принесли мне слив и факел с Хеллоуина.

— Я помогаю Скотту в ларьке, — сообщает Зои.

В голове у меня крутилось одно: до чего быстро пролетает октябрь и как успокоительно действует на Зои рука Скотта на ее плечах. С тех пор прошла неделя. Зои писала мне каждый день, но, видимо, мой список ее больше не интересует.

А без нее я, похоже, буду просто стоять на ступеньках и наблюдать, как тучи то разойдутся, то затянут небо. По кухонному окну будет струиться дождь, и еще один день окончится ничем. И это жизнь? Неужели ничего другого не будет?

В соседнем доме открывается и закрывается дверь. Раздается тяжелое чавканье ботинок по грязи. Я пересекаю лужайку и высовываю голову из-за забора:

— Привет!

Адам хватается за сердце, как будто у него из-за меня едва не случился приступ.

— О Господи! Ты меня напугала!

— Извини.

Он одет не для работы в саду. На нем кожаная куртка и джинсы; в руках мотоциклетный шлем.

— Ты куда-то собрался?

— Ага.

Мы смотрим на его мотоцикл. Он привязан у сарая. Мотоцикл серебристо-красный. Кажется, если его отвязать, он удерет.

— Классный мотоцикл.

Адам кивает:

— Я его только-только починил.

— А что случилось?

— Он перевернулся и вилки прогнулись. Ты разбираешься в мотоциклах?

Я подумываю, а не соврать ли, но я не в теме, и обман очень быстро выплывет наружу.

— Не очень. Но мне всегда хотелось покататься.

Адам бросает на меня странный взгляд. Я пытаюсь вспомнить, как я выгляжу. Вчера я была похожа на наркоманку: кожа начала желтеть. Вечером я надела серьги, чтобы как-то с этим справиться, но утром забыла взглянуть на себя в зеркало. За ночь могло произойти все что угодно. Под его пристальным взглядом мне становится неуютно.

— Слушай, — начинает Адам. — Наверно, я должен тебе об этом сказать.

По неловкости в голосе я понимаю, что за этим последует, и хочу ему помочь.

— Да ладно, — перебиваю я. — У папы язык без костей. Теперь даже чужие люди смотрят на меня с жалостью.

— Правда? — изумляется Адам. — Просто я давно тебя не видел и спросил у твоего брата, все ли в порядке. А он мне все рассказал.

Я опускаю глаза, смотрю на клочок лужайки передо мной, на просвет между травой и изгородью.

— Я решил, что у тебя диабет. Ну, после того, как ты упала в обморок. Мне и в голову не пришло...

— Угу.

— Прости. Когда он мне все рассказал, я очень переживал.

— Ага.

— Мне показалось, нужно сказать тебе, что я все знаю.

— Спасибо.

Наши слова звучат очень громко. Они переполняют мою голову и отдаются эхом в ушах.

Наконец я говорю:

— Узнав, что со мной, все обычно пугаются, как будто не могут в это поверить. — Адам кивает, словно ему это известно. — Но я же прямо сейчас не упаду замертво. Сначала надо выполнить все желания из списка.

Я и не подозревала, что признаюсь ему. Я поражена. Его улыбка удивляет меня не меньше.

— Что за желания?

Я, конечно, не собираюсь рассказывать ему про Джейка и о том, как прыгнула в реку.

— Ну, следующие в списке таблетки.

— Таблетки?

— Ага. И я имею в виду не аспирин.

Он смеется:

— Я так и понял.

— Подруга обещала достать мне экстази.

— Экстази? Лучше попробуй грибы.

— От них же глюки, да? Я не хочу, чтобы за мной гонялись скелеты.

— Нет, не глюки. Скорее что-то вроде снов.

Не очень-то это утешает: сдается мне, мои сны не такие, как у других. Я оказываюсь в пустынных местах, из которых трудно выбраться. Просыпаюсь в жару, ужасно хочется пить.

— Если хочешь, я принесу тебе грибов, — предлагает Адам.

— Да ну?

— Можно сегодня.

— Сегодня?

— А чего тянуть?

— Я пообещала подруге, что без нее ничего делать не буду.

Он поднимает бровь:

— Неслабое обещание.

Я отворачиваюсь и окидываю взглядом дом. Папа вот-вот встанет и усядется за компьютер.

Кэл уйдет в школу.

— Я позвоню и спрошу, сможет ли она прийти.

Адам застегивает куртку:

— Договорились.

— А где ты их возьмешь?

Уголки его губ медленно приподнимаются в улыбке.

— Как-нибудь я тебя туда свожу на мотоцикле и все покажу.

Улыбаясь, он пятится по дорожке. Я стою, замороженная его взглядом: в утреннем свете глаза Адама кажутся бледно-зелеными.

Четырнадцать

— Как думаешь, где он их возьмет?

Зои зевает во весь рот.

— В Леголенде? — предполагает она. — В городе игрушек?

— Ну почему ты такая вредная?

Она поворачивается на кровати и смотрит на меня:

— Потому что он урод и зануда, к тому же у тебя есть я, и мне непонятно, какое тебе дело до этого парня. Не надо было просить у него наркотики. Я же сказала, что сама все достану.

— Тебя же не было.

— Если мне не изменяет память, когда мы последний раз виделись, ты валялась на больничной койке!

— А если мне не изменяет память, я там оказалась только потому, что ты подговорила меня прыгнуть в реку!

Зои показывает мне язык, и я отворачиваюсь к окну. Адам давным-давно вернулся, зашел на полчаса в дом, потом вышел и стал сгребать листву. Мне казалось, он уже должен был бы к нам постучаться. Может, нам нужно самим к нему выйти?

Зои подходит ко мне, и мы вместе наблюдаем за Адамом. Нагружая тачку листвой, он каждый раз роняет несколько листьев, и, подхваченные ветром, они вновь ложатся на лужайку.

— Ему что, больше нечем заняться?

Я предвидела, что Зои так подумает. У нее нет терпения-она не умеет ждать. Если бы она посадила зернышко, то каждый день выкапывала бы его, чтобы посмотреть, насколько оно выросло.

— Он работает в саду.

Зои испепеляет меня взглядом:

— Он что, на пенсии?

— Нет!

— Тогда почему он не в колледже или где там еще?

— Кажется, он ухаживает за мамой.

Она смотрит на меня подозрительно:

— Он тебе нравится.

— Нет.

— Нравится. Ты в него влюбилась. Если бы тебе было на него наплевать, ты бы не знала о нем таких подробностей.

Я качаю головой, пытаюсь разубедить Зои. Иначе она начнет дурачиться и сделает из мухи слона.

— Ты каждый день стоишь здесь и следишь за ним?

— Нет.

— Наверняка да. Я у него спрошу, нравишься ли ты ему.

— Зои, не надо!

Рассмеявшись, она несется к двери:

— Я его спрошу, не хочет ли он на тебе жениться!

— Зои, пожалуйста, не надо, ты все испортишь.

Она медленно возвращается ко мне, какая головой:

— Тесса, я думала, ты знаешь правила. Никогда не влюбляйся — это смертельно!

— А как насчет вас со Скоттом?

— Это другое.

— Почему?

Она улыбается:

— Это всего лишь секс.

— Неправда. Когда вы навещали меня в больнице, ты с него глаз не сводила.

— Чепуха!

— Это правда.

Зои всегда вела себя так, словно человечество вот-вот погибнет и все бессмысленно. Но рядом со Скоттом она становится мягче и добрее. Разве она сама этого не замечала?

Она смотрит на меня такими серьезными глазами, что я сжимаю ее лицо ладонями и целую ее. У Зои нежные губы, и от нее чудесно пахнет. Мне приходит на ум, что, наверное, так можно высосать чуть-чуть ее здоровых лейкоцитов, но не успеваю я проверить свое предположение, как она отталкивает меня:

— Зачем ты это сделала?

— Потому что ты вечно все коверкаешь. А теперь иди спроси у Адама, достал ли он грибы.

— Сама иди.

Я смеюсь:

— Пошли вместе.

Она вытирает губы рукавом и бросает на меня смущенный взгляд:

— Ладно. А то у тебя в комнате чем-то воняет.

Заметив, что мы идем к нему через лужайку, Адам кладет грабли и подходит к изгороди. Он приближается, и у меня слегка кружится голова. Кажется, что в саду стало светлее.

— Это моя подруга Зои.

Он кивает ей.

— Я столько о тебе слышала! — сообщает Зои Адаму и вздыхает, притворяясь маленькой и беззащитной девочкой. Все знакомые парни от нее без ума.

— Правда?

— Еще бы! Тесса только о тебе и говорит!

Я лягаю Зои, чтобы она замолчала, но она уклоняется и встряхивает волосами.

— Ты достал грибы? — спрашиваю я Адама, чтобы отвлечь его внимание от Зои.

Он лезет в карман куртки, достает полиэтиленовый пакетик и протягивает мне. Внутри лежат маленькие темные грибы. Они кажутся недозрелыми, загадочными, не совсем готовыми увидеть свет.

— Где ты их взял?

— Нашел.

Зои выхватывает у меня пакетик, поднимает и смотрит на свет:

— Откуда нам знать, что это нормальные грибы? А вдруг они ядовиты?

— Они не ядовиты, — возражает Адам. — Это не поганки и не мухоморы.

Зои хмурится и отдает пакетик Адаму:

— Пожалуй, не стоит экспериментировать. Лучше мы примем экстази.

— Примите и то, и другое, — советует он ей. — Сейчас грибы, а экстази в другой раз.

Она поворачивается ко мне:

— Что скажешь?

— Думаю, стоит попробовать.

В конце концов, мне нечего терять.

Адам ухмыляется.

— Хорошо, — произносит он. — Пойдем, я вам их заварю.

* * *

Кухня у Адама чиста, как на картинке, — даже посуды на сушилке нет. Странно, до чего все похоже на наш дом, но только в зеркальном отражении. Та же планировка, так же прибранность и тишина.

Адам пододвигает мне табуретку, и я сажусь за стол.

— Твоя мама дома? — интересуюсь я.

— Она спит.

— Она нездорова?

— Нет, все в порядке.

Он включает чайник, достает из шкафчика чашки и ставит их рядом.

За спиной Адама Зои корчит ему рожу, потом ухмыляется мне и снимает пальто.

— Дом совсем, как ваш, — замечает она. — Кроме заднего двора.

— Садись, — говорю я.

Она берет со стола грибы, открывает пакетик и нюхает их:

— Фу! Ты уверен, что это не поганки?

Адам забирает у нее грибы и несет к чайнику. Высыпает в него весь пакетик и заливает кипятком. Зои подходит к Адаму и наблюдает через его плечо за тем, что он делает.

— Похоже, этого маловато. Ты точно знаешь, что нужно делать?

— Я пить не стану, — отвечает он. — Когда они подействуют, мы куда-нибудь поедем. Я за вами присмотрю.

Зои закатывает глаза, как будто в жизни не слышала ничего глупее.

— Я уже пробовала наркотики, — заявляет она. — И нянька нам точно не нужна.

Адам помешивает в чайнике ложкой; я смотрю ему в спину. Звяканье ложки напоминает мне, как папа вечером делает нам с Кэлом какао; Адам так же тщательно перемешивает грибы.

— Если мы будем дурить, ты над нами не смейся, — предупреждаю я.

Она улыбается мне через плечо:

— Ничего страшного.

— Нет уж, — настаивает Зои. — Ты нас не знаешь. Мы же чокнутые, мы такое можем отколоть! Тесса с этим своим списком способна выкинуть все, что угодно.

— Правда?

— Зои, заткнись! — рявкаю я.

Она садится за стол.

— Извини, — произносит Зои, но, похоже, ей ничуть не стыдно.

Адам ставит перед нами чашки. Над ними клубится пар, пахнут они омерзительно — картоном и сырой крапивой.

Зои наклоняется и нюхает чашку:

— Выглядит, как мясная подливка!

Адам садится рядом с ней:

— То, что надо. Поверь мне. Я добавил парочку корицы для сладости.

Тут Зои снова демонстративно закатывает глаза.

Она нерешительно отпивает из чашки и, скорчив гримасу, глотает настой.

— Пей до дна, — замечает Адам. — Чем быстрее выпьете, тем быстрее поймаете кайф.

Я не знаю, что будет дальше, но Адам совершенно спокоен, и его уверенность передается мне. Его голос так ясен и чист. Он велит выпить. Мы сидим на кухне, прихлебываем бурое пойло, а Адам за нами наблюдает. Зои зажимает нос и, давась от омерзения, делает большие

глотки. Я пью не спеша. На самом деле мне все равно, что есть и пить, — мне теперь все невкусно.

Какое-то время мы сидим, болтая о разной чепухе. Я никак не могу сосредоточиться. Я все жду, когда что-то случится, что-то изменится. Адам объясняет, как отличить галлюциногенные гриба: у них острые шляпки и тонкие ножки. Он говорит, что они растут группками, но только в конце лета и осенью. Сообщает, что закон не запрещает их употреблять: их можно купить в специальных магазинах. Потом, поскольку ничего не происходит, Адам заваривает обычный чай. Мне не хочется чая; я просто обхватываю чашку и грею ладони. На кухне очень зябко — холоднее, чем на улице. Я подумываю, не попросить ли Зою сходить за моим пальто, но, когда пытаюсь заговорить, перехватывает горло, как будто изнутри меня душит кто-то маленький. — А горло должно болеть?

Адам качает головой.

— У меня такое ощущение, будто оно сжимается. — Это пройдет.

Но по его лицу пробегает тень испуга.

Зою сверлит его взглядом:

— А ты не переборщил с дозой?

— Нет! Все будет хорошо, просто ей нужно подышать.

Но в его голосе слышится сомнение. Наверняка он думает о том же, о чем и я, — что я не такая, как все, мой организм реагирует по-другому и, может, зря я попробовала грибы.

— Пойдем на воздух.

Я поднимаюсь, и Адам ведет меня по коридору к двери.

— Подожди на крыльце, я принесу тебе куртку.

Фасад дома в тени. Я стою на крыльце, стараясь дышать глубже и не впасть в панику. От крыльца идет тропинка к подъездной дорожке, на которой стоит машина мамы Адама. По бокам тропинки растет трава. Почему-то сегодня она выглядит не так, как всегда. Дело не только в цвете: она короче, чем обычно, и торчит, как щетина на бритой голове. Чем дольше я смотрю на дорожку, тем больше убеждаюсь, что на крыльце и на дорожке безопасно, но трава таит угрозу.

Я вцепляюсь в дверной молоток, чтобы уж наверняка не соскользнуть в траву, и в это мгновение замечаю, что в двери дырка, похожая на глаз. Все круги и завитушки в деревянной двери сходятся к этой дыре, и кажется, будто дверь соскальзывает внутрь самой себя, закручиваясь и снова раскручиваясь. Круги движутся медленно и плавно. Я долго не могу оторвать от них глаз. Потом упираюсь взглядом в дыру, но там ничего не видно; я захожу в дом, закрываю дверь и смотрю в дыру с другой стороны. Мир отсюда кажется другим; подъездная дорожка вытягивается в ниточку.

— Как твое горло? — спрашивает появившийся в коридоре Адам и протягивает мне куртку.

— Ты когда-нибудь смотрел сквозь эту дыру?

— У тебя огромные зрачки! — замечает он. — Лучше пойдем-ка на улицу. Надевай куртку.

Это парка с капюшоном, отороченным мехом. Адам застегивает молнию. Я чувствую себя маленьким эскимосом.

— А где твоя подружка?

Я недоумеваю, о ком он спрашивает, потом вспоминаю о Зою, и меня переполняет нежность.

— Зою! Зою! — зову я. — Иди посмотри!

Улыбаясь, Зою приближается ко мне по коридору; взгляд ее глубок и темен, как зима.

— Какие у тебя глаза! — ахаю я.

Зою изумленно вглядывается в меня:

— И у тебя!

Мы таращимся друг на друга, пока не соприкасаемся носами.

— Там на кухне коврик, — шепчет она. — В нем целая вселенная.

— И в двери. Если смотреть сквозь нее, вещи меняют форму.

— Покажи.

— Извините, — перебивает Адам. — Не хочу портить вам удовольствие, но, может, вы хотите прокатиться?

Адам достает из кармана ключи от машины и показывает нам. Чудо, а не ключи!

Он оттирает Зою от двери, и мы выходим из дома. Адам наводит ключ на машину, и та приветственно пищит. Я спускаюсь с крыльца, осторожно ступаю на тропинку, предупредив Зою, чтобы она делала так же, но она меня не слышит. Она танцует на лужайке: похоже, ей хорошо. Наверно, ей все видится иначе.

Я сажусь на переднее сиденье рядом с Адамом, Зою забирается назад.

Минуту мы сидим молча, потом Адам любопытствует:

— Ну, что скажете?

Но я ничего ему не рассказываю.

Я замечаю, как заботливо он касается руля, словно кормит с рук какое-то диковинное животное.

— Люблю эту машину, — признается он.

Я понимаю, что он имеет ввиду. Мы сидим в салоне, словно внутри дорогих часов.

— Раньше она принадлежала моему папе. Мама не любит, когда я на ней езжу.

— Тогда, может, останемся здесь? — выкрикивает с заднего сиденья Зою. — Будет классно!

Адам поворачивается к ней и медленно произносит:

— Я вас куда-нибудь свожу. — Он поясняет: — Я просто хотел сказать, что мама этому не обрадуется.

Зою кладет ноги на сиденье и недоверчиво качает головой.

— Эй, поаккуратней ботинками! — орет Адам.

Зою тут же садится и тычет в него пальцем.

— Посмотри на себя! — говорит она. — Ты похож на собаку, которая собралась нагадить там, где нельзя!

— Заткнись, — обрывает ее Адам, и я изумляюсь, потому что не подозревала, что он способен прикрикнуть.

Зою откидывается на спинку сиденья.

— Поехали уже, чувак, — бормочет она.

Я даже не заметила, когда он успел завести машину. Двигатель дорогого автомобиля работает неслышно. Но вот мы выезжаем по дорожке из ворот, скользим мимо домов с палисадниками, и меня охватывает восторг. Эта поездка откроет передо мной новые возможности. Папа говорит, что все свои лучшие песни музыканты пишут под кайфом. Значит, со мной приключится что-то удивительное. Я верю. И возьму это с собой в повседневную жизнь. Как священный Грааль.

Я опускаю стекло и высовываюсь по пояс в окно. Зою тоже. Ветер бьет мне в лицо. Я чувствую прилив сил. Я вижу то, чего раньше не замечала, вычерчиваю контуры чужих жизней. Симпатичная девушка во все глаза смотрит на своего парня и так многого от него хочет. Мужчина на автобусной остановке причесывается; чешуйки перхоти, мерцая, облетают, словно незнакомец оставляет на земле частичку себя. Рядом с ним, осознавая тщету и краткость всего сущего, заходится в крике ребенок.

— Смотри, Зою, — говорю я.

Я указываю на дом с открытой дверью. Мелькает прихожая; мама целует дочку. Девочка медлит на крыльце. Да я же тебя знаю, думаю я. Не бойся.

Зои почти вылезла на крышу машины: забралась ногами на сиденье и снаружи заглянула ко мне в окно. Она похожа на русалку на носу корабля.

— Лезь обратно в машину, черт тебя подери! — орет Адам. — И убери ноги с сиденья.

Оглушительно расхохотавшись, Зои юркает внутрь.

Этот отрезок дороги называется «Разбойничья миля». Папа всегда читает в местной газете о здешних происшествиях. Здесь частенько случаются грабежи; здесь гнездятся нищета и отчаяние. Но вот автомобиль набирает скорость; мы проносимся мимо незнакомых прохожих, и я замечаю, до чего красивы люди. Я знаю, что умру раньше, но все они постепенно последуют за мной.

Мы пробираемся по глухим переулкам. Адам сообщает, что везет нас в лес. Там есть кафе, стоянка для машин и ни одного знакомого.

— Там можно хоть на ухах стоять, — говорит он. — Это недалеко, так что мы успеем вернуться к полднику.

— Ты в своем уме? — выкрикивает Зои с заднего сиденья. — Что за детский сад? Пусть все знают, что я под кайфом. Какой, к черту, полдник?

Она снова высовывается из окна и посылает прохожим воздушные поцелуи. Ее волосы развеваются на ветру; Зои похожа на пустившуюся в бега Рапунцель. Но Адам бьет по тормозам, и Зои стучается головой о крышу.

— О господи! — верещит она. — Ты это специально!

Она плюхается на сиденье, со стоном потирая голову.

— Извини, — говорит Адам. — Нам нужно заправиться.

— Козел, — отвечает Зои.

Адам вылезает из машины и идет к колонкам. Зои внезапно засыпает, развалившись на сиденье и посасывая большой палец. Наверно, у нее сотрясения мозга.

— Тебе не больно? — спрашиваю я у нее.

— Он в тебя втюрился! — шипит в ответ Зои. — Он пытается избавиться от меня, чтобы никто не мешал ему с тобой общаться. Не сдавайся!

— Не думаю, что это так.

— Откуда тебе знать?

Зои снова засовывает палец в рот и отворачивается. Я решаю оставить ее в покое, выхожу из машины и иду поболтать с человеком в окне. По его лбу от волос до самой переносица серебристым ручейком змеится шрам. Мужчина похож на моего покойного дядю Билла.

Незнакомец подается вперед через столик.

— Номер? — спрашивает он.

— Восемь.

Мужчина сбит с толку.

— Нет, не восемь.

— Ладно, пусть будет три.

— Где ваша машина?

— Вон там.

— «Ягуар?»

— Не знаю.

— Как это не знаете?

— Я не знаю, как она называется.

— Черт подери!

Разделяющее нас стекло выгибается, чтобы вместить его гнев. Трепеща от ужаса и благоговения, я возвращаюсь к машине.

Сзади подходит Адам и кладет мне руку на плечо.

— Наверно, он волшебник, — сообщаю я ему.

— Да, пожалуй, — шепчет он. — Залезай-ка лучше в машину.

Позже я просыпаюсь в лесу. Мы стоим, и Адама в машине нет. Зои спит, растянувшись на заднем сиденье, как ребенок. Просачивающийся сквозь кроны деревьев свет, кажется в окно автомобиля призрачно тусклым. Непонятно, то ли день, то ли ночь. Я открываю дверь и вылезая из машины; на душе у меня спокойно.

Кругом растет множество самых разных деревьев, лиственных и хвойных. Холодно, как в Шотландии.

Я брожу по лесу, глажу кору деревьев, здороваюсь с листьями. Потом чувствую, что живот подвело от голода. Окажись тут сейчас медведь, я свалила бы его на землю и откусила голову. Может, стоит развести костер. Я расставляю капканы, выкопаю ямы, и первый же зверь, угодивший в западню, попадет на вертел. Я построю шалаш из сучьев и листьев и останусь в нем жить навсегда. Ни микроволновок, ни пестицидов. Ни флуоресцентных пижам, ни часов, чьи циферблаты светятся в темноте. Ни телевизора, ни пластика. Ни лаков и красок для волос, ни сигарет. Нефтехимический завод далеко. В этом лесу я в безопасности. Я тихонько смеюсь себе под нос. Не верится, я раньше до этого не додумалась. Я приехала, чтобы узнать эту тайну.

Тут я замечаю Адама, сверху он мне кажется маленьким.

— Я кое-что поняла! — кричу я.

— Что ты там делаешь?

Его голос тих и приятен.

Я не отвечаю — ведь и так все ясно, а мне не хочется выставлять его тупицей. Зачем бы я еще сюда залезла и стала рвать листья, ломать ветки и так далее?

— Слезай! — вопит Адам.

Но дерево обнимает меня руками-ветвями и просит остаться. Я пытаюсь объяснить это Адаму, но, кажется, он меня не слышит. Адам снимает куртку и лезет за мной.

— Слезай! — кричит он. Я наблюдаю, как он благоговейно карабкается вверх по веткам, точно монах, который хочет меня спасти. — Если ты упадешь и покалечишься, твой папа меня убьет. Пожалуйста, Тесса, слезай.

Он уже близко и я не вижу его лица, — только блеск глаз. Я тянусь к Адаму, чтобы, лизнув, растопить его лед. Кожа у него соленая на вкус.

— Пожалуйста, — просит он.

Мне совсем не больно. Мы плавно скользим вниз, хватая охапками воздух. Мы сидим в листве у подножия дерева, и Адам обнимает меня, точно ребенка.

— Что ты там делала? — спрашивает он. — Какого черта ты туда залезла?

— Собирала ветки для шалаша.

— Пожалуй, твоя подруга была права. Я уже жалею, что дал вам так много.

Но он ничего мне не давал. Я почти ничего о нем не знаю, кроме того, что его зовут Адам и у него под ногтями грязь. Я задумываюсь, стоит ли раскрывать ему мой секрет.

— Я тебе кое-что скажу, — говорю я. — Обещай, что никому не расскажешь. Договорились?

Он кивает, но во взгляде читается сомнения. Я подсаживаюсь ближе к Адаму и говорю ему, что бы он посмотрел на меня. Он сияет разноцветными огнями. Адам светится так ярко, что мне видны его кости, а сквозь мерцающие глазницы-мир.

— Я выздоровела! — Я так взволнована, что говорю с трудом. — Мне нужно остаться здесь, в лесу. Нужно бежать из современного общества со всеми его изобретениями: тогда я перестану болеть. Если хочешь, живи здесь, со мной. Мы выстроим шалаш, расставим капканы. Будем выращивать овощи.

В глазах Адама стоят слезы. Я вижу, как он плачет, и чувствую себя так, будто упала с небес на землю.

— Тесса, — произносит Адам.

За его плечом в небе виднеется просвет; сквозь него доносится гулкое дребезжание спутника, от которого у меня зуб на зуб не попадает. Потом спутник исчезает, и остается только зияющая пустота.

Я прижимаю палец к губам Адама.

— Не надо, — прошу я. — Ничего не говори.

Пятнадцать

— Я сижу в Интернете, — поясняет папа, указывая на свой ноутбук. — Ты не могла бы расхаживать где-нибудь в другом месте?

Мерцание экрана отражается в стеклах его очков. Я сажусь на стул напротив.

— Это меня тоже раздражает, — произносит папа, не поднимая взгляда.

— То, что я здесь сижу?

— Нет.

— То, что я барабаню по столу?

— Послушай, — перебивает меня отец, — я тут нашел врача, который разработал метод костного дыхания. Слышала о таком?

— Нет.

— Нужно представить, будто воздух, который ты вдыхаешь, окрашен в теплый цвет, вдохнуть его левой ногой, направить вверх по ноге до бедра и так же выдохнуть. И так семь раз, а потом повторить с правой ногой. Попробуешь?

— Нет.

Папа снимает очки и смотрит на меня.

— Дождь кончился. Может, возьмешь плед и посидишь в саду? Когда придет медсестра, я тебя позову.

— Неохота.

Он вздыхает, надевает очки и снова утыкается в экран. Ненавижу его. Выходя из комнаты, я спиной чувствую папин взгляд и слышу тихий вздох облегчения.

Двери всех комнат закрыты, и в коридоре темно. Я на четвереньках поднимаюсь по лестнице, сажусь на верхнюю ступеньку и гляжу вниз. Темнота движется. Может быть, теперь я вижу то, чего другим не видно. Например, атомы. Я прыгаю на попе вниз по лестнице и снова вползаю наверх; ковер приятно трет колени. В лестнице тринадцать ступенек. Сколько бы я их не пересчитывала, количество не меняется.

Я сворачиваюсь калачиком у подножия лестницы. Обычно тут садится кошка, чтобы об нее все спотыкались. Я всегда мечтала быть кошкой. Когда хочу, ласковой домашней, а когда и дикой.

В дверь звонят. Я крепче прижимаю колени к груди.

Из коридора выходит папа.

— Тесса! — ахает он. — Ради бога!

Сегодня новая медсестра — широкая, как дирижабль. На ней клетчатая юбка из шотландки. Папа сконфужен.

— Это Тесса, — поясняет он, указывая туда, где на ковре лежу я.

— Она упала? — пораженно спрашивает медсестра.

— Нет, она почти две недели не выходит из дома и от этого бесится.

Медсестра подходит взглянуть на меня. Когда она протягивает руку, чтобы поднять меня с пола, ее пышная грудь трясется. Руки у нее огромные, как теннисные ракетки.

— Меня зовут Филиппа, — произносит медсестра, как будто это все объясняет.

Она ведет меня в гостиную, усаживает на диван и опускается напротив.

— Значит, — говорит она, — сегодня ты себя чувствуешь не очень хорошо?

— А как вы бы себя чувствовали на моем месте?

Папа бросает на меня предостерегающий взгляд. Я не обращаю на него внимания.

— Одышка, тошнота?

— Я принимаю противорвотное. Вы вообще читали мою историю болезни?

— Извините ее, — просит папа. — У нее недавно побаливали ноги, а больше ничего не было.

Сестра, которая приходила на прошлой неделе, сказала, что все хорошо. Кажется, ее звали Шан. Она знает наш курс лечения.

Я хрюкаю себе под нос. Папа старается говорить непринужденно, но со мной это не проходит. В прошлый раз, когда меня навещала Шан, он предложил ей поужинать, и выставил себя полным идиотом.

— Мы стараемся устроить так, чтобы пациента посещал один человек, — поясняет Филиппа, — но это не всегда удается.

Она поворачивается ко мне, позабыв об отце и его печальной личной жизни.

— Тесса, у тебя на руках синяки.

— Я лазила на дерево.

— Значит, у тебя понижены тромбоциты. Какие у тебя планы на эту неделю?

— Мне не нужно переливания крови!

— Все равно на всякий случай надо взять кровь на анализ.

Папа предлагает Филиппе кофе, но она отказывается. Шан бы согласилась.

— У папы все из рук валится, — поясняю я медсестре, когда отец, надувшись, уходит на кухню. — Он постоянно ошибается.

Медсестра помогает мне снять рубашку.

— И что ты об этом думаешь?

— Мне смешно.

Она достает из чемоданчика марлевый тампон и антисептический спрей, надевает стерильные перчатки и поднимает мне руки, чтобы протереть внутривенный катетер. Мы ждем, пока он высохнет.

— У вас есть парень? — интересуюсь я.

— Я замужем.

— А как зовут вашего мужа?

— Энди.

Похоже, ей неловко вслух произносить его имя. Я все время знакомлюсь с новыми людьми, и они никогда ничего толком о себе не рассказывают. Но при этом хотят знать обо мне все.

— Вы верите в Бога? — спрашиваю я.

Филиппа откидывается на спинку кресла и хмурится:

— Странный вопрос!

— Так верите или нет?

— Пожалуй, мне хотелось бы верить.

— А рай? Вы верите в это?

Она достает из упаковки стерильную иглу:

— Я думаю, рай — это прекрасно.

— Это еще не значит, что он есть.

Она бросает на меня строгий взгляд:

— Ну, будем надеяться, что он существует.

— Мне кажется, это все вранье. После смерти ничего нет.

Я начинаю ее раздражать. Филиппа смущается:

— А что же происходит с душой, с энергией?

— Обращается в небытие.

— Знаешь, — замечает Филиппа, — существуют группы поддержки. Там ты можешь

познакомиться с другими молодыми людьми с теми же проблемами, что и у тебя.

— Ни у кого нет таких проблем.

— Ты так думаешь?

— Так оно и есть.

Я поднимаю руку, чтобы Филиппа смогла взять кровь из катетера. У меня под кожей пластик и металл; я наполовину робот. Медсестра набирает кровь шприцем и откладывает его в сторону. Крови у меня так мало, что в первом шприце она связана с физраствором. Наверно, за эти годы медсестры выкачали из меня всю кровь. Филиппа набирает второй шприц, переливает в пробирку и синей ручкой надписывает на этикетке мою фамилию.

— Готово, — поясняет она. — Через час я позвоню и сообщу результаты. У тебя есть вопросы?

— Нет.

— У тебя есть лекарства? Я могу заглянуть к врачу и взять новый рецепт.

— Мне ничего не надо.

Она поднимается с кресла и смеривает меня серьезным взглядом:

— Тесса, ты, наверно, этого не знаешь, но наше управление здравоохранения может во многом оказать тебе поддержку. Например, мы можем помочь тебе вернуться в школу, пусть даже на неполный день, на несколько недель. Мне кажется, стоит подумать о том, как можно выровнять эту ситуацию.

Я смеюсь ей в лицо:

— А вы бы на моем месте пошли в школу?

— Наверно, мне было бы скучно целый день сидеть одной.

— Я не одна.

— Конечно, — соглашается она, — но твоему отцу это тяжело.

Вот идиотка. Разве можно такое говорить? Я сверлю медсестру взглядом. До нее доходит.

— До свидания, Тесса. Я зайду на кухню поговорить с твоим отцом и уйду.

Папа предлагает ей фруктовый пирог и кофе, хотя она и так жирная, и медсестра соглашается! Нам надо предлагать гостям только полиэтиленовые пакеты на ботинки. А калитку пометить большущим крестом.

Я тихонько вынимаю из кармана папиной куртки сигарету, иду наверх и высовываюсь в окно Кэловой комнаты. Хочу посмотреть на улицу. За деревьями видна дорога. Проезжает машина. Еще одна. Проходит человек.

Я выдыхаю дым. Вдыхая, я каждый раз слышу, как свистят мои легкие. Быть может, у меня туберкулез. Надеюсь, что это так. У всех знаменитых поэтов был туберкулез; это признак глубоких чувств. Рак — это так унижительно.

Из дверей выходит Филиппа и останавливается на крыльце. Я стряхнула пепел ей на волосы, но она не заметила — прогудела «До свидания» и, переваливаясь, потопала по дорожке.

Я сажусь на кровать Кэла. Сейчас поднимается папа. Дожидаясь его, я хватаю ручку и пишу на обоях над кроватью: «парашюты, коктейли, камни, леденцы, ведра, зебры, сараи, сигареты, холодная вода из под крана». Потом нюхаю подмышки, кожу на руках, пальцы. Провожу рукой по волосам к затылку, потом обратно ко лбу, как по ворсу ковра.

Папы нет и нет. Я слоняюсь по комнате. Вырываю перед зеркалом волосок. Он темнее прежних и почему-то вьется — как на лобке. Я рассматриваю его, разжимаю пальцы, и он падает на пол. Я рада, что могу бросить лишний волос на ковер.

На стене висит карта. Океаны и пустыни. На потолке — карта Солнечной системы. Я ложусь на кровать, чтобы хорошенько рассмотреть планеты, и кажусь себе совсем крохой.

Буквально пять минут спустя я открываю глаза и спускаюсь узнать, почему папа не

поднимается ко мне. Оказывается, он ушел, оставив мне у компьютера какую-то дурацкую записку.

Я звоню ему:

— Ты где?

— Тесс, ты спала.

— Но где ты?

— Выскочил по-быстрому выпить кофе. Я в парке.

— В парке? Зачем ты туда пошел? Кофе и дома есть.

— Тесс, ну хватит, мне просто нужно было побыть одному. Если тебе скучно, включи телевизор. Я скоро вернусь.

Какая-то женщина готовит цыпленка в сухарях. Трое мужчин нажимают на кнопку, соревнуясь, кому достанутся пятьдесят тысяч фунтов. Два актера спорят о дохлой кошке. Один из них шутит, что кошка «готова». Ссутулившись, я сижу перед телевизором. Выключаю звук. Ну и фигню показывают. Похоже, нам всем нечего сказать.

Я пишу Зои: «Ты где?», — и она отвечает, что в колледже, но это вранье, потому что по пятницам у нее нет занятий.

Жаль, что у меня нем номера Адамова мобильного. Я бы написала ему: «Ты умер?» Наверно, он работает в саду. Копается в навозе, торфе и перегное. Я открываю папину «Книгу садоводства», выпущенную «Ридерз дайджест», и выясняю, что в ноябре самое время обрабатывать почву. Адаму также стоит задуматься о том, чтобы посадить орешник, потому что эти кусты украсят любой сад. Пожалуй, лучше всего подойдет фундук. У него такие большие орехи в форме сердца.

Правда, Адам вот уже несколько дней не показывается в саду.

А еще он обещал прокатить меня на мотоцикле.

Шестнадцать

Он некрасивее, чем я думала. Похоже, моя память его приукрасила. Не знаю, почему так. Представляю себе, как бы фыркнула Зои, узнай она, что в конце концов я постучала в его дверь. При мысли об этом мне не хочется ей ничего рассказываться. Она утверждает, что от уродов у нее болит голова.

— Ты меня избегаешь, — упрекаю я Адама.

Похоже, я застала его врасплох, но он быстро справляется с замешательством:

— Я был занят.

— Правда?

— Да.

— Значит, ты не испугался, что я заразная? В конце концов, большинство ведет себя так, будто от меня можно заразиться раком или как если бы я сама была виновата, что заболела.

Адам смущается:

— Нет, ты что! Я так не думал.

— Вот и хорошо. Когда же мы поедем кататься на мотоцикле?

Адам неловко переминается с ноги на ногу:

— Вообще-то у меня нет полноценных прав. А без них я не могу брать пассажиров.

Я могу придумать миллион причин, по которым мне не стоит кататься с Адамом на мотоцикле. Мы можем разбиться. Поездка окажется не так хороша, как я думала. Да и что я скажу Зои? Но дело в том, что этого мне хочется больше всего и отсутствие прав уж точно мне не сможет помешать.

— У тебя найдется лишний шлем? — спрашиваю я.

Снова эта медленная улыбка. Обожаю ее! Неужели он только что показался мне некрасивым? Теперь его лицо преобразилось.

— В сарае. И лишняя куртка у меня тоже есть.

Я не смогу сдержать улыбки. Мне не страшно и легко.

— Тогда поехали. Пока не начался дождь.

Адам закрывает за собой дверь:

— Дождя не будет.

Мы огибаем дом и забираем из сарая вещи. Адам помогает мне застегнуть куртку, сообщает, что его мотоцикл выжимает девяносто миль в час и ветер будет холодный; тут дверь черного хода открывается и в сад выходит женщина в халате и тапочках.

— Мама, вернись в дом, — просит Адам, — ты простынешь.

Но женщина направляется по дорожке к нам. Я никогда не видела такого унылого лица — кажется, будто она утонула и вода исказила ее черты.

— Куда ты собрался? — спрашивает она, не глядя на меня. — Ты не говорил, что уходишь.

— Я ненадолго.

У женщины уморительно екает в горле. Адам бросает на нее внимательный взгляд.

— Мама, не надо, — просит он. — Пойди прими ванну, оденься. Ты оглянуться не успеешь, как я вернусь.

Она потерянно кивает и идет обратно к дому, потом останавливается, словно вспомнила о чем-то и впервые за все время смотрит на меня — чужого человека в ее саду.

— Кто вы? — спрашивает она.

— Ваша соседка. Пришла навестить Адама.

Взгляд женщины мрачнеет.

— Да, я так и думала.

Адам подходит к ней и осторожно подхватывает под локти.

— Пойдем, — говорит он. — Тебе нужно вернуться в дом.

Она позволяет себя увести; они направляются к задней двери. Женщина поднимается на крыльцо, оборачивается и снова бросает на меня взгляд. Она ничего не говорит; я тоже молчу. Мы просто смотрим друг на друга; потом она заходит в дом и идет на кухню. Интересно, что там будет, что они скажут друг другу?

— Она нездорова? — спрашиваю я Адама, когда он возвращается в сад.

— Поехали отсюда, — отвечает он.

Поездка на мотоцикле оказывается совсем не такой, как я себе представляла, — не то что быстро катиться с горки на велосипеде или на ходу высунуть голову из машины. На мотоцикле ты открыт всем ветрам, как зимой на пляже, когда налетает шквал с моря. На шлемах стоят пластиковые щитки. Я свой опустила, а Адам нет; он это сделал нарочно.

— Люблю, когда ветер в глаза, — пояснил он.

Адам сказал, что, когда мы поворачиваем за угол, мне нужно наклоняться. Что он не будет разгоняться до предела, потому что я впервые сижу на мотоцикле. Но это еще ничего не значит. Даже на средней скорости можно взмыть ввысь. И полететь.

Мы проносимся по улицам, оставляя позади дома и фонари. Мы проезжаем магазин, промзону, лесной склад, пересекаем границу знакомого городского пространства. Показываются деревья, поля, простор. Я прячусь от ветра за сгорбленной спиной Адама, закрываю глаза и думаю о том, куда он меня везет. Я представляю себе мчащихся галопом лошадей в моторе: их гривы развеваются на ветру, изо рта валит пар, ноздри раздуваются. Однажды я слышала историю о нимфе, которую похитил какой-то бог и увез на своей колеснице в мрачную и жуткую глушь.

В конце конвой мы приезжаем на грязную стоянку возле автомагистрали; такого я никак не ожидала. Здесь припаркованы две огромные фуры и пара легковушек; я замечаю ларек с хот-догами.

Адам выключает мотор, пинком ставит мотоцикл на подпорку и снимает шлем.

— Сначала слезь с мотоцикла, — советует он.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. В дороге у меня перехватило дыхание. Колени дрожат; я с трудом перекидываю ногу через седло и слезаю на землю. Она не качается под ногами. Водитель фуры подмигивает мне из окна. В руке у него стаканчик с дымящимся чаем. У продавщицы в ларьке с хот-догами волосы стянуты в хвост; она протягивает мужчине с собакой пакетик чипсов. Я не такая, как они. Как будто мы сюда прилетели, а все остальные тут жили всегда.

— Мы еще не пришли, — говорит Адам, — давай поедим, и я тебе кое-что покажу.

Похоже, он понимает, что я пока не могу говорить, и не ждет ответа. Я медленно бреду за ним, слушаю, как он заказывает два хот-дога с кольцами лука. Откуда он знал, что мне именно этого и хотелось?

Мы едим стоя. По очереди отхлебывает кока-колу. Я поверить не могу в то, что я здесь, что, сидя на мотоцикле позади Адама, я смотрела на пролетающий мимо окружающий мир, что небо было словно шелк, я видела, как клонится к вечеру день — не белый, не серый и не серебристый, а смешанный, трехцветный. Наконец, едва я выбрасываю обертку от хот-дога в урну и допиваю кока-колу, Адам спрашивает:

— Готова?

И я иду за ним в калитку позади ларька с хот-догами, за канаву, в редкий лесок. Вьющаяся через лес тропинка приводит нас на опушку. Я и не думала, что мы так высоко забрались. Нашим глазам открывается удивительный вид. Город расстилается внизу, словно кто-то положил его к нашим ногам, а мы разглядываем его с вышины.

— Ух ты! — восхищаюсь я. — Никогда тут не была.

— Угу.

Мы садимся рядом на скамью, почти касаясь друг друга коленями. Земля под ногами, как камень. В воздухе пахнет морозом, который еще не вполне установился, и близкой зимой.

— Я сюда приезжаю, когда мне нужно ото всех сбежать, — поясняет Адам. — Грибы я здесь нашел.

Адам вынимает коробочку с табаком, открывает, отсыпает табака на бумагу и скручивает сигарету. У него под ногтями грязь, и я вздрагиваю, представив, что эти руки прикасаются ко мне.

— Держи, — говорит Адам. — Это тебя согреет.

Он протягивает мне сигарету, и я смотрю, как он сворачивает еще одну для себя. Она похожа на тонкий бледный палец. Адам дает мне прикурить. Мы молчим целую вечность, лишь выдыхаем дым на город внизу.

Он говорит:

— Внизу может твориться все что угодно, но здесь ты об этом не знаешь.

Я понимаю, что он имеет ввиду, быть может, в тех домишках крошечный ад, все вверх дном, мечты рассыпаются в прах. Но отсюда все кажется таким умиротворенным. Чистым.

— Ты извини, что так случилось с мамой, — просит Адам. — Она бывает невыносима.

— Она больна?

— Не совсем.

— Так что же с ней такое?

Адам вздыхает, проводит рукой по волосам.

— Полтора года назад папу сбила машина.

Он щелчком отбрасывает окурки в траву, и мы оба следим взглядом за оранжевым светлячком. Кажется, что прошло несколько минут, прежде чем огонек потух.

— Хочешь, поговорим об этом?

Он пожимает плечами:

— Да тут и говорить не о чем. Мама с папой поссорились, он сбежал в паб и, переходя через дорогу, забыл посмотреть по сторонам. Спустя два часа к нам в дверь позвонила полиция.

— Ужас!

— Ты когда-нибудь видела испуганного полицейского?

— Нет.

— Жуткое зрелище. Мама осела на лестнице и зажала уши руками, а полицейские с фуражками в руках топтались в прихожей; у них дрожали колени. — Адам невесело фыркнул. — Полицейские были чуть постарше меня и понятия не имели, что делать.

— Какой кошмар!

— Хуже того. Они отвезли ее опознать тело отца. Мама сама хотела, но они не должны были ее пускать. Его раздавило в лепешку.

— Ты поехал с ними?

— Я ждал снаружи.

Теперь я понимаю, почему Адам так непохож на Зою и остальных знакомых ребят из школы. Нас связывает горе.

Он продолжает:

— Я думал, что переезд как-то поможет, но увы. Мама до сих пор каждый день пьет кучу таблеток.

— Ты за ней ухаживаешь?

— Да.

— А жить когда?

— У меня нет выбора.

Адам поворачивается ко мне лицом. Кажется, будто он видит меня насквозь, знает обо мне такое, чего не знаю даже я сама.

— Тесса, тебе страшно?

Меня никто раньше об этом не спрашивал. Никогда. Я бросаю на него взгляд — вдруг он смеется надо мной или интересуется из вежливости? Но Адам не отводит взгляд. И я признаюсь ему, что ужасно боюсь темноты, боюсь спать, боюсь сросшихся перепончатых пальцев, тесноты и дверей.

— Время от времени на меня накатывает. Все думают, что если ты больна, то тебе ничего не страшно, но это не так. Это как если за тобой все время следит маньяк и в любую минуту может застрелить. А иногда я забываю обо всем на несколько часов.

— Как тебе это удается?

— Я общаюсь с другими людьми. Чем-нибудь занимаюсь. Тогда с тобой в лесу я целый день не думала ни о чем.

Адам медленно-медленно кивает.

Наступает тишина. Она длится всего мгновение, но вполне осязаема — как подушка вокруг коробки с острыми углами.

— Тесса, ты мне нравишься, — признается Адам.

Я сглатываю комок в горле:

— Правда?

— Помнишь, ты пришла и попросила бросить вещи в костер. Ты тогда сказала, что хочешь от них избавиться. Ты призналась, что наблюдала за мной в окно. Обычно люди такое не говорят.

— Я тебя шокировала?

— Наоборот. — Он опускает глаза, как будто подсказка валяется у него под ногами. — Но я не смогу дать тебе то, чего ты хочешь.

— А чего я хочу?

— Я только-только прихожу в себя. Если между нами что-то будет, ну ты понимаешь, то что потом? — Он ерзает на скамье. — Это плохо кончится.

Я поднимаюсь, внезапно чувствуя себя необыкновенно чужой Адаму. Как будто в моей душе захлопнулось окошко. То, сквозь которое шла теплота и искренность. Я холодна, как схваченный инеем лист. — Увидимся, — бросаю я. — Уходишь?

— Ага, есть кое-какие дела в городе. Извини, я забыла сколько времени.

— Тебе нужно идти прямо сейчас?

— Я встречаюсь с друзьями. Они будут меня ждать.

Он нашаривает на траве шлемы:

— Давай я тебя отвезу.

— Нет-нет, не надо. Кто-нибудь из друзей меня заберет. Они все с машинами.

Адам, похоже, ошеломлен. Ха! Так ему и надо! Пусть не задается. Я ухожу, даже не попрощавшись.

— Подожди! — зовет он.

Но я не останавливаюсь. И не оборачиваюсь.

— На тропинке, наверно, скользко! — кричит он. — Дождь начинается.

Я же говорила, что будет дождь. Я так и знала.

— Тесса, давай я тебя подвезу!

Он заблуждается, если воображает, что я поеду вместе с ним на мотоцикле.

Я смертельно ошибалась, думая, что он может меня спасти.

Семнадцать

Начинаю я с оскорбления действием — въезжаю локтем в спину женщине, которая заходит передо мной в автобус. Она оборачивается и смотрит на меня бешеными глазами.

— Уй, — взвизгивает она. — Смотри, куда прешь!

— Это он! — отвираюсь я, указывая на мужчину сзади. Тот не слышит — что-то вопит в мобильный телефон, держа зашедшегося в крике ребенка, и не замечает, что я его только что оклеветала. Женщина выглядывает из-за меня и бросает мужчине:

— Сволочь!

Это он слышит.

В суматохе я ухитрюсь проскользнуть зайцем и сажусь сзади. Три правонарушения меньше чем за минуту. Неплохо.

Спускаясь с холма, я порылась в карманах Адамовой куртки, но нашла только зажигалку и старую смятую самокрутку, так что мне все равно было нечем заплатить за проезд. Я решаю совершить четвертое правонарушение и закуриваю сигарету. Какой-то старикан оборачивается ко мне, тычет в меня пальцем и приказывает:

— А ну потуши!

— Отвали, — огрызаюсь я. Пожалуй, в суде это сочли бы хулиганством.

Все идет как по маслу. Теперь займемся убийствами — поиграем со смертью.

Мужчина через три сиденья спереди от меня кормит сидящего у него на коленях мальчика купленной в кафе лапшой. Я зарабатываю три очка, представив, как пищевой краситель растекается по венам малыша.

Женщина напротив обматывает горло шарфом. Очко за опухоль на ее шее — шершавую, розовую, как клешня краба.

Еще одно очко за то, как автобус взрывается, затормозив на светофоре. Два — за оплавленный пластик разлетевшихся на куски сидений.

Психолог, с которым я общалась в больнице, говорила, что я в этом не виновата. Она утверждала, что очень многие больные втайне желают зла здоровым.

Я рассказала ей, что мой папа говорит, будто рак — свидетельство измены: значит, организм делает что-то без ведома и согласия сознания. Я спросила: быть может, в игре разум пытается вернуть себе свои права?

— Возможно, — ответила она. — И часто ты в это играешь?

Автобус проносится мимо кладбища; железные ворота открыты. Три очка за покойников, медленно откидывающих крышки своих гробов. Они мечтают уничтожить живых. Мертвецов не остановить. Их горла стали жидкими, а пальцы блестят на тусклом осеннем солнце.

Пожалуй, хватит. В автобусе слишком много пассажиров. Бросая друг на друга взгляды, они перемещаются по салону. «Я в автобусе», — говорят они, отвечая на звонки своих мобильных. Если я их всех убью, мне будет тоскливо.

Я заставляю себя выглянуть в окно. Мы уже на Уиллис-авеню. Когда-то я по ней ходила в школу. А вот мини-маркет! Я совсем забыла о его существовании, хотя именно здесь раньше всех в городе стали продавать «Слаш Паппис». Летом по дороге из школы мы с Зои покупали его каждый день. Здесь продаются и другие продукты — свежие финики, инжир, халва, хлеб с кунжутом, рахат-лукум. Поверить не могу, что я забыла о мини-маркете.

Мы проехали видеосалон; мужчина в белом фартуке в дверях кафе «Барбекю» точит нож. В витрине за его спиной медленно крутится решетка с бараниной. Два года назад на деньги,

которые нам выдавали на обеды, мы покупали здесь кебаб с картошкой фри (а Зои — кебаб с картошкой и сигарету из-под прилавка).

Я скучаю по Зои. На рыночной площади я выхожу из автобуса и звоню ей. Голос Зои доносится глухо, словно из-под воды.

— Ты в бассейне?

— В ванной.

— Одна?

— Ну конечно, одна!

— Ты писала, что в колледже. Я так и знала, что это неправда.

— Тесса, чего ты хочешь?

— Нарушить закон.

— Что?

— Это четвертый номер в моем списке.

— И как ты планируешь за это взяться?

Раньше она бы непременно что-нибудь придумала. Но со Скоттом Зои утратила сообразительность, растворилась в нем. Теперь не разберешь, где он, где она.

— Я подумывала об убийстве премьер-министра. А еще мне хотелось бы устроить революцию.

— Смешно.

— Или убить королеву. Мы могли бы добраться до Букингемского дворца на автобусе.

Зои вздыхает, даже не пытаясь это скрыть:

— У меня есть дела. Я не могу все время торчать возле тебя.

— Мы же десять дней не виделись! — Наступает молчание. Мне хочется сказать ей колкость. — Зои, ты же обещала, что поддержишь меня во всем. Пока я выполнила только три пункта из списка. С такой скоростью мне все не успеть.

— Ради бога!

— Я на рынке. Приезжай, будет весело.

— На рынке? А Скотт там?

— Не знаю. Я только что вылезла из автобуса.

— Буду через двадцать минут, — обещает Зои.

В моей чашке отражается солнце. Так приятно сидеть на улице за столиком кафе и смотреть на солнышко.

— Ты вампир, — стонет Зои. — Ты высосала из меня все силы.

Она отодвигает тарелку и кладет голову на стол.

Мне нравится здесь все — и полосатый, как леденцы, навес над нами, и открывающийся отсюда вид на площадь и фонтан. И аромат дождя в воздухе. И птицы, сидящие на стене над мусорными ящиками.

— Что это за птицы?

Приоткрыв один глаз, Зои бросает взгляд на птиц:

— Скворцы.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

Я сомневаюсь в ее правоте, но тем не менее записываю на салфетке название.

— А облака? Ты знаешь, как они называются?

Зои издает стон и качает лежащей на столе головой.

— Как ты думаешь, Зои, у камней есть названия?

— Нет! И у капель дождя тоже, и у листьев, и у прочей чепухи, о которой ты болтаешь.

Зои кладет голову на руки; теперь мне не видно ее лица. Она ворчит не переставая с той минуты, как приехала сюда, и это начинает меня раздражать. А ведь по идее с Зои мне должно становиться легче.

Зои ерзает на стуле.

— Ты не замерзла?

— Нет.

— Может, просто пойдём и ограбим банк, или что мы там должны сделать?

— Научишь меня водить машину?

— Попроси своего папу.

— Я просила, но он отказался.

— Тесса, это займет уйму времени! К тому же мне, скорее всего, нельзя. Я ведь сама только-только получила права.

— Когда это тебя останавливало?

— Ты собираешься это обсудить прямо сейчас? Ладно, пошли.

Она отодвигает заскрипевший стул, но я еще не готова. Мне хочется наблюдать за черной тучей, наползающей на солнце. Я хочу увидеть, как почернеет серое небо. Поднимается ветер, и с деревьев облетят листья. А я буду их догонять и ловить. Я придумваю сотни желаний.

По площади спешат три женщины с детьми в колясках.

— Скорее! — перекликаются они. — Сюда, быстрее, пока опять дождь не начался.

Протискиваясь мимо нам за свободный столик, они дрожат и смеются.

— Кто что будет? — выкрикивают женщины. — Что возьмем? — Они щебечут, как скворцы.

Зои выпрямляется и, прищурившись, смотрит на женщин, словно недоумевает, откуда они взялись. Они суетливо и шумно снимают куртки, рассаживают малышек на высокие стулья, платочками вытирают детям носы и заказывают фруктовый пирог с соком.

— Мама водила меня в это кафе, когда была беременна Кэлом, — сообщаю я Зои. — Она заказывала только молочные коктейли. Мы заходили сюда каждый день; потом мама так располнела, что за животом стало не видно коленей. Чтобы посмотреть телевизор, я садилась рядом с ней на табуретку.

— О боже! — ворчит Зои. — С тобой как в фильме ужасов!

Я впервые смотрю на нее трезвым взглядом. Она одета кое-как: на ней бесформенные спортивные штаны и футболка. Кажется, я раньше никогда не видела Зои без макияжа. Ее прыщи бросаются в глаза.

— Зои, у тебя ничего не случилось?

— Я замерзла.

— Ты думала, что рынок сегодня открыт? Ты надеялась встретить Скотта?

— Нет!

— Вот и хорошо, потому что выглядишь ты неважно.

Она сверлит меня взглядом.

— Кража в магазине, — произносит она. — Только по-быстрому.

Восемнадцать

«Моррисон» — самый крупный супермаркет в торговом центре. В школах вот-вот закончатся уроки, и в магазине полно народу.

— Бери корзину, — приказывает Зои. — И посматривай, нет ли где охранников.

— Как они выглядят?

— Так, будто они на работе!

Я брожу по магазину, внимательно разглядывая полки с товарами. Сто лет не была в супермаркете. В гастрономическом отделе на прилавке стоят блюдечки. Я беру два куска сыра и оливку, понимаю, что голодна как волк, прихватываю с фруктового прилавка горсть черешни и отправляю в рот. Я жую ягоды на ходу.

— Как ты можешь столько жрать? — любопытствует Зои. — Меня тошнит от одного взгляда на тебя.

Она объясняет мне: в корзину следует класть то, что мне не надо, — обычные товары вроде томатного супа и сливочных крекеров.

— А в карман, — уточняет она, — то, что тебе надо.

— Например?

Зои выходит из себя:

— Откуда я знаю, черт возьми? Здесь полно всего. Выбирай сама.

Я беру пузырек вульгарно ярко-красного лака для ногтей. На мне до сих пор Адамова куртка. В ней много карманов. Пузырек незаметно проскальзывает внутрь.

— Класс! — говорит Зои. — Ты благополучно нарушила закон. Теперь мы можем идти?

— И это все?

— В общем, да.

— Полная фигня! Лучше бы мы смылись из кафе, не заплатив.

Зои вздыхает и бросает взгляд на экран мобильного телефона:

— У тебя пять минут.

Совсем как мой папа.

— А ты? Будешь просто смотреть?

— Я на шухере.

Продавщица в фармацевтическом отделе обсуждает с покупателем грудной кашель. Вряд ли она хватится этого тюбика увлажняющего лосьона для тебя или баночки питательного крема. В корзину отправляются хрустящие хлебцы. В карман — крем для лица. В корзину — чай в пакетиках. В карман — косметическое молочко. Все равно что собирать клубнику.

— У меня неплохо получается! — сообщаю я Зои.

— Отлично.

Она даже не слушает. Подельник из нее тот еще. Зои прохаживается вдоль прилавка.

— Идем за шоколадом, — окликаю я.

Но Зои не отвечает, и я отстаю от нее.

В кондитерском отделе не то чтобы Бельгия, но полным-полно перевязанных миленькими ленточками коробок с трюфелями всего по фунту девяносто девять пенсов. Я хватаю две коробочки и прячу в карман. Байкерская куртка словно создана для воров. Интересно, знает ли об этом Адам.

К крайнему ряду с холодильниками мои карманы уже битком набиты. Я прикидываю, сколько пролежит в куртке мороженое «Бен и Джерри», и тут мимо проходят две девушки, с

которыми я когда-то училась. Увидев меня, они останавливаются, наклоняются друг к другу, и о чем-то шепчутся. Я собираюсь написать Зои, чтобы она меня выручила, но девушки подходят ко мне.

— Ты Тесса Скотт? — спрашивает блондинка.

— Ага.

— Помнишь нас? Мы Фиона и Бет. — Она произнесла это с таким видом, будто они всегда идут в паре. — Ты ведь ушла в одиннадцатом классе?

— В десятом.

Девушки выжидающе смотрят на меня. Неужели они не понимаю, что живут совсем в другом мире, где время течет гораздо медленнее, чем в моем, и мне абсолютно не о чем с ними говорить?

— Как дела? — наконец интересуется Фиона. Бет кивает, словно полностью согласна с вопросом. — Ты все еще лечишься?

— Уже нет.

— Значит, ты выздоровела?

— Нет.

Я наблюдаю, как до них постепенно доходит смысл моих слов. Сначала округляются глаза, потом краснеют щеки, приоткрываются рты. Предсказуемая реакция. Они меня больше ни о чем не спрашивают, потому что корректных вопросов не осталось. Мне хочется их отпустить, но я не знаю, как это сделать.

— Со мной Зои, — говорю я; молчание слишком затянулось. — Зои Уокер. Они училась на класс старше.

— Правда? — Фиона пихает подругу локтем в бок. — Странно. Я как раз о ней тебе рассказывала.

Бет озаряется улыбкой, обрадовавшись, что возобновился нормальный разговор.

— Она тебе помогает ходить за покупками? — спрашивает она так, будто обращается к четырехлетнему малышу.

— Не совсем.

— Смотри! — восклицает Фиона. — Вот она. Теперь ты понимаешь, о ком я говорила?

Бет кивает.

— Ах, о ней!

Я жалею, что вообще раскрыла рот. Меня гложет нехорошее предчувствие. Но слишком поздно.

Зои, кажется, совсем не рада их видеть.

— Что вы здесь делаете?

— Разговариваем с Тессой.

— О чем?

— О том о сем.

Зои бросает на меня подозрительный взгляд:

— Ты готова?

— Ага.

— погоди, — Фиона трогает Зои за рукав, — это правда, что ты встречаешься со Скоттом Редмондом?

Зои смущается:

— Тебе то что? Ты его знаешь?

Фиона тихонько фыркает:

— Кто же его не знает? — Она оборачивается к Бет и закатывает глаза. — Его знают

абсолютно все.

Бет смеется:

— Ага, он встречался с моей сестрой. Где-то с полчаса.

Глаза Зои сверкают.

— Правда?

— Слушайте, — вмешиваюсь я, — все это, конечно, безумно интересно, но нам пора. Мне еще нужно забрать приглашения на свою панихиду.

Это заставляет их замолчать. Фиона потрясенно смотрит на меня:

— Неужели?

— Угу. — Я беру Зои за руку. — Жаль, что я этого не увижу — обожаю вечеринки! Если вспомните какие-нибудь красивые псалмы — наберите мне эсэмэску!

Мы уходим, окончательно сбив их с толку. Повернув за угол, мы с Зои останавливаемся в отделе кухонной посуды в окружении столовых приборов и нержавеющей стали.

— Зои, они дуры. Ничего они не знают.

Зои с деланным интересом рассматривает щипчики для сахара:

— Не хочу об этом говорить.

— Давай повеселимся, отмочим какую-нибудь штуку. Например, совершим за час как можно больше правонарушений!

Зои вымученно улыбается:

— Можно поджечь дом Скотта.

— Не верь им, Зои.

— Почему?

— Ты его знаешь лучше, чем они.

Я никогда раньше не видела, чтобы Зои плакала. Вообще. Ни когда получила аттестат о среднем образовании, ни даже когда я сообщила ей свой смертельный диагноз. Я была уверена, что она просто не умеет плакать, как Вулкан. Но сейчас она плачет. В магазине. Пытаясь скрыть слезы, Зои встряхивает волосами, и они падают ей на лицо.

— Что с тобой? Что случилось?

— Я ухожу. Мне нужно его найти, — отвечает Зои.

— Сейчас?

— Прости.

При виде Зоиных слез меня пробирает дрожь. Как она могла так влюбиться в Скотта? Они знакомы всего ничего.

— Мы еще не закончили с правонарушениями.

Зои кивает; по ее лицу струятся слезы.

— Когда будешь готова, бросай корзину и уходи. Извини. Я ничего не могу поделать. Мне надо идти.

Я все это уже видела. Стояла и смотрела в спину Зои, на ее раскачивающиеся в такт шагам золотистые волосы. А она уходила все дальше и дальше.

Пожалуй, я подожгу не Скоттов дом, а ее.

Но без Зои уже неинтересно. Сделав вид, будто с удивлением обнаружила, что забыла дома кошелек, я ставлю корзину на пол, чешу в затылке и направляюсь к выходу. И тут кто-то хватает меня за запястье.

Вроде бы Зои говорила, что магазинных охранников легко вычислить. Я-то думала, они ходят в плохих костюмах с галстуками, а не в куртках: они же целый день в помещении.

На остановившем меня мужчине темно-синяя джинсовая куртка. Волосы коротко острижены.

— Вы собираетесь платить за то, что у вас в кармане? — спрашивает он и добавляет:

— У меня есть основания полагать, что в пятом и седьмом ряду вы прятали товары в куртку.

Это видел наш сотрудник.

Я вынимаю из кармана пузырек лака и протягиваю ему:

— Возьмите.

— Вам придется пройти со мной.

Краска бросается мне в лицо:

— Не хочу.

— Вы собирались уйти из магазина, не заплатив, — настаивает мужчина и тащит меня за собой.

Мы направляемся по проходу в глубь магазина. Окружающие сверлят меня взглядами. Едва ли охранник имеет право так меня тащить. А может, он вовсе и не охранник, а просто хочет завести меня в какое-нибудь безлюдное тихое местечко. Я упираюсь, хватаюсь за полку. Я задыхаюсь.

Охранник мнетяся:

— Вы хорошо себя чувствуете? Может, у вас астма?

Я закрываю глаза:

— Нет, я... просто не хочу...

Договорить не получается. Слишком много слов рвется с языка.

Он хмуро смотрит на меня, вынимает пейджер и вызывает помощника. Двое малышей, сидящих в тележке, глазают на меня, проезжая мимо. Проходит девушка примерно моего возраста, потом возвращается с глупой ухмылкой.

К нам быстрыми шагами подходит женщина с нагрудным значком. На нем написано «Ширли»; женщина бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Я заберу ее, — говорит она охраннику и знаком приказывает ему удалиться. — Пошли.

За прилавком с рыбой оказывается потайной кабинет. Обычным посетителям и в голову бы не пришло, что он там есть. Ширли закрывает за нами дверь. Такие комнатки показывает в детективах — тесные, душные, со столом, двумя стульями и мигающей под потолком лампой дневного света.

— Садись, — приказывает Ширли. — Все из карманов на стол.

Я делаю, как велено. Лежащие на столе между нами украденные вещи кажутся дешевыми и убогими.

— Что ж, — произносит Ширли, — это улики, согласна?

Я пытаюсь было разреветься, но на нее это не действует. Она протягивает мне носовой платок, хотя мои слезы ее ничуть не волнуют. Ширли ждет, пока я высморкаюсь, и указывает на мусорную корзину.

— Придется задать тебе несколько вопросов, — произносит она. — Начнем с имени.

Допрос длится вечность. Ее интересуют все подробности: возраст, адрес, номер папиного телефона. Она спрашивает даже, как зовут мою маму, что, на мой взгляд, не имеет никакого отношения к делу.

— У тебя есть выбор, — поясняет Ширли. — Мы звоним либо твоему отцу, либо в полицию.

В отчаянии я решаю выкинуть какой-нибудь номер. Я снимаю Адамову куртку и расстегиваю рубашку. Ширли и бровью не ведеет.

— Я не совсем здорова, — признаюсь я, спускаю рубашку с плеча и поднимаю руку, чтобы продемонстрировать Ширли металлический диск в подмышке. — Это внутривенный катетер, имплантат для медицинских процедур.

— Пожалуйста, надень рубашку.

— Я хочу, чтобы вы мне поверили.

— Я тебе верю.

— У меня острый лимфобластный лейкоз. Можете позвонить в больницу и проверить.

— Пожалуйста, надень рубашку.

— Вы хоть знаете, что такое острый лимфобластный лейкоз?

— Нет.

— Это рак.

Но слово на букву «р» не пугает Ширли, и она звонит моему отцу.

Под нашим холодильником все время собирается лужа вонючей воды. Каждое утро папа вытирает ее антисептическими чистящими салфетками. К вечеру лужа возвращается. От сырости половицы покоробились. Как-то ночью, мучаясь бессонницей, я вышла на кухню, зажгла свет и заметила, как под холодильник юркнули три таракана. Назавтра папа купил клеевые лопушки и положил в них для приманки кусочек банана. Правда, мы так и не поймали ни одного таракана. Папа утверждает, что мне померещилось.

Даже в детстве я видела знаки — то бабочки заберутся в банку с вареньем и там засохнут, то Кэлова крольчиха сожрет своих крольчат.

В моей школе училась девочка, которая свалилась с пони и разбилась. Потом мальчишка из фруктовой лавки попал под такси. У моего дяди Билла нашли опухоль мозга. На его похоронах все бутерброды съезжились по краям. А я потом долго не могла отскрести с подошв ботинок кладбищенскую землю.

Когда я обнаружила у себя на спине синяки, папа отвез меня к врачу. Тот заявил, что я не должна так утомляться. Он много что говорил. По ночам деревья стучали мне в окно, как будто пытались забраться в дом. Меня окружили. Я это знаю.

Приезжает папа. Он приседает на корточки возле моего стула, берет меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза. Никогда раньше я не видела его таким грустным.

— Ты в порядке?

Он имеет ввиду с медицинской точки зрения, и я киваю. Я не рассказываю о пауках, живущих на подоконнике.

Папа выпрямляется и бросает взгляд на сидящую за столом Ширли:

— Моя дочь нездорова.

— Она сказала.

— И вам все равно? Неужели вы настолько равнодушны?

Ширли вздыхает:

— Вашу дочь поймали на том, что она прятала товары, собираясь сбежать из магазина, не заплатив.

— А откуда вы знаете, что она не собиралась платить?

— Товары были у нее в карманах.

— Но она же не ушла.

— Намерение украсть — тоже преступление. На первый раз мы можем ограничиться предупреждением. Ваша дочь раньше не попадалась, и я могу не звонить в полицию и передать ее под вашу ответственность. Но при этом я должна быть уверена, что вы сделаете из случившегося самые серьезные выводы.

Папа смотрит на Ширли, как будто услышал невероятно трудный вопрос и задумался над ответом.

— Да, — наконец соглашается он. — Я обещаю. — Папа помогает мне подняться.

Ширли тоже встает:

— Значит, мы договорились?

Папа смущен:

— Извините, но, наверно, я должен вам заплатить?

— Заплатить?

— За вещи, которые она взяла.

— Нет, что вы.

— Значит, я могу забрать ее домой?

— Но вы объясните дочери, что так поступать нельзя?

Папа поворачивается ко мне. Он говорит медленно, словно обращается к слабоумной:

— Тесса, надень куртку. На улице холодно.

Едва мы подъезжаем к дому, как папа почти силой вытаскивает меня из машины, тащит за собой в дом и толкает в гостиную.

— Сядь, — приказывает он. — Быстро.

Я опускаюсь на диван, он садится напротив меня в кресло. Похоже, дорога домой довела его до белого каления. Папа запыхался, глаза безумные, как будто он неделями не спал и способен на все.

— Тесса, что ты вытворяешь, черт побери?

— Ничего.

— По-твоему, кража в магазине — это ничего? Ты целый день где-то пропадала, не сказала, куда идешь, даже записки не оставила, и считаешь, что так и надо?

Папа обхватывает себя руками, словно он замерз, и какое-то время мы сидим молча. Я слышу, как тикают часы. На столике возле меня лежит один из папиных автомобильных журналов. Я мусолю уголок страница, загибаю и разгибаю, выжидая, что будет дальше.

Наконец, папа говорит — очень медленно и отчетливо, словно хочет, чтобы его правильно поняли.

— В некоторых случаях ты можешь поступать так, как считаешь нужным, — произносит он. — В одном мы можем сделать для тебя послабление, но в другом не получится, как бы тебе этого ни хотелось.

Я издаю дребезжащий смешок — кажется, будто где-то разбили стекло, — и ошарашено замолкаю. Я с удивлением обнаруживаю, что сгибаю папин журнал пополам и отрываю обложку, на которой изображены красная машина и юная красотка с белоснежными зубами. Я комкаю лист и бросаю на пол. Я вырываю страницу за страницей и швыряю их на столик, пока все пространство между нами не оказывается устлано обрывками журнала.

Мы глазеем на вырванные страницы; я задыхаюсь, мне так хочется, чтобы случилось хоть что-нибудь — какое-нибудь грандиозное событие, вроде извержения вулкана в нашем саду. Но ничего такого не происходит, папа лишь крепче обхватывает себя руками, как всегда, когда расстроен: он уходит в себя, словно растворяется в пустоте.

Наконец папа произносит:

— Что будет, если ты не сможешь справиться с гневом? Во что же ты тогда превратишься?

Я молча упираюсь взглядом в косой луч света, который падает на диван и разлетается брызгами по ковру, застывая у моих ног.

Девятнадцать

На лужайке лежит мертвая птичка. Лапки тонкие, как зубочистки. Я сижу в шезлонге под яблоней и рассматриваю птицу.

— Она точно пошевелилась, — говорю я Кэлу.

Брат перестает жонглировать и подходит взглянуть.

— Черви, — сообщает он. — Температура внутри трупа может настолько повыситься, что черви, которые в глубине, вылезают на поверхность — там прохладнее.

— Откуда ты знаешь?

Кэл пожимает плечами:

— Интернет.

Кэл переворачивает птицу носком ботинка, и у нее лопаются брюшко. Куча червей вываливается на траву — они корчатся, ослепленные солнцем.

— Видишь? — замечает Кэл, садится на корточки и тычет в червей палкой. — Труп — это замкнутая экосистема. В некоторых условиях покойник может всего за девять дней сгнить до костей. — Он бросает на меня задумчивый взгляд. — Но с тобой такого не случится.

— Правда?

— Это чаще бывает, когда человека убили и оставили лежать под открытым небом.

— А что будет со мной?

Я готова верить каждому его слову, словно Кэл — великий волшебник, которому ведома вселенская истина. Но брат пожимает плечами и произносит:

— Я выясню и расскажу тебе.

Кэл идет в сарай за лопатой.

— Посторожи птичку, — просит он.

Ее перья ерошит ветерок. Она прекрасна — черная с синим отливом, как разлившаяся по морю нефть. Черви тоже красивы. Они в ужасе извиваются на траве, ищут птицу, друг друга.

Лужайку пересекает Адам.

— Привет, — произносит он. — Как дела?

Я выпрямляюсь в шезлонге:

— Ты перелез через забор?

Адам качает головой:

— Он сломан внизу.

На Адаме джинсы, ботинки и кожаная куртка. Он что-то прячет за спиной.

— Вот, — говорит он и протягивает мне букет зеленых листьев. Среди них, словно фонари или маленькие тыковки, виднеются ярко-оранжевые цветы. — Это мне?

— Тебе.

У меня колет в сердце.

— Я стараюсь не обзаводиться новыми вещами.

Адам хмурится:

— Может, живое не считается?

— Еще как считается.

Он опускается на траву рядом с моим шезлонгом и кладет цветы между нами. Земля сырая. Адам промокнет. Замерзнет. Но я молчу. И про червей тоже. Пусть заползут к нему в карманы.

Возвращается Кэл с садовым совком.

— Ты что-то сажаешь? — любопытствует Адам.

— Дохлую птицу, — отвечает Кэл, указывая на место, где лежит трупик.

Адам наклоняется взглянуть на нее.

— Это грач. Его ваша кошка поймала?

— Не знаю. Но все равно надо похоронить.

Кэл идет к дальнему забору, отыскивает на клумбе местечко и начинает копать. Земля сырая, как смесь для кекса. Время от времени лопата натывается на мелкие камешки, и раздается звук, похожий на хруст гравия под ногами.

Адам срывает травинку и пропускает между пальцами.

— Я прошу прощения за то, что тогда сказал.

— Ладно.

— Это все неправда.

— Все нормально. Не будем об этом.

Адам с серьезным видом кивает и тербит травинку, не глядя на меня.

— Ради тебя можно и потерпеть.

— Правда?

— Ага.

— Значит, ты хочешь со мной дружить?

Он поднимает глаза:

— Если ты согласишься.

— И ты уверен, что в этом есть смысл?

Я с удовольствием смотрю, как он, смутившись, заливается румянцем. Наверно, папа прав: я становлюсь злоюкой.

— Да, я думаю, смысл есть, — отвечает Адам.

— Тогда я тебя прощаю.

Я протягиваю ладонь, и мы жмем друг другу руки. У Адама теплые пальцы.

Возвращается перепачканный грязью Кэл с лопатой в руке. Он похож на чокнутого малолетнего могильщика.

— Яма готова, — сообщает он.

Адам помогает ему закатить грача на лопату. Тельце окоченело и кажется тяжелым. Сзади на шее виднеется глубокая красная рана. Адам и Кэл, подхватит лопату с двух сторон, несут грача к клумбе; его головка болтается, как у пьяного. Кэл разговаривает с ним.

— Бедная птичка, — говорит он. — Покойся с миром.

Я заворачиваюсь в плед и иду за ними через лужайку, чтобы посмотреть, как они будут закапывать грача. Один его глаз приоткрыт. Он смотрит умиротворенно, даже благодарно. Перья кажутся темными.

— Наверно, надо что-то сказать? — спрашивает Кэл.

— Быть может, «прощай, птица»? — предлагаю я.

Он кивает:

— Прощай, птица. Спасибо, что ты была. Пусть земля тебе будет пухом.

Он засыпает грача землей, оставив торчать голову, словно предполагая, что птица захочет бросить на нас прощальный взгляд.

— А как же черви? — спрашивает Кэл.

— А что черви?

— Они там не задохнутся?

— Оставь им дырочку, — говорю я.

Похоже, Кэла устраивает мое предложение; он засыпает голову птицы землей, прихлопывает лопатой и палкой протыкает в земле дырку для червей.

— Тесс, принеси камней, мы украсим могилку.

Я послушно иду на поиски. Адам остается с Кэлом и рассказывает, что грачи очень общительны, наверняка у этого грача было много друзей, и они будут благодарны Кэлу за заботу о покойном товарище.

Похоже, Адам пытается произвести на меня впечатление.

Я вижу два белых, почти абсолютно круглых камня. А вот раковина улитки и красный лист. Мягкое серое перышко. Я собираю их в ладонь. Они так красивы, что я прислоняюсь к сараю и закрываю глаза.

И напрасно. Кажется, будто я проваливаюсь в темноту.

На лице у меня земля. Я окоченела. Вокруг копошатся черви. Ползают термиты и мокрицы.

Я пытаюсь думать о хорошем, но ужасно трудно избавиться от навязчивых мыслей. Я открываю глаза и утыкаюсь взглядом в узловатые ветви яблони. Дрожит серебром паутина. Мои теплые пальцы сжимают камни.

Но все теплое со временем остынет. Отвалятся мои уши, растают глаза. Сожмутся челюсти. Губы превратятся в клей.

Подходит Адам.

— Что с тобой? — спрашивает Адам.

Я сосредоточенно дышу. Вдох. Выдох. Но если думать о том, как дышишь, начинаешь задыхаться. Мои легкие высохнут, как бумажный веер. Выдох. Выдох.

Адам трогает меня за плечо:

— Тесса?

Ни вкуса, ни запаха, ни осязания, ни звука. Не на что смотреть. Навеки — абсолютная пустота. Подбегает Кэл:

— Что случилось?

— Ничего.

— У тебя странный вид.

— Я наклонилась, и у меня закружилась голова.

— Позвать папу?

— Не надо.

— Уверена?

— Кэл, доделывай могилу. Со мной все будет хорошо.

Я отдаю ему то, что нашла, и Кэл убегает. Адам остается со мной.

Низко над забором пролетает черный дрозд. Небо испещрено розовыми и серыми пятнами. Дышать. Вдох. Вдох.

— Что с тобой? — спрашивает Адам.

Как я ему объясню?

Он протягивает руку и проводит по моей спине. Я не понимаю, что это значит. Ладонь у него жесткая; Адам легонько поглаживает меня кругами. Мы решили, что будем дружить. Разве друзья так поступают?

Его тепло проникает сквозь плед, куртку, свитер, футболку. Сквозь кожу. Оно обжигает меня, и трудно собраться мыслями. Все мое тело обращается в чувство.

— Прекрати.

— Что?

Я отстраняюсь:

— Уходи, ладно?

Повисает пауза. Ее можно расслышать — кажется, будто разбилось что-то очень маленькое.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Да. И не возвращайся.

Он пересекает лужайку, прощается с Кэлом и вылезает в дыру в заборе. Кажется, будто Адам и не приходил, и лишь цветы у стула напоминают, что это не так. Я поднимаю их. Оранжевый головки кивают мне, когда я передаю букет Кэлу:

— Это птице.

— Круто!

Он кладет цветы на мокрую землю, и мы стоим бок о бок, опустив взгляд на могилу.

Двадцать

Папа все никак меня не хватится. Лучше бы ему поторопиться, потому что у меня свело левую ногу и нужно подвигаться, чтобы не заработать гангрену или чего похуже. Я неуклюже сажусь на корточки, стягиваю с верхней полки свитер и стелю его на ботинки и туфли, чтобы было куда вытянуть ноги. Дверь шкафа, скрипнув, чуть приоткрывается. От неожиданности звук кажется оглушительным. Потом все стихает.

— Тесс? — Дверь спальни отворяется, и на цыпочках входит папа. — Мама приехала. Ты разве не слышала, как я тебя звал?

Сквозь щелку в двери шкафа я вижу, как изумляется папа, обнаружив, что бугорок на моей кровати — всего лишь одеяло. Приподняв краешек, папа заглядывает под одеяло, словно с тех пор, как мы виделись за завтраком, я усохла до лилипутки.

— Черт! — восклицает он и проводит рукой по лицу, словно не может понять, что произошло, потом подходит к окну и выглядывает в сад. На подоконнике рядом с папой стоит зеленое стеклянное яблоко. Мне его подарили, когда я была подружкой невесты на свадьбе двоюродной сестры. Мне тогда было двенадцать лет, и я только-только узнала свой диагноз. Помню, гости уверяли меня, будто со своей лысой головой, обвязанной платком с цветочным узором, я выгляжу прекрасно, — притом что остальные девушки вплели в волосы живые цветы.

Папа берет с подоконника яблоко и разглядывает его на свет. Внутри виднеются кремовые и коричневые завитки, похожие на сердцевинку настоящего яблока — эфемерные зернышки, занесенные стеклодувом. Папа медленно вертит яблоко в руке. Я частенько смотрела на мир сквозь это зеленое стекло: он кажется крошечным и тихим.

Мне не нравится, что папа без спросу берет мои вещи. Лучше бы он занялся Кэлом, который что-то кричит про антенну, прикрепленную к телевизору. Или спустился и признался маме: он попросил ее приехать только потому, что хочет, чтобы она вернулась. Муштровать и наказывать не в ее правилах, так что вряд ли папе нужен ее совет.

Он ставит яблоко на подоконник, подходит к книжному шкафу и проводит пальцем по корешкам книг, как по клавишам пианино, словно ожидая услышать мелодию. Запрокинув голову, папа разглядывает стойку с дисками, вынимает один, читает надписи на обложке и ставит на место.

— Пап! — кричит снизу Кэл. — Изображение расплывается, и мама ничего не может сделать!

Папа вздыхает, идет к двери, но по пути, не удержавшись, поправляет одеяло. Останавливается и изучает надписи на стене — все, о чем я буду скучать, о чем мечтаю. Папа качает головой, наклоняется, поднимает с пола футболку, складывает и оставляет на подушке. Тут он замечает, что ящик тумбочки чуть-чуть приоткрыт. Кэл все ближе.

— Я пропущу передачу!

— Кэл, иди вниз, я сейчас вернусь.

Но папа не трогается с места. Он сидит на краешке моей кровати и одним пальцем выдвигает ящик. Внутри — мой многостраничный список. Мысли о том, что я успела попробовать — ага, секс, наркотики, правонарушения, — и планы на будущее. Папа с ума сойдет, если прочитает пункт пять — что я задумала сделать сегодня. Слышен шелест бумаги, щелчок резинки. Очень громкий. Я рывком сажусь, чтобы выпрыгнуть из шкафа и повалить папу на пол, но меня выручает Кэл: он открывает дверь спальни. Папа запикивает бумаги обратно в тумбочку и захлопывает ящик.

— Могу я побыть один? — возмущается он. — Хотя бы пять минут?

— Ты рылся в вещах Тессы?

— Твое какое дело?

— Я ей все расскажу!

— Ради бога, отвяжись! — Папа с топотом спускается по ступенькам. Кэл идет за ним.

Я выползаю из шкафа и растираю затекшие ноги; кровь еле движется в колене, и я не чувствую ступни. Я ковыляю к кровати, плюхаюсь на одеяло, и тут заходит Кэл.

Он удивленно смотрит на меня:

— Папа сказал, тебя здесь нет.

— Меня здесь нет.

— Нет, ты здесь!

— Говори тише. Где он?

Кэл пожимает плечами:

— С мамой на кухне. Ненавижу его. Он обозвал меня засранцем, а потом выругался матом.

— Они говорят обо мне?

— Ага. И не дают мне посмотреть телек!

Мы крадемся вниз по лестнице и выглядываем из-за перил. Папа восседает на табурете посреди кухни. Он неуклюже роется в карманах брюк-ищет зажигалку и сигареты. Мама стоит, прислонившись спиной к холодильнику, и наблюдает за папой.

— Ты снова начал курить? — спрашивает она. На маме джинсы; волосы собраны на затылке, и отдельные пряди свисают на лицо. Мама протягивает отцу блюдо и в эту минуту выглядит очень молодо и привлекательно.

Папа закуривает и выдыхает дым.

— Извини. Ты, наверно, думаешь, что я вызвал тебя сюда под надуманным предлогом. — Папа смущается; кажется, он не знает, что сказать. — Просто мне казалось, что у тебя получилось ее вразумить.

— Как ты думаешь, куда она отправилась на этот раз?

— Насколько я знаю Тесс, наверно, она уже едет в аэропорт!

Мама хихикает, и почему-то кажется, что она все воспринимает живее, чем папа. Он угрюмо ухмыляется ей с табурета, проводит рукой по волосам:

— Я устал как собака.

— Я вижу.

— Правила все время меняются. То она никого к себе не подпускает, то просит, чтобы ее часами обнимали. Иногда целыми днями не выходит из дома, а потом неожиданно исчезает. А от этого ее списка у меня голова кругом.

— Ты же знаешь, — говорит мама, — единственное, чем здесь можно помочь, — это вылечить ее, но это невозможно.

Папа пристально смотрит на нее:

— Не знаю, сколько я еще выдержу в одиночку. Иногда утром у меня нет сил открыть глаза.

Кэл толкает меня локтем.

— Хочешь, я в него плюну? — шепчет он.

— Давай. Прямо в чашку.

Кэл набирает слюны и харкает. Но плевок получается никудышный. Он едва долетает до двери; почти вся слюна попадает Кэлу на подбородок и на ковер в коридоре.

Я закатываю глаза и знаком показываю, чтобы он шел за мной. Мы поднимаемся ко мне в комнату.

— Сядь на пол у двери, — приказываю я, — закрой лицо руками и никого не впускай.

— Ты что собираешься делать?

— Одеться.

— А потом?

Я снимаю пижаму, натягиваю свои лучшие трусики и проскальзываю в шелковое платье, которое купила, когда мы с Кэлом шли по магазинам. Я растираю ступню, которую прокалывают сотни иголок, и надеваю туфли с ремешком.

— Хочешь, покажу Мегазорда? — предлагает Кэл. — Только пойдем ко мне, потом что он защищает город и, если я его заберу, все погибнут.

Я снимаю со спинки стула пальто:

— Вообще-то я немного тороплюсь.

Кэл глядит на меня сквозь пальцы:

— Это твое платье для приключений!

— Ага.

Кэл поднимается на ноги, загородив дверь:

— Можно с тобой?

— Нет.

— Ну пожалуйста. Мне здесь так надоело.

— Нет.

Телефон я оставляю дома, потому что по нему можно вычислить, где я нахожусь. Бумаги из ящика засовываю в карман пальто. Потом где-нибудь выброшу в урну. Видишь, папа, как предметы исчезают у тебя из-под носа?

Перед тем, как отправить Кэла вниз, я от него откупаюсь. Он прекрасно понимает, столько всяких штук для фокусов можно купить на десятку, и знает: если он хоть пикнет о том, что я была здесь, я вычеркну его из завещания.

Я жду, пока Кэл не спустился на кухню, и, услышав, что он там, медленно следую за ним. На площадке между этажами я замираю, чтобы перевести дух, и оглядываю лужайку перед домом, провожу пальцем по стене, вокруг стойки перил, улыбаюсь фотографиям наверху.

На кухне Кэл садится на корточки перед родителями и пристально смотрит на них.

— Ты что-то хотел? — интересуется папа.

— Я хочу послушать.

— Извини, это взрослый разговор.

— Тогда я хочу поесть.

— Ты только что умял полпачки печенья.

— У меня есть жвачка, — вмешивается мама. — Хочешь? — Отыскав в кармане кофты жвачку, мама протягивает ее Кэлу.

Кэл запихивает резинку в рот, сосредоточенно жует, а потом спрашивает:

— А когда Тесса умрет, мы поедем отдыхать?

Папа сверлит Кэла сердитым и вместе с тем растерянным взглядом:

— Разве можно говорить такие гадости!

— Я даже не помню, как мы ездили в Испанию. Я всего разик летал на самолете, и это было так давно, что будто и не было.

— Хватит! — перебивает его папа и хочет встать, но мама его останавливает.

— Успокойся, — говорит она и оборачивается к Кэлу. — Тесса так давно болеет, что, наверно, тебе бывает ужасно одиноко.

Кэл ухмыляется:

— Ага. Иногда утром у меня нет сил открыть глаза.

Двадцать один

Зои открывает мне дверь. На ней та же одежда, что в нашу последнюю встречу; волосы разлохмачены.

— Поехали на море? — Я бренчу у нее перед носом ключами.

Она бросает взгляд на папину машину за моей спиной:

— Ты приехала одна?

— Конечно.

— Но ты не умеешь водить!

— Теперь умею. Пункт пятый из списка.

Зои хмурится:

— Ты когда-нибудь училась водить?

— В каком-то смысле. Можно войти?

Она распахивает дверь:

— Вытри ноги или сними туфли.

В доме ее родителей всегда невероятно чисто, как на картинке из каталога. Они так много работают, что наверно, им некогда устраивать беспорядок. Я прохожу за Зои в гостиную и устраиваюсь на диване. Она присаживается на край кресла напротив меня и, скрестив руки на груди, спрашивает:

— Значит, папа дал тебе свою машину? Хотя ты не застрахована и это противопоказано?

— Вообще-то он не знает, что я взяла машину, но я отлично вожу! Вот увидишь. Я бы сдала экзамен, но возраст не подошел.

Зои качает головой, словно не может поверить в то, что я такая дура. А ведь она должна бы мной гордиться. Я улизнула так, что папа даже не заметил. Я отрегулировала зеркала, прежде чем завести мотор, потом выжала сцепление, включила первую скорость, отпустила сцепление и нажала на газ. Я три раза объехала вокруг квартала и всего два раза заглохла; для меня это рекорд. Я благополучно миновала кольцевую развязку, а на шоссе, ведущему к дому Зои, даже перешла на третью скорость. А она уставилась на меня, словно все это ужасная ошибка.

— Знаешь что, — заявляю я, поднимаясь и застегивая куртку, — я полагала, что если доберусь до твоего дома без происшествий, то самое трудное будет проехать по автомагистрали. Я и подумать не могла, что ты окажешься такой занудой.

Зои шаркает ногами, как будто стирает что-то с пола.

— Извини. Просто я немного занята.

— Чем?

Она пожимает плечами:

— Если у тебя нет никаких дел, это не значит, что и у других их нет.

Я смотрю на Зои с нарастающим раздражением и вдруг понимаю, что терпеть ее не могу.

— Знаешь что, — бросаю я. — Забудь. Я сама справлюсь со списком.

Она поднимается, встряхивает своими дурацкими волосами и напускает на себя обиженный вид. С парнями это срабатывает, но со мной такой номер не пройдет.

— Я же не отказываюсь ехать!

Но я ясно вижу, что надоела ей. Зои мечтает, чтобы я поскорее умерла и дала ей жить спокойно.

— Нет-нет, оставайся дома, — говорю я. — Вечно ты все испортишь!

Она выходит за мной в прихожую:

— Неправда!

Я поворачиваюсь к ней:

— Я хотела сказать, для меня. Ты разве не замечала, что если случается какая-то гадость, то непременно со мной, а не с тобой?

Она хмурится:

— Когда? Когда такое было?

— Все время. Иногда мне кажется, ты со мной дружишь только затем, чтобы всегда выходить сухой из воды.

— О боже! — восклицает она. — Ты можешь хоть на минуту забыть о себе?

— Заткнись! — обрываю я. И это так приятно, что я повторяю еще раз.

— Сама заткнись, — еле слышно отвечает Зои. Странно. Она отходит на шаг, останавливается, как будто хочет что-то сказать, а потом, передумав, взбегает по лестнице.

Я не иду за ней. Какое-то время жду в прихожей, утопая ногами в густом ворсе ковра. Слушаю, как тикают часы. Досчитав до шестидесяти, иду в гостиную и включаю телевизор. Семь минут смотрю передачу для садоводов-любителей. Оказывается, на солнечном участке, расположенном с южной стороны, можно выращивать абрикосы — даже в Англии. Интересно, знает ли об этом Адам? Но потом мне надоедает слушать, как идиот ведущий бубнит про тлю и красных паутинных клещей; я выключаю телевизор и пишу Зои эсэмэску: «ИЗВИНИ».

Я смотрю в окно, на месте ли машина. На месте. Пасмурное небо затянуто низкими тучами сернистого цвета. Я никогда не водила в дождь и немного волнуюсь. Вот бы сейчас был октябрь. Тогда было тепло, словно природа забыла, что настала осень. Помню, как я смотрела на листья в окно больницы.

Зои отвечает: «И ТЫ МЕНЯ».

Она спускается в гостиную. На ней короткой бирюзовое платье; руку обхватывает множество браслетов. Они позвякивают, когда Зои подходит и обнимает меня. От нее приятно пахнет. Я кладу голову ей на плечо, и она целует меня в макушку.

Я завожу машину, и двигатель моментально глохнет; Зои смеется. Я пытаюсь снова, мы рывками выезжаем на шоссе, и я признаюсь ей, что папа пять раз учил меня водить, но у меня ничего не выходило. Нога не слушалась — не получалось носком плавно выжать сцепление, а потом надавить на педаль газа.

— Вот-вот! — кричал папа. — Чувствуешь, как пошло?

Но я ничего не чувствовала, даже если смотрела на ноги.

Мы оба выбивались из сил. Каждый следующий урок был короче предыдущего, а потом они и вовсе прекратились, и больше мы об этом не упоминали.

— Вряд ли он до обеда хватится машины, — замечаю я. — А если и хватится, то что он сделает? Ты же сама говорила: общие правила ко мне неприменимы.

— Ты настоящая героиня, — восхищается Зои. — Просто молодец!

И мы хохочем, как раньше. Я и забыла, до чего люблю смеяться с Зои. Она не критикует, как я вожу, — не то что папа. Она не пугается, когда я с трудом перехожу на третью скорость или, вырывая с ее подъездной дорожки, забываю включить левый поворотник. Под присмотром Зои у меня получается гораздо лучше.

— А ты неплохо водишь. Твой старик тебя все-таки кое-чему научил.

— Мне так нравится водить, — признаюсь я ей. — Было бы здорово отправиться на машине по Европе. Ты могла бы пропустить один год в колледже и поехать со мной.

— Не хочу, — отвечает Зои, берет карту и умолкает.

— Нам не нужна карта.

— Почему?

— Представь, что это приключение.

— Чушь собачья, — отрезает Зои и показывает пальцем в окно.

Впереди дорогу перегородила группа подростков на велосипедах. На головах у всех капюшоны; парни курят, пряча сигареты в ладони. Небо какого-то странного цвета; на улице, кроме нас, ни души. Я сбрасываю скорость.

— Что делать?

— Дай задний ход, — советует Зои. — Они с места не сдвинутся.

Я опускаю стекло.

— Эй! — кричу я. — С дороги!

Парни медленно, лениво съезжают на обочину и ухмыляются, когда я посылаю им воздушные поцелуи.

Зои бросает на меня ошеломленный взгляд:

— Какая муха тебя укусила?

— Никакая. Просто я еще не научилась давать задний ход.

На шоссе мы встаем в пробку. Я урывками наблюдаю в окно за жизнью других людей. На сиденье плачет малыш, мужчина барабанит пальцами по рулю. Женщина ковыряет в носу. Ребенок машет рукой.

— Интересно, правда? — замечаю я.

— Что?

— Есть мы с тобой, а есть они. Мы все такие разные и одинаково ничтожны.

— Говори за себя.

— Но это правда. Разве тебе никогда не приходит это в голову, когда ты смотришь в зеркало?

Неужели ты никогда не представляла себе свой череп?

— Вообще-то нет.

— Я не помню таблицу умножения на семь и восемь, терпеть не могу свеклу и сельдерей. Тебе не нравятся твои прыщи или ноги, но в конечном счете все это неважно.

— Заткнись, Тесса! Хватит молотить чепуху.

Я замолкаю, но думаю о том, что у меня изо рта пахнет мятной зубной пастой, а у Зои — куревом. Я неизлечимо больна. Ее родители не разошлись. Когда я утром встала с постели, простыни были влажными от пота. Сейчас я сижу за рулем. В зеркале отражается мое лицо, моя улыбка. А мои кости закопают или сожгут. Умру я, не Зои. И это впервые меня не пугает.

Мы молчим. Зои смотрит в окно, я веду машину. Мы выезжаем из города на шоссе. Небо темнеет. Так красиво.

Но Зои снова начинает ныть.

— Это худшая поездка за всю мою жизнь, — заявляет она. — Меня тошнит. Когда мы уже приедем?

— Я не обращаю внимания на указатели.

Она потрясенно смотрит на меня:

— Но почему? Я хочу куда-нибудь приехать.

Я вдавливаю педаль газа в пол:

— Как скажешь.

Зои взвизгивает и упирается руками в приборную доску:

— Тормози! Ты же едва научилась водить!

Тридцать. Тридцать пять. Насколько хватает силы в руках.

— Тормози. Я слышала гром!

На ветровое стекло падают капли дождя. Они так блестят, что очертания предметов расплываются, отражаясь в мокром стекле. Капли похожи на электрические разряды, а вовсе не

на воду.

Я считаю про себя, пока небо не разрезает молния.

— В километре от нас, — сообщаю я Зои.

— Сворачивай на обочину!

— Зачем?

Дождь с силой барабанит по крыше машины, а я не знаю, как включить дворники. Я нащупываю переключатель света, гудок, зажигание. Я забываю, что мы едем на четвертой скорости, и двигатель моментально глохнет.

— Только не здесь! — кричит Зои. — Мы же на шоссе! Тебе что, жить надоело?

Я перехожу обратно на нейтралку. Мне ничуть не страшно. По ветровому стеклу бегут струи воды; задние машины, объезжая нас, мигают и гудят. Я аккуратно поправляю зеркала, включаю зажигание, перехожу на первую скорость и трогаюсь с места. Переключаясь на вторую и третью скорость, я умудряюсь даже отыскать дворники.

Лицо Зои перекошено от страха.

— Ты сошла с ума. Пусти меня за руль!

— У тебя нет страховки.

— У тебя тоже!

Гроза грохочет сильнее; за ударом грома мгновенно следует молния. Все машины зажгли фары, хотя сейчас день. У меня никак не получается включить наши.

— Прошу тебя, — умоляет Зои. — Остановись!

— В машине безопасно. У машин резиновые шины.

— Тормози! — верещит Зои. — Мы в кого-нибудь врежемся. Ты разве не знаешь, что нужно держать дистанцию?

Нет. Зато я обнаружила пятую передачу, о существовании которой и не подозревала. Мы мчимся по шоссе, а в небе вспыхивают настоящие зигзаги молний. Я еще никогда не видела их так близко. Когда папа возил нас в Испанию, мы как-то раз наблюдали грозу над морем с балкона отеля. Но она выглядела ненатурально — казалось, ее устроили специально для туристов. Зато гроза, которая сейчас бушует прямо над нами, смотрится потрясающе.

Но Зои так не думает. Она вжалась в сиденье.

— Машины сделаны из металла! — визжит она. — В нас в любую минуту может ударить молния! Тормози!

Мне ее жаль, но она ничего не смыслит в молниях.

Зои тычет в окно трясущимся от страха пальцем:

— Смотри, там автосервис. Притормози, или я выпрыгну на ходу.

Мне хочется шоколада, и я решаю остановиться. Мы движемся довольно быстро, но я успеваю нажать на тормоз. Мы торжественно заворачиваем на заправку и останавливаемся посреди залитых флуоресцентным светом колонок. Зои закрывает глаза. Чудно, но мне бы хотелось ехать по шоссе и во все глаза смотреть на дорогу.

— Не знаю, что ты задумала, — шипит Зои, — но ты едва нас не угробила.

Она вылезает из машины, с силой захлопывает дверь и идет в магазин. Я подумываю, не уехать ли без нее, но не успеваю ничего решить, как Зои прибегает назад и открывает мою дверь. Теперь от нее пахнет иначе — свежестью и прохладой. Она убирает со щеки мокрую прядь.

— У меня нет денег. Мне нужно купить сигарет.

Я протягиваю ей свою сумку. Внезапно на меня накатывает чувство счастья.

— купишь мне шоколадку?

— Сначала я покурю, — отвечает Зои. — Потом схожу в туалет. А когда я вернусь, ты пустишь меня за руль.

Она хлопает дверью и шагает через заправку. Дождь все еще льет как из ведра, и Зои ежится и вздрагивает, когда гремит гром. Я никогда раньше не видела ее испуганной; меня охватывает любовь к Зои. Она не такая смелая, как я. Она просто не привыкла бояться. Весь мир может сотрясать от грохота, а я и бровью не поведу. Пусть прольется черный дождь, а из бардачка с гудением вылетит стая саранчи. Бедняга Зои. Я вижу, как она, ни о чем не подозревая, покупает в лавке сигареты и конфеты. Я пушу ее за руль, но только потому, что я сама так решила. Больше я не дам ей мной командовать. Я сильнее.

Двадцать два

Двадцать минут пятого. Море серое. Как и облака, хотя они чуть-чуть светлее и движутся не так быстро. При взгляде на море у меня кружится голова. Наверно, дело в вечном движении, остановить которое не под силу никому, как бы он этого ни хотел.

— Как-то здесь странно, — замечает Зои. — И как я только позволила себя уговорить?

Мы сидим на скамейке на набережной. Вокруг практически ни души. Вдали на песке собака лает на волны. Ее хозяин превратился в еле различимую точку на горизонте.

— Раньше мы каждое лето приезжали сюда на каникулы, — признаюсь я Зои. — Пока мама не ушла. Пока я не заболела. Мы останавливались в отеле «Скрещенные ключи». Утром мы вставали, завтракали и целый день проводили на пляже. И так каждый день все две недели.

— Безумно интересно, — произносит Зои, неуклюже опускается на скамью и зябко кутается в куртку.

— Мы даже не обедали в отеле. Папа делал бутерброды, а на сладкое мы покупали мусс. Папа выкладывал его в пластиковые судочки и заливал молоком. За криками чаек и плеском волн так странно было слышать звяканье вилок в судке.

Зои пристально смотрит на меня:

— Ты сегодня забыла принять какое-то важное лекарство?

— Нет! — Я хватаю ее за руку, тяну за собой. — Пойдем, я покажу тебе отель, где мы останавливались.

Мы идем по набережной. Песок на пляже усеян каракатицами. Они тяжелые и все в рубцах, словно каждый прилив швырял их друг на друга. Я шучу, что было бы здорово собрать их и обменять в зоомагазине на волнистых попугайчиков, но вообще-то зрелище диковатое. Не помню, чтобы, когда я бывала здесь раньше, мы видели что-то подобное.

— Может, такое случается осенью, — предполагает Зои. — Или виновато загрязнение окружающей среды. Планета бьется в агонии и умирает. Считай, тебе повезло, что ты отсюда смотаешься.

Потом Зои говорит, что хочет писать, спускается по лестнице на пляж и присаживается на корточки. Я глазам своим не верю. Вокруг никого, но обычно Зои беспокоится, как бы ее кто не увидел. Ее моча вымывает ямку в песке и утекает. Есть что-то первобытное в том, как она рывком поднимается и шагает ко мне.

Мы стоим бок о бок и любуемся морем. Оно обрушивается на берег и, белея пеной, отступает.

— Зои, я так рада, что ты моя подруга, — признаюсь я и крепко сжимаю ее руку.

Мы идем к порту. Я едва не рассказываю Зои про Адама, мотоцикл и о том, что случилось на холме, но мне трудно об этом говорить, да и не хочется. На меня нахлынули воспоминания. Здесь все знакомо: и сувенирная лавка с ведрами, лопатами и стойками открыток, выбеленные стены магазина мороженого и огромный розовый светящийся вафельный рожок на улице. Мне даже удастся отыскать дорожку у порта — короткий путь к отелю.

— Здесь все изменилось, — делюсь я с Зои. — Раньше все было больше.

— Но отель тот?

— Ага.

— Отлично. Теперь мы можем вернуться обратно?

Я открываю калитку и иду по дорожке.

— Хочу спросить, не позволят ли мне взглянуть на комнату, в которой мы останавливались.

— О боже! — ворчит Зои и прислоняется к стене, настраиваясь на ожидание.

Дверь открывает женщина средних лет. Она полная и добродушная; на ней фартук. Я ее не помню.

— Да?

Я рассказываю ей, что в детстве приезжала сюда каждое лето на две недели; мы снимали семейный номер.

— Вы хотите снять комнату? — спрашивает женщина.

Мне это в голову не приходило, но я внезапно понимаю, что безумно этого хочу.

— А можно ту же самую?

Сзади по тропинке подходит Зои, хватая меня за руку и разворачивает к себе:

— Что ты вытворяешь?

— Снимаю комнату.

— Я не могу тут остаться, мне завтра нужно в колледж.

— Тебе вечно нужно в колледж, — отмахиваюсь я. — И у тебя еще много дней впереди.

Кажется, это прозвучало очень убедительно и, похоже, заткнуло Зои рот. Она садится, прислоняется к стене и смотрит в небо.

Я поворачиваюсь к женщине.

— Извините, — говорю я.

Она мне нравится. Она ничуть не подозрительна. Наверно, я сегодня выгляжу на все пятьдесят и хозяйка решила, что Зои — моя несносная дочка-подросток.

— Там теперь стоит кровать с балдахином, — рассказывает женщина, — ванна и туалет по-прежнему в номере.

— Отлично. Мы его снимем.

Мы поднимаемся за ней по лестнице. Огромная задница хозяйки покачивается из стороны в сторону. Я представляю себе, что было бы, если бы эта женщина была моей матерью.

— Вот, пожалуйста, — произносит она, открывая дверь, — мы все полностью переделали. Наверно, вам покажется, что теперь комната выглядит по-другому.

Так оно и есть. Кровать под бархатным балдахином занимает почти всю комнату. Она высокая и старомодная.

— У нас частенько останавливаются новобрачные, — поясняет женщина.

— С ума сойти! — ворчит Зои.

Так странно снова очутиться в солнечной комнате, где я просыпалась каждое лето. Двухъярусных кроватей больше нет — вместо них стоит столик с чайником и чашками. Но арочное окно выглядит как раньше, и вдоль стены вытянулся все тот же гардероб.

— Располагайтесь, — говорит хозяйка.

Зои сбрасывает туфли и залезает на кровать.

— Этот номер стоит семьдесят фунтов! — замечает она. — У тебя хотя бы есть деньги?

— Мне просто хотелось взглянуть.

— Ты с ума сошла?

Я забираюсь рядом с ней на кровать:

— Нет, хотя то, что я хочу сказать, может показаться глупостью.

Зои приподнимается на локте и бросает на меня подозрительный взгляд:

— Ну, давай рассказывай.

И я рассказываю ей о том лете, когда мы приехали сюда в последний раз. Мама с папой ссорились чаще обычного. Я рассказываю, как однажды мама отказалась завтракать, заявив, что видеть не может сосиски с консервированными помидорами и дешевле было бы поехать в Бенидорм.

— Поезжай, — ответил папа. — Как доберешься, пошли нам открытку.

Мама взяла меня за руку, и мы поднялись в номер.

— Давай спрячемся от них, — предложила она. — Правда будет здорово?

Я была счастлива. Она оставила Кэла с папой. И выбрала меня.

Мы спрятались в шкафу.

— Здесь нас никто не найдет, — пояснила мама.

Так и вышло. Хотя едва ли нас вообще кто-то искал. Мы просидели в шкафу целую вечность.

Наконец мама вылезла, взяла из сумки ручку, вернулась и аккуратно написала свое имя на двери шкафа изнутри. Потом протянула ручку мне, и я написала рядом свое.

— Вот, — произнесла мама, — даже если никогда не вернемся, мы останемся здесь навсегда.

Зои с недоумением смотрит на меня:

— И это все? Конец?

— Да.

— Вы с мамой написали имена в шкафу и мы тащились за сорок миль, чтобы ты мне об этом рассказала?

— Зои, каждые несколько лет мы исчезаем. Наши клетки обновляются. С тех пор, как мы жили в этой комнате, от меня прежней ничего не осталось. Когда я писала здесь свое имя, я была другой. Здоровой.

Зои садится на кровати. Она в ярости.

— И ты решила, что если надписи на месте, ты выздоровеешь как по волшебству? А если их нет, тогда что? Ты разве не слышала, что сказала хозяйка: они сделали ремонт.

Мне не нравится, что Зои на меня кричит.

— Ты не могла бы заглянуть в шкаф и проверить?

— Нет. Ты заставила меня сюда приехать, хотя мне этого совсем не хотелось. Мне и так фигово, а тут еще ты со своим дурацким шкафом! С тобой чокнуться можно.

— С чего ты так разозлилась?

Она слезает с кровати:

— Я уйду. У меня голова кругом от того, что ты все время ищешь знаки. — Она поднимает с пола куртку и распахивает дверь. — Ты все время говоришь только о себе, как будто ты единственный человек на планете, у кого есть проблемы. Мы все в одном положении. Рождаемся, едим, срем, умираем. Вот так!

От ее крика я растерялась:

— Что с тобой?

— А с тобой что? — вопит Зои.

— Со мной ничего — кроме очевидного.

— Тогда и со мной тоже.

— Неправда. Посмотри на себя.

— Посмотрела, и что? Как я выгляжу?

— Ты грустная.

Зои застывает у двери:

— Грустная?

Зловещая тишина. Я замечаю, что обои за плечом Зои чуть-чуть порваны. Я вижу отпечатки пальцев на выключателе. Где-то внизу открывается и закрывается дверь. Зои поворачивается ко мне, и я осознаю, что жизнь состоит из мгновений и каждое приближает нас к концу.

Наконец Зои утомленно и глухо признается:

— Я беременна.

— О боже!

— Я не хотела тебе говорить.

— Ты уверена?

Она опускается на стул у двери:

— Я прошла два теста.

— Ты ничего не напугала?

— Если второе окошечко окрашивается розовым и не меняет цвет, значит, ты беременна. Я проверила дважды.

— О боже!

— Ну что ты заладила?

— А Скотт знает?

Она кивает:

— В тот день я не нашла его в супермаркете, все выходные он не отвечал на мои звонки, так что вчера я пришла к нему домой и все рассказала. Он меня ненавидит. Видела бы ты его лицо.

— А что?

— У него на лице читалось, что я идиотка. Что он не понимает, как я могла быть такой дурой. У него уже другая. Те девицы были правы.

Мне хочется подойти и погладить Зою по плечу, по жесткой ссутуленной спине. Но я сдерживаюсь. Едва ли Зою это понравится.

— Что ты будешь делать?

Она пожимает плечами, и я вижу, как она напугана. Она похожа на двенадцатилетнюю девочку. На ребенка в лодке, который плывет к бескрайнему морю без пищи и компаса.

— Рожай.

— Это даже не смешно.

— Я и не думала шутить. Рожай. Почему бы и нет?

— Я не хочу рожать из-за тебя!

Могу поклясться, эта мысль уже не раз приходила ей в голову.

— Тогда избавься от него.

Зою издаст еле слышный стон, откидывает голову на стену и в отчаянии поднимает глаза на потолок.

— Я на четвертом месяце, — признается она. — Тебе не кажется, что слишком поздно? Неужели ты думаешь, что мне разрешат сделать аборт? — Зою вытирает рукавом выступившие слезы. — Я идиотка! Как я умудрилась свалить такого дурака? Мама вот-вот догадается. Надо было тут же пойти в аптеку и купить противозачаточную таблетку, которую пьют не «до», а «после». И зачем я только встретила Скотта!

Я не знаю, что ей сказать. Не знаю даже, услышит ли она меня, если я найду какие-то слова. Зою сидит на стуле у двери, но кажется, будто она за сотни миль от меня.

— Я просто хочу, чтобы ничего не было, — сокрушается Зою и переводит взгляд на меня. — Ты меня ненавидишь?

— Нет.

— А если я избавлюсь от ребенка, ты меня будешь ненавидеть?

Наверно.

— Я заварю чай, — отвечаю я.

На блюде лежат песочное печенье, пакетики с сахаром и молоком. Комната и правда очень уютная, пока чайник вскипит, я смотрю в окно. Двое мальчишек играют на набережной в футбол. Идет дождь, и мальчики подняли капюшоны. Не представляю, как они ухитряются различить мяч. Мы с Зою только что были там, на ледяном ветру. Я держала Зою за руку.

— Из порта корабли каждый день отправляются в круиз, — сообщаю я Зою. — Может, они

плывут в дальние теплые края.

— Я лягу поспать, — отвечает Зои. — Разбуди меня, когда закончишь.

Но она не поднимается со стула и не закрывает глаза.

Мимо окна проходит семья. Папа толкает перед собой коляску; девчушка в розовом блестящем плащике крепко держится за мамину руку под дождем. Девочка промокла и, наверно, замерзла, но она знает, что скоро вернется домой, обсохнет и согреется. Выпьет теплое молоко. Посмотрит детскую передачу. Наверно, съест печенье и пораньше отправится спать.

Интересно, как ее зовут? Розы? Эмбер? Мне кажется, в ее имени должен быть цвет. Скарлет?

Я не собиралась этого делать. Даже и не думала. Просто пересекла комнату, подошла к шкафу и открыла дверь. Нечаянно задела вешалки, и они забренчали. В нос мне ударил запах сырой древесины.

— Они там? — интересуется Зои.

Дверь изнутри ослепительно белая. Они все перекрасили. Я ковыряю краску, но она не отходит. Она такая яркая, что отражение комнаты дрожит по краям. Каждые несколько лет мы исчезаем.

Зои вздыхает и откидывается на спинку стула:

— Тебе не стоило смотреть.

Я закрываю дверь гардероба и возвращаюсь к чайнику.

Заливая кипятком пакетики с чаем, я считаю в уме. Зои на четвертом месяце. Плод развивается девять месяцев. Ребенок родится в мае, как и я. Люблю этот месяц. В мае два праздника. Цветет вишня. Колокольчики. Стригут газоны. Запах свежескошенной молодой травы навеивает дремоту.

До мая сто пятьдесят четыре дня.

Двадцать три

Из глубины темного сада к нам подбегает Кэл.

— Еще, — требует он, протягивая руку.

Мама открывает стоящую у нее на коленях коробку с фейерверками, заглядывает внутрь, словно выбирая шоколадку, осторожно вынимает петарду и, прежде чем отдать Кэлу, читает, что написано на этикетке.

— «Заколдованный сад», — сообщает она ему.

Зажав в руке петарду, Кэл бегом возвращается к папе. Голенища его резиновых сапог шлепают друг об друга. Лунный свет просачивается сквозь крону яблони и брызгами разлетается по траве.

Мы с мамой принесли из кухни стулья и сидим рядышком у задней двери. Холодно. Из рта идет пар. Настала зима, от земли тянет сыростью, словно жизнь замерзла и все в природе затаилось, чтобы сберечь силы.

— Знаешь, как страшно, когда ты уходишь, не сказав никому, куда собралась? — спрашивает мама.

Я фыркаю. Мама и сама большая мастерица исчезать. Она с удивлением смотрит на меня, очевидно недоумевая, чему я смеюсь.

— Папа сказал, что вернувшись, ты спала два дня напролет.

— Я устала.

— Он с ума сходил от страха.

— А ты?

— И я.

— «Волшебный сад»! — объявляет папа.

Неожиданно раздается треск, и в воздухе распускаются огненные цветы, растут, падают и увядают в траве.

— Ах, какая красота! — восхищается мама.

— Скучища, — кричит в ответ Кэл, вприпрыжку подбегая к нам.

Мама снова открывает коробку:

— Хочешь ракету? Может, она окажется лучше?

— Ракета — это здорово! — Кэл ликующе обегает сад и отдает ракету папе. Вместе они втыкают палку в землю. Я думаю о птице, о кролике Кэла. О всех живых существах, умерших в нашем саду; теперь их скелеты теснятся под землей.

— Почему ты решила поехать именно на море? — интересуется мама.

— Просто захотелось.

— А почему на папиной машине?

Я пожимаю плечами:

— Вождение было в списке.

— Видишь ли, — начинает мама, — ты не можешь все время делать то, что тебе захочется. Нужно думать и о других. О тех, кто тебя любит.

— О ком?

— О тех, кто тебя любит.

— Сейчас рванет, — предупреждает папа. — Зажмите уши, дамы.

Ракета разрывается с оглушительным грохотом, который отдается где-то внутри. Звуковая волна разливается по жилам, пульсирует в мозгу.

Мама никогда не говорила, что любит меня. Ни разу в жизни. И наверно, уже не скажет. Сейчас это вышло бы слишком наигранно, слишком жалостливо. Нам обеим стало бы неловко. Иногда я представляю себе, что происходило между нами, когда я еще лежала, свернувшись, у нее в животе. Но задумываюсь я об этом нечасто.

Мама неловко ерзает на стуле.

— Тесса, ты никого не собираешься убить? — она старается, чтобы ее вопрос прозвучал непринужденно, но, кажется, она и в самом деле беспокоится.

— Конечно, нет!

— Хорошо. — На ее лице написано неподдельное облегчение. — И что там дальше в твоём списке?

Я удивляюсь.

— Ты правда хочешь знать?

— Правда.

— Ладно. Следующей идет слава.

Мама испуганно качает головой, но подбежавшего за следующим фейерверком Кэла мои слова развеселили.

— Попробуй засунуть в рот как можно больше соломинок для питья, — советует он. — Мировой рекорд — двести пятьдесят восемь.

— Я подумаю об этом, — обещаю я ему.

— Или сделай татуировки по всему телу. Будешь пятнистая, как леопард. А еще мы можем прокатить тебя по шоссе на кровати.

Мама внимательно смотрит на Кэла.

— Каскад из двадцати одного заряда, — говорит она. Мы считаем выстрелы. Петарды взрываются с мягким шипением, разлетаются гроздьями звезд и медленно опадают. Интересно, станет ли к утру трава зеленовато-желтой, багряной и цвета морской волны? Утоляя Кэлову жажду деятельности, за петардой следует комета. Папа поджигает фитиль, и комета со свистом проносится над крышей, оставляя за собой сверкающий хвост. Мама купила дымовые шашки. Они стоят по три пятьдесят за штуку, и это производит на Кэла сильное впечатление. Он выкрикивает цену папе.

— Бессмысленная трата денег, — кричит в ответ папа. Мама пихает его двумя пальцами в бок, и папа смеется с такой нежностью, что она вздрагивает.

— Мне продали две по цене одной, — поясняет она мне. — Потому что ты болеешь и у нас ночь фейерверков в декабре.

Шашки заволакивают сад зеленым дымом. Не видно ни зги. Кажется, будто вот-вот должны появиться гоблины. Из глубины сада прибегают папа с Кэлом. Они смеются и захлеб рассказывают:

— Ну и дымовуха! — кричит папа. — Как в Бейруте!

Мама улыбается и протягивает ему огненное колесо.

— Зажгите его. Это мой любимый фейерверк.

Папа берет молоток, мама поднимается и, пока папа забивает гвоздь, держит столб забора. Родители смеются.

— Не попади мне по пальцам, — говорит мама, толкнув папу локтем.

— Еще раз толкнешь — попаду!

Кэл садится на мамин стул и открывает пачку бенгальских огней.

— Спорим, я прославлюсь раньше тебя, — заявляет он.

— А вот и нет.

— Я стану самым молодым членом «Магического круга».

— Кажется, они сами выбирают, кого принимать.

— Они меня непременно примут! У меня талант. А ты что можешь? Даже петь не умеешь.

— Эй, — окликает нас папа, — о чем это вы?

Мама вздыхает.

— Наши дети мечтают прославиться.

— Неужели?

— Слава — следующий пункт в списке Тессы.

У папы на лице написано, что он этого не ожидал. Опустив руку с молотком, он поворачивается ко мне.

— Слава?

— Ага.

— Но как?

— Я еще не решила.

— Я думал, со списком покончено.

— Нет.

— После машины и того, что произошло...

— Нет, папа, еще не все.

Раньше я считала, что папа может все. Что он всегда меня спасет. Но это не в его силах, ведь он обычный человек. Мама обнимает его, и папа прижимается к ней.

Я смотрю на них во все глаза. Моя мать. Мой отец. Его лицо в тени; свет окрашивает кончики ее волос. Я замираю. Как и сидящий рядом со мной Кэл.

— Ого! — шепчет он.

Я и не думала, что будет так больно.

На кухне я ополаскиваю рот над раковиной и сплевываю. Слюна кажется склизкой и так медленно стекает в слив, что я смываю ее водой из-под крана. Раковина холодит кожу.

Я выключаю свет и наблюдаю в окно за своей семьей. Они вместе стоят на лужайке и перебирают оставшиеся фейерверки. Папа по очереди поднимает каждую петарду и освещает фонариком. Наконец они выбирают фейерверк, закрывают коробку и уходят в сад.

Допустим, я умру. И ничего больше не будет. Остальные будут жить, как жили, в своем собственном мире — обниматься, гулять. А я останусь в этой пустоте и буду беззвучно стучаться в разделяющее нас стекло.

Я выхожу на крыльцо, закрываю за собой дверь и сажусь на ступеньки. Шуршат кусты, словно какое-то ночное животное пытается спрятаться от меня, но я не пугаюсь, не двигаюсь с места. Когда глаза привыкают к темноте, я различаю забор и растущие вдоль него кусты. Ясно вижу улицу за калиткой; свет от фонарей испещряет тротуар, косо падает на чьи-то машины, отражается в слепых окнах соседних домов.

Я чувствую запах лука. Шашлыка. Если бы жизнь сложилась иначе, я бы сейчас тусовалась где-нибудь с Зои. Мы бы ели чипсы. Торчали на углу какой-нибудь улицы, облизывая соленые пальцы, и ждали, что вот-вот начнется веселье. Но я здесь. Уныло и безжизненно сижу на крыльце.

Я слышу Адама, когда он еще не показался. До меня доносится гортанный рев его мотоцикла. Вот он приближается; рокот мотора отдается долгим эхом, и кажется, будто деревья танцуют. Адам останавливается у своей калитки, выключает двигатель и фары. Снова наступает темнота и тишина. Адам расстегивает шлем, вешает его на руль и катит мотоцикл по дорожке.

Вообще-то я верю, что в жизни все происходит случайно. Если бы желания сбывались, мои кости не болели бы так, словно им тесно внутри. Глаза бы не заволакивала пелена, которую ничем не отогнать.

Но когда я смотрю, как Адам идет по дорожке, мне кажется, что выбор есть. Быть может, во вселенной царит хаос, но я могу кое-что изменить.

Я перешагиваю низкую стенку, разделяющую садики перед нашими домами. Адам привязывает мотоцикл к калитке сбоку дома и запирает замок. Он меня не видит. Я подхожу к нему сзади. Я энергична и полна решимости.

— Адам!

Он вздрагивает и оборачивается.

— Черт! Я принял тебя за привидение!

От него пахнет влажной шерстью, как от животного, которое ночью вышло на охоту. Я подхожу ближе.

— Что ты делаешь? — недоумевает он.

— Помнишь, мы решили, что будем друзьями?

Он смущается.

— Ага.

— Я не хочу.

Между нами остается пространство, и его скрывает темнота. Я подхожу еще на шаг; теперь мы так близко, что чувствуем дыхание друг друга. Мы дышим вместе. Вдох-выдох.

— Тесса, — предостерегающе произносит Адам, но мне все равно.

— Ничего плохого не случится.

— Но потом будет больно.

— Больно уже сейчас.

Он медленно кивает. Мне кажется, будто время провалилось в яму, все остановилось; мы смотрим друг на друга, и минута длится бесконечно. Когда Адам наклоняется ко мне, я чувствую, как меня пронизывает странное тепло. Я забываю о всех теснящихся в голове печальных физиономиях, которые вижу в каждом окне, мимо которого прохожу. Адам тянется ко мне, и я ощущаю лишь его теплое дыхание на моей коже. Наш поцелуй так нежен, что непонятно, поцелуй ли это. Как будто мы сами не знаем, что нам нужно. Мы едва касаемся друг друга губами.

Мы отстраняемся и смотрим друг на друга. Как описать словами взгляд, который он бросает на меня, а я на него? Нас пожирают глазами бесчисленные ночные твари. Находится то, что давно потерялось.

— Черт!

— Не бойся, — успокаиваю я, — я не сломаюсь.

И чтобы это доказать, я толкаю его на стену дома и прижимаюсь к Адаму. Нежности как не бывало. Мой язык у Адама во рту сплетается с его. Адам сжимает меня в объятиях. Его ладонь у меня на шее. Я таю под его рукой. Поглаживаю его по спине. Прижимаюсь еще сильнее, но мне этого мало. Я мечтаю забраться внутрь него. Жить в нем. Быть им. Наверно, все дело в языке. Я так хочу Адама. Я лижу его, слегка покусываю краешки губ.

Никогда не подозревала, что я могу так сильно чего-то хотеть.

Адам отстраняется.

— Черт, — выдыхает он. — Черт!

Он проводит рукой по волосам; они влажно лоснятся, словно темная звериная шерсть. Свет фонарей блестит в его глазах.

— Что происходит?

— Я тебя хочу, — отвечаю я.

Мое сердце глухо стучит. Я полна жизни.

Двадцать четыре

Напрасно Зои позвала меня с собой. Едва мы переступили порог, как я начала считать и никак не могу остановиться. Мы здесь уже семь минут. Через шесть минут у нее прием. Она забеременела девятью пять дней назад.

Я пытаюсь переключиться на случайные числа, но оказывается, каждое что-то значит. Восемь — общее количество одиночных окон в дальней стене. Один — не менее одинокая секретарша. Пятьсот фунтов — сумма, которая позволит Скотту избавиться от ребенка.

Зои нервно улыбается мне поверх журнала:

— В государственных больницах такого точно нет.

Еще бы. Кожаные кресла, низкий квадратный стол, заваленный глянцевыми журналами. В комнате так тепло, что мне пришлось снять пальто. Я думала, здесь будет полно несчастных брошенных девиц, сжимающих носовые платки, но в приемной мы одни. Зои собрала волосы в хвост и надела все те же мешковатые тренировочные штаны. Она бледна и выглядит устало.

— Знаешь, от каких симптомов я избавлюсь охотнее всего? — Она кладет журнал на колени и считает на пальцах. — Моя грудь похожа на какую-то карту — вся в голубых венах. Я чувствую тяжесть даже в пальцах. Меня постоянно тошнит. Не прекращая болит голова. И в глаза будто песку насыпали.

— А что-нибудь хорошее?

Она задумывается на минуту.

— Запах изменился. От меня очень приятно пахнет.

Я наклоняюсь над столом и нюхаю Зои. Она пахнет сигаретами, духами, жвачкой. И чем-то еще.

— Фертильна, — сообщаю я ей.

— Что?

— То есть готова к деторождению.

Она качает головой и смотрит на меня как на ненормальную:

— Это тебя твой дружок научил?

Я не отвечаю, и Зои утыкается в журнал. Двадцать две страницы последних технических новинок. Как написать красивую песню о любви. Возможен ли космический туризм?

— Однажды я видела фильм, — начинаю я, — про девушку, которая умерла. Когда она попала на небеса, ребенок ее сестры, родившийся мертвым, оказался уже там, и она присматривала за ним, пока они все не воссоединились.

Зои делает вид, что не слышала, и переворачивает страницу, будто прочитала ей.

— Со мной тоже может такое случиться.

— Едва ли.

— Твой ребенок такой крохотный, что я могу спрятать его в карман.

— Тесса, заткнись!

— Ты тогда выбирала для него одежду.

Зои откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Очертания губ становятся мягче, словно ее выключили из розетки.

— Я тебя очень прошу, — произносит Зои, — замолчи. Если ты меня осуждаешь, не надо было приходить.

Она права. Я поняла это прошлой ночью, мучаясь бессонницей. На другом конце коридора капал душ и что-то — таракан? паук? — пробежало по коврику в ванной.

Я встала с кровати и в халате спустилась в гостиную. Я собиралась выпить чашку шоколада и, может, посмотреть какую-нибудь ночную передачу. Но посреди кухни я обнаружила мышь, которая попала в одну из папиных тараканьих ловушек. К картонке не прилипла только ее задняя нога, и, загребая ею, точно веслом, мышь пыталась сбежать. Она билась в агонии. Я поняла, что придется ее добить, но не могла придумать, как сделать это безболезненно. Зарезать разделочным ножом? Ножницами? Проткнуть затылок карандашом? В голову лезли только кошмары.

Наконец я достала из шкафчика старую коробку из-под мороженого, наполнила водой, окунула в нее мышь и прижала деревянной ложкой. Мышь в изумлении уставилась на меня, пытаюсь вздохнуть. Один за другим на поверхность воды поднялись три маленьких пузырька воздуха.

Я пишу Зоиному ребенку эсэмэску: «ПРЯЧЬСЯ!»

— Это кому?

— Никому?

Она наклоняется над столом:

— Покажи.

Я удаляю сообщение и показываю пустой экран.

— Ты писала Адаму?

— Нет.

Она закатывает глаза:

— Вы едва не занялись сексом в саду, а теперь ты находишь какое-то извращенное удовольствие в том, чтобы делать вид, будто ничего не было.

— Я ему не нравлюсь.

Зои хмурится:

— Разумеется, нравишься. Просто вышла его мама и поймала вас с поличным. А иначе он бы с радостью тебя трахнул.

— Зои, это было четыре дня назад. Если бы я ему нравилась, он бы позвонил.

Она пожимает плечами:

— Наверно, занят.

Минуту мы молчим. У меня под кожей выпирают кости, под глазами фиолетовые круги, и от меня чем-то воняет. Адам, наверно, до сих пор полощет рот.

— Любовь — это зло, — заявляет Зои. — И я — живое тому доказательство. — Она кладет журнал на столик и бросает взгляд на часы:

— За что я, черт возьми, плачу деньги?

Я сажусь рядом с ней.

— А вдруг это шутка? — предполагаю я. — Может, они возьмут деньги, заставят тебя поволноваться, надеясь, что ты испугаешься и уйдешь домой.

Я беру Зоину ладонь в свою. Она удивляется, но руку не забирает.

В окнах стоят тонированные стекла, и нам не видно улицы. Когда мы пришли, пошел снег; тепло одетые люди покупали рождественские подарки. А здесь батареи пышат жаром и льются звуки свирели. Случись конец света, мы ничего не узнаем.

— Когда все кончится и мы с тобой снова останемся вдвоем, то примемся за список, — обещает Зои. — Выполним пункт шесть. Это же слава, верно? Я на днях видела женщину в последней стадии рака. Так вот она участвовала в троеборье. Попробуй.

— У нее рак груди.

— И что?

— Это другое.

— Бег и езда на велосипеде помогают ей сохранять бодрость духа. В чем тут разница? Она уже прожила дольше, чем все думали, и прославилась.

— Терпеть не могу бег!

Зои величественно качает головой, будто я капризничая.

— А как насчет «Большого брата»? У них раньше никогда не было таких, как ты.

— Он начнется только летом.

— И?..

— Сама подумай!

Тут из боковой комнаты появляется медсестра и подходит к нам:

— Зои Уокер? Пойдемте со мной.

Зои тянет меня за руку:

— А можно взять с собой подругу?

— Боюсь, что нет. Будет лучше, если она подождет здесь. Сегодня только предварительная беседа, но говорить о таких вещах при подруге нелегко.

Медсестра говорит так убежденно, что у Зои нет сил возразить. Она протягивает мне пальто, просит присмотреть за ним и уходит за медсестрой. Дверь закрывается.

Я чувствую себя бодро и уверенно. Я ощущаю, как бьется сердце. Я полна сил. Жизнь и смерть материальны. Сейчас я здесь. Но скоро меня не станет. Ребенок Зои жив. У него бьется сердце. Скоро его не будет. Когда Зои, поставив подпись на документе, выйдет из той комнаты, она изменится. Поймет то, что мне уже известно: всех нас окружает смерть.

И от этой мысли во рту металлический привкус.

Двадцать пять

— Куда мы едем?

Убрав руку с руля, папа хлопает меня по коленке:

— Все в свое время.

— Это что-то неприятное?

— Думаю, нет.

— Мы встречаемся со знаменитостью?

В его взгляде мелькает беспокойство.

— Так ты это имела в виду?

— Не совсем.

Мы едем по городу. Папа хранит молчание. Мы пересекаем микрорайоны, сворачиваем на кольцевую. Я пытаюсь угадать, куда мы едем. Мне нравится смешить папу. Он так редко смеется.

— Высадка на Луну?

— Нет.

— Конкурс талантов?

— С твоим-то голосом?

Я звоню Зои и спрашиваю, не хочет ли она угадать, но она по-прежнему не находит себе места из-за операции.

— Мне нужно будет привести с собой взрослого. И кто бы это мог быть?

— Я пойду с тобой.

— Нужен настоящий взрослый. Типа мамы с папой.

— Они не имеют права заставлять тебя посвящать во все родителей.

— Это кошмар, — жалуется Зои. — Я думала, они дадут мне какую-нибудь таблетку, и все выйдет само. Зачем мне операция? Он же крошечный.

Она заблуждается. Вчера вечером я достала «Справочник семейной медицины» «Ридерз дайджест» и прочитала про беременность. Мне было интересно, какого размера зародыш в шестнадцать недель. Оказалось, с одуванчик. Я не могла оторвать себя от книги. Выяснила все про пчелиные укусы и крапивницу. Милые, земные семейные болезни — экзема, ангина, круп.

— Ты меня слушаешь? — спрашивает Зои.

— Угу.

— Ладно, я пошла.

Кислота подступает к горлу, и во рту уже привкус.

Это несварение желудка. Нужно помассировать живот и попить молока. Все пройдет. Что бы она ни решила сделать с ребенком, все симптомы исчезнут. Но я ей этого не говорю. Я нажимаю на мобильном красную кнопку и смотрю на дорогу впереди.

— Она просто идиотка, — замечает отец. — Чем дольше тянуть, тем хуже. Беременность прервать — не мусор вынести.

— Пап, она это знает. И вообще, тебя это не касается. Она же не твоя дочь.

— Да, — соглашается папа. — Она не моя дочь.

Я набираю Адаму эсэмэску. «Куда ты провалился?» — пишу я. Потом стираю.

Шесть дней назад его мама рыдала на крыльце. Она говорила, что ее напугали фейерверки. Спрашивала, почему он бросил ее одну, когда кругом светопреставление.

— Дай мне свой телефон, — попросил меня Адам. — Я тебе позвоню.

Мы обменялись телефонами. Это было сексуально. Я надеялась, что он позвонит.

— Слава, — произносит папа. — А что для тебя слава?

Для меня слава — это Шекспир. В школе на всех книгах с его пьесами был бородатый силуэт с пером в руке. Шекспир придумал кучу новых слов, и спустя сотни лет все знают, кто он такой. Он жил до машин и самолетов, пистолетов, бомб и загрязнения окружающей среды. До шариковых ручек. В то время на престоле сидела королева Елизавета. Она тоже прославилась, и не только как дочь Генриха VIII, но благодаря картофелю, «Армаде», табаку и здравому смыслу.

Еще есть Мэрилин. Элвис. Будут помнить даже современных поп-звезд вроде Мадонны. «Тэйк Зэт» снова ездят на гастроли, и их альбомы в момент распродают. В глазах музыкантов читается возраст, а Робби даже не поет, но люди все равно хотят их видеть. Вот какую славу я имела в виду. Я бы хотела, чтобы весь мир оставил свои дела и пришел попрощаться со мной, когда я умру. А как же иначе?

— Пап, а что для тебя слава?

Задумавшись на минуту, он отвечает:

— Неверно, оставить что-то после себя.

Я представляю себе ребенка Зои. Он растет. Растет.

— Ну вот, — замечает папа. — Приехали.

Я не совсем понимаю, где это «вот». Дом похож на библиотеку — квадратное здание в стиле функционализма, со множеством окон и собственной парковкой, на которой зарезервированы места для руководства. Мы заезжаем на стоянку для инвалидов.

Женщина, ответившая нам по домофону, интересуется, к кому мы приехали. Папа старается говорить шепотом, но она его не слышит, так что ему приходится повторить еще раз, громче.

— Ричард Грин, — произносит папа и косится на меня.

— Ричард Грин?

Папа кивает, довольный собой.

— С ним знаком один из моих бывших коллег-бухгалтеров.

— И при чем тут?..

— Ричард хочет взять у тебя интервью.

Я замираю как вкопанная:

— Интервью? На радио? Но меня все услышат!

— А разве ты не этого хотела?

— И о чем же он будет меня спрашивать?

Тут папа заливается румянцем. Наверно, до него дошло, что хуже он ничего придумать не мог, потому что болезнь — единственное, что отличает меня от остальных. Если бы не она, я сейчас была бы в школе или прогуливала уроки. Может, сидела бы у Зои дома, носила бы ей «Ренни» из ванной. Или лежала бы в объятиях Адама.

Секретарь в приемной делает вид, что все в порядке. Она просит нас представиться и выдает нам пропуска. Мы послушно прикрепляем их на одежду, и секретарь сообщает, что режиссер должен вот-вот подойти.

— Присаживайтесь, — предлагает она, указывая на ряд кресел в дальнем конце фойе.

— Ты не обязана ничего говорить, — успокаивает меня папа, когда мы усаживаемся. — Если хочешь, я пойду один, а ты посиди здесь.

— О чем ты будешь с ними разговаривать?

Он поживает плечами:

— О нехватке раковых отделений для подростков, недостаточном финансировании альтернативной медицины, о том, что служба здравоохранения не выделяет дотаций на твое питание. Я могу рассказывать часами. Я на этом собаку съел.

— Поиск средств? Я не хочу прославиться сбором денег! Я хочу, чтобы меня все узнали потому, что я особенная. Мне нужна слава, которая заставляет забыть о фамилии. Слава по-идола. Слышал о такой?

Папа поворачивается ко мне. У него блестят глаза.

— И как же нам ее заполучить?

За нами булькает и журчит кулер с водой. Меня тошнит. Я думаю о Зои. О ее ребенке. У него уже сформировались ноготки — маленькие-премаленькие ноготки-одуванчики.

— Давай я скажу секретарше, что мы уходим, — предлагает папа. — Я не хочу, чтобы ты говорила, будто я тебя заставил.

Папа шаркает ногами под стулом, словно провинившийся школьник, и мне становится его немного жаль. Как же нам будет друг друга не хватать.

— Нет, пап, не надо ничего отменять.

— Так ты пойдешь?

— Пойду.

Он стискивает мою руку:

— Молодчина, Тесс.

По лестнице в фойе поднимается женщина. Она подходит к нам и сердечно пожимает папе руку.

— Мы с вами общались по телефону, — поясняет она.

— Да.

— А это, должно быть, Тесса.

— Это я!

Она протягивает мне ладонь для пожатия, но я игнорирую ее, сделав вид, будто не могу поднять руки. Может она решит, что виновата болезнь. Женщина с жалостью оглядывает мое пальто, шарф, шапку. Наверно, знает, что сегодня не так уж и холодно.

— Здесь нет лифта, — сообщает она. — Вы сможете подняться по лестнице?

— Конечно, — заверяет папа.

Женщина успокаивается.

— Ричард ждет вас с нетерпением.

По дороге в студию она заигрывает с папой. Мне приходит в голову, что его неловкая забота обо мне может привлекать женщин. Им сразу хочется его спасти. От меня. От всех этих мук.

— Интервью пойдет в прямом эфире, — рассказывает она. Когда мы заходим в студию, женщина понижает голос:

— Видите ту красную лампочку? Это значит, Ричард в эфире и нам нельзя входить. Через минуту он пустит рекламу, и лампочка загорится зеленым. — Она сообщает это с таким видом, будто ждет, что это произведет на нас впечатление.

— О чем Ричард собирается говорить? — любопытствую я. — О несчастной умирающей девушке или у него какая-то своя задумка?

— Простите? — Улыбка сползает с лица женщины; в поисках поддержки она бросает на папу взгляд, в котором сквозит беспокойство. Неужели она способна что-то учуять, только когда запахнет жареным?

— В больницах недостаточно раковых отделений для подростков, — быстро произносит папа. — Будет здорово, если нам удастся привлечь внимание к этой проблеме.

Красный свет за порогом студии переключается на зеленый.

— Вам пора! — говорит режиссер и открывает нам дверь. — Тесса Скотт и ее отец, — объявляет она.

Это звучит так, словно мы гости на званом ужине или на балу. Но Ричард Грин отнюдь не

принц. Он привстает на стуле и по очереди протягивает нам пухлую руку. Ладонь у него влажная, как будто ее забыли выжать. Пыхтя, он усаживается обратно. От него воняет сигаретами. Он шуршит бумагами.

— Присаживайтесь, — приглашает он нас. — Я вас представляю, и начнем.

Раньше я частенько смотрела местные новости с Ричардом Грином; они шли в обед. Он очень нравился одной из больничных медсестер. Теперь я понимаю, почему его перевели на радио.

— Ну, поехали, — командует он. — Держитесь свободнее. Все должно быть непринужденно. — Он поворачивается к микрофону:

— Итак, я с радостью представляю вам отважную юную особу, которая оказала мне честь и пришла на передачу. Тесса Скотт.

Когда он произнес мое имя, у меня заколотилось сердце. Интересно, слышит ли нас Адам? А Зои? Наверно, валяется на кровати и слушает радио. Ее тошнит. Она дремлет.

— Последние четыре года Тесса борется с лейкозом. И сегодня они с отцом пришли к нам, чтобы об этом рассказать.

Папа подается вперед, и Ричард, очевидно заметив его готовность, задает ему первый вопрос:

— Скажите, что вы испытали, когда узнали о болезни Тессы?

Папа обожает разглагольствовать на эту тему. Он рассказывает о гриппе, который не проходил неделями. О том, что наш семейный врач не сразу распознал болезнь, потому что лейкоз встречается очень редко.

— Мы заметили синяки, — сообщает папа. — Маленькие кровоподтеки на спину, вызванные снижением тромбоцитов.

Папа — настоящий герой. Он признается, что ему пришлось уйти с работы (он был финансовым консультантом). Рассказывает, что вся наша жизнь — сплошная больница и лечение.

— Рак — заболевание не какого-то отдельного органа, а всего организма, — поясняет папа. — Когда Тесса отказалась от интенсивной терапии, мы решили продолжать общеукрепляющее лечение дома. Она на особой диете. Это недешево, но я твердо уверен, что залог здоровья — не просто питание, а правильное питание.

Я ошеломлена. Он что, хочет, чтобы люди звонили и предлагали деньги на натуральные овощи?

Ричард с серьезным видом поворачивается ко мне:

— Тесса, так вы решили отказаться от лечения? Непростое решение для шестнадцатилетней девушки.

У меня пересохло в горле:

— Не скажите.

Он кивает, словно ждет, что я продолжу. Я бросаю взгляд на папу; он подмигивает мне.

— Химиотерапия продлевает жизнь, — начинаю я, — но тяжело переносится организмом. Курс лечения был очень тяжелым, и я поняла, что без него смогу сделать больше.

— Ваш отец утверждает, что вы хотите прославиться, — произносит Ричард. — Вы ведь поэтому пришли к нам в студию? Чтобы получить свои пятнадцать минут славы?

Это звучит так, словно я одна из тех жалких малолеток, которые дают объявления в местную газету, мечтая оказаться подружкой невесты на чьей-нибудь свадьбе, но не имея знакомых, желающих выйти замуж. Он выставил меня полной идиоткой.

Я набираю в грудь воздух:

— Я составила список вещей, которые хочу сделать, пока я жива. И слава — одна из них.

У Ричарда загораются глаза. Он журналист и чует, когда пахнет жареным.

— Ваш папа не упомянул о списке.

— Потому что большинство моих желаний противозаконны.

Разговаривая с папой, Ричард еле сдерживал зевоту, а сейчас чуть не подпрыгивает на стуле.

— Правда? Например, какие?

— Например, я взяла папину машину и уехала на целый день. Прав у меня нет, и экзамен по вождению я не сдавала.

— Ого! — кудаччет Ричард. — Вот зачем вы платите страховку, мистер Скотт! — Он толкает папу локтем, давая понять, что не имел в виду ничего плохого, но папа смущается. Меня охватывает чувство вины, и я отвожу глаза.

— А в другой раз я соглашалась на все, о чем меня просили.

— И что было?

— В конце концов я прыгнула в реку.

— По телевизору крутят такую рекламу, — замечает Ричард. — Это она навела вас на мысль?

— Нет.

— Она каталась на мотоцикле и едва не сломала себе шею, — перебивает папа, стараясь перевести разговор в безопасное русло. Но это была его идея, и так просто ему не отделаться.

— Меня едва не арестовали за кражу в магазине. Мне хотелось нарушить за день как можно больше законов.

Ричард тревожится.

— Еще секс.

— А-а-а...

— И наркотики...

— И рок-н-ролл! — бойко произносит Ричард в микрофон. — Говорят, когда человеку сообщают, что он смертельно болен, он старается навести порядок в доме, завершить все дела. Думаю, вы согласитесь, дамы и господа, что эта барышня решила взять быка за рога.

Нас поспешно выпроваживают. Я думала, что папа задаст мне взбучку, но он молчит. Мы медленно поднимаемся по ступенькам. У меня совершенно нет сил.

— Может, кто-то пожертвует денег, — предполагает папа. — Такое уже бывало. Люди захотят тебе помочь.

Моя любимая пьеса Шекспира — «Макбет». Когда он убивает короля, во всем царстве приключаются странные события. Кричат совы. Трещат сверчки. В океанах не хватает воды, чтобы смыть кровь.

— Если мы соберем достаточно денег, то сможем отправить тебя в исследовательский институт в Штатах.

— Пап, деньги тут не помогут.

— Помогут! Без чужой помощи нам не справиться, а там успешно проводят курс укрепления иммунитета.

Я вцепляюсь в пластиковые перила. Они гладкие и сияют.

— Папа, прекрати.

— Что прекратить?

— Прекрати делать вид, будто я выздоровею.

Двадцать шесть

Папа обмахивает журнальный столик, каминную полку и все четыре подоконника метелкой из перьев. Он раздергивает шторы и зажигает обе лампы. Как будто пытается прогнать темноту.

Рядом со мной на диване сидит мама. По ее лицу видно, что все эти давно знакомые папины привычки ее ужасают.

— А я и забыла, — признается мама.

— Что?

— Как ты впадаешь в панику.

Он бросает на нее подозрительный взгляд:

— Это оскорбление?

Она забирает у него метелку и протягивает бокал, из которого с самого завтрака потягивала херес, периодически доливая себе из бутылки.

— Нет, — говорит мама. — Тебе придется наверстать.

Похоже, она проснулась уже навеселе. И разумеется, вдвоем с папой в его постели. Кэл потащил меня за собой через лестничную площадку взглянуть на родителей.

— Номер семь, — пояснила я ему.

— Что?

— В моем списке. Мне хотелось объехать весь мир, но вместо этого я решила помирить маму с папой.

Он ухмыльнулся, как будто все это моих рук дело, хотя на самом деле они сами управились. Мы открываем чулки с подарками на полу в их спальне, а они сонно глядят на нас. Мне кажется, будто я попала в какую-то временную дыру.

Папа подходит к обеденному столу, перекладывает вилки и салфетки. Он украсил стол хлопучками и снеговичками из ваты, а салфетки сложил в виде лилий-оригами.

— Я попросил их прийти в час, — сообщает он.

Кэл вздыхает за рождественским номером «Бино».

— Зачем ты вообще их позвал? Какие-то они странные.

— Сегодня Рождество и надо веселиться! — шикает на него мама.

— И ходить на голове, — бормочет Кэл, переворачиваясь на ковре и мрачно глядя на нее. — Лучше бы мы были одни.

Мама толкает его носком туфли, но Кэл не улыбается. Тогда она показывает ему метелку:

— Сейчас получишь!

— А ты догони!

Хохоча, Кэл вскакивает на ноги и бросается через комнату к папе. Мама гоняется за ним, но папа преграждает ей путь и делает вид, будто отгоняет ее приемами карате.

— Вы что-нибудь сломаете, — говорю я им, но меня никто не слушает. Мама просовывает метелку между папиных ног и покачивает ею. Папа отбирает ее у мамы и засовывает ей под блузку, а потом гоняется за мамой вокруг стола.

Странно, до чего меня это раздражает. Я хотела, чтобы они снова сошлись, но это не совсем то, что я имела в виду. Я думала, они станут серьезнее.

Они так шумят, что мы не слышим звонок в дверь. Внезапно раздается стук в окно.

— Ой, — восклицает мама, — гости пришли!

Она кокетливо направляется к двери. Папа подтягивает брюки. Улыбаясь, он идет за мамой, а за ним Кэл.

Я не двигаюсь с дивана. Скрещиваю ноги. Потом выпрямляю. Беру телепрограмму и непринужденно перелистываю страницы.

— Посмотри, кто пришел, — произносит мама и вводит в гостиную Адама. На нем рубашка на пуговицах, а вместо джинсов — легкие брюки из хлопка. Он причесался.

— Счастливого Рождества, — желает мне Адам.

— И тебе.

— Я принес тебе открытку.

Мама подмигивает мне:

— Ну, оставляю вас вдвоем.

Получается неловко.

Адам садится на ручку кресла напротив и наблюдает, как я раскрываю открытку. На ней нарисован олень из мультика с увитыми остролистом рогами. Внутри Адам написал: «Веселого праздника!». Никакие тебе «целую».

Я ставлю открытку на столик между нами, и мы оба смотрим на нее. Во мне что-то ноет. Глухая боль не утихает, как будто ее ничем не унять.

— Насчет того вечера... — начинаю я.

Адам сползает с ручки в кресло:

— А что?

— Тебе не кажется, что нам нужно об этом поговорить?

Он мнется, словно не может найти ответа на каверзный вопрос.

— Пожалуй.

— Мне показалось, что ты испугался. — Я решаюсь поднять на него глаза. — Я права?

Но не успевает он что-то сказать, как дверь гостиной распахивается и врывается Кэл.

— Ты подарил мне булавы! — объявляет он и изумленно застывает перед Адамом. — Как ты угадал, что я о них мечтаю? Они классные! Смотри, у меня почти получается.

Но булавы валяются у него из рук, разлетаясь по всей гостиной. Адам смеется, собирает их и жонглирует сам. У него получается на удивление хорошо: булава падает только на восемнадцатый раз.

— А с ножами так сможешь? — любопытствует Кэл. — Я видел дядьку, который жонглировал яблоком и тремя ножами, причем он ухитрился очистить и съесть яблоко. Ты успеешь меня научить, пока мне не исполнилось двенадцать?

— Я тебе помогу.

До чего непринужденно они общаются, перебрасываясь булавами. Как же им легко говорить о будущем.

В гостиную входит мама Адама и садится рядом со мной на диван. Мы пожимаем руки, и этот жест оставляет во мне странное чувство. У нее маленькие сухие ладони. Она выглядит усталой, как будто только что вернулась из долгого путешествия.

— Я Салли, — представляется она. — У нас для тебя тоже подарок.

Она протягивает мне пакет. Внутри коробка шоколадных конфет. Она даже не завернута. Я вынимаю ее из пакета, открываю и ставлю к себе на колени.

Кэл протягивает маме Адама булавы.

— Хотите попробовать? — предлагает он.

Поколебавшись, она все же встает.

— Я покажу вам, что делать, — обещает Кэл.

На ее место садится Адам, наклоняется ко мне и произносит:

— Я не испугался.

И улыбается. Я улыбаюсь в ответ. Мне хочется прикоснуться к нему, но нельзя — входит

папа и объявляет, что все готово. В одной руке у него бутылка хереса, в другой — разделочный нож.

Стол ломится от еды. Папа приготовил индейку, жареную картошку и пюре, пять видов овощей, гарнир и соус. Он включил свой диск Бинга Кросби, и мы едим под старомодные песни про колокольчики и снег.

Я думала, что взрослые будут обсуждать за столом ипотеку и прочее занудство. Но мама с папой подвыпили и нежничают друг с другом, так что неловкость исчезает.

Даже Салли не может сдерживать улыбки, когда мама рассказывает о том, как ее родители решили, будто папа слишком прост для нее, и запретили ей с ним общаться. Она говорит о частных школах, о первых балах, о том, как она регулярно «заимствовала» пони своей сестры и ездила по ночам через весь город в муниципальный район на свидания к папе.

Папа смеется:

— Городок был небольшой, но я жил как раз на другом конце. К субботе бедный пони был так измотан, что больше не выиграл ни одного соревнования.

Мама наполняет бокал Салли. Кэл показывает фокус с ножом и салфеткой.

Наверно, таблетки переносят Салли в параллельный мир, потому что Кэловы манипуляции с салфеткой видны как на ладони, но она смотрит на него с восхищением.

— А ты умеешь что-нибудь еще? — спрашивает она.

Кэл польщен.

— Кучу всего. Я вам потом покажу.

Адам сидит напротив меня. Под столом моя нога касается его. Я чувствую это каждой клеточкой тела. Я смотрю, как он ест. Когда он отхлебывает глоток вина, я представляю, каковы на вкус его поцелуи.

«Пошли наверх, — глазами показываю я. — Прямо сейчас. Давай улизнем».

Что нам будет? Что они могут с нами сделать? Мы разденемся и ляжем в мою кровать.

— Хлопушки! — восклицает мама. — Мы забыли про хлопушки!

Мы крест-накрест подаем друг другу руки, образуя вокруг стола рождественскую цепь. Когда мы тянем за хлопушки, во все стороны разлетаются шляпы, шутки и пластмассовые игрушки.

Кэл читает вслух свою шутку:

— Как назвать Бэтмена и Робина после того, как они попали под каток?

— Никто не знает.

— Блинмен и Угробин! — выкрикивает он.

Все, кроме Салли смеются. Наверно, ей вспомнился покойный муж. Мне досталась несмешная шутка про мужчину, который решил приложиться к бутылке, но вместо этого приложился головой о столб. У Адама даже не шутка, а остроумное замечание, что, если бы Вселенная возникла сегодня, вся история человечества уложилась бы в последние десять секунд.

— Точно, — замечает Кэл. — Люди — ничто по сравнению с Солнечной системой.

— Может, мне стоит устроиться на фабрику хлопушек? — предполагает мама. — Представляете, целый год выдумывать шутки! Правда, весело?

— А я могу вкладывать в них шутихи, — подмигивает ей папа. Они явно перебрали.

Салли проводит по волосам:

— Давайте я прочитаю мою.

Мы шикаем друг на друга. У Салли грустные глаза.

— Заходит утка в аптеку за губной помадой и вспоминает, что забыла дома деньги, — читает она. — Аптекарь говорит: «С вас пятьдесят девять пенсов». «Спасибо, — отвечает утка, — намалюйте-ка мне счет на клюве».

Кэл раздражается хохотом. Он падает со стула на пол и стучит ногами. Салли польщено

читает шутку еще раз. И правда забавно. Смех, точно рябь, щекочет желудок и подкатывает к горлу. Салли задыхается от смеха, сама удивляется своему хохоту, и от этого начинают хихикать мама, папа и Адам. Как же здорово. Какое облегчение. Не помню, когда я последний раз смеялась в голос. У меня по щекам текут слезы. Адам протягивает мне через стол салфетку:

— Возьми. — Его пальцы касаются моих.

Я вытираю глаза. Наверх, вверх. Я хочу погладить тебя. Я открываю рот, чтобы произнести вслух «Адам, я приготовила тебе сюрприз, но он у меня в комнате, так что тебе придется подняться подняться и забрать его», но тут раздается стук в окно.

Это Зои. Она прижимается лицом к стеклу, словно Мария из рождественской сказки. Она должна была прийти только к чаю, и не одна, а с родителями.

Зои приносит с собой холод. Она топает ногами по ковру.

— Всем веселого Рождества, — произносит она.

Папа поднимает бокал и желает ей того же. Мама поднимается из-за стола и обнимает Зои.

— Спасибо, — отвечает Зои и заливается слезами.

Мама приносит ей стул и носовые платки. Откуда ни возьмись появляются два сладких пирожка с кремом, приправленным бренди. Вообще-то Зои нельзя спиртное, но, наверно, крем не в счет.

— Я смотрела на вас в окно, — Зои шмыгает носом, — и мне показалось, будто это сцена из рекламы. Я едва не вернулась домой.

— Зои, что случилось? — интересуется папа.

Она засовывает в рот кусок пирога с кремом, быстро жует и глотает. — Что вам рассказать?

— То, что ты сочтешь нужным.

— У меня заложен нос и я отвратно себя чувствую. Хотите, расскажу об этом?

— Потому что повысился уровень хорионгонадотропина, — поясняю я. — Это гормон, который вырабатывается во время беременности. — Все замолкают и смотрят на меня. — Я читала в «Ридерз дайджест».

Наверно, не стоило об этом говорить. Я совсем забыла, что Адам, Кэл и Салли даже не знают о беременности Зои. Но все молчат, да и Зои, кажется, не против — она отправляет в рот еще кусок пирога.

— Что-нибудь случилось дома? — спрашивает папа.

Зои аккуратно подцепляет следующий кусок:

— Я все рассказала родителям.

— Ты сегодня им все рассказала? — изумленно переспрашивает папа.

Зои вытирает руки рукавом.

— Пожалуй, момент выбран неудачно.

— И что они сказали?

— Кучу разных вещей и все ужасные. Они меня ненавидят. Похоже, меня все ненавидят. Кроме малыша.

Кэл ухмыляется:

— У тебя будет ребенок?

— Ага.

— Наверняка мальчик.

Зои качает головой:

— Я не хочу мальчика.

— Но ты решила оставить ребенка? — осторожно интересуется папа.

Зои молчит, словно впервые об этом задумалась. Потом улыбается и поднимает на папу изумленный взгляд; ее глаза блестят. Я никогда раньше не видела у нее такого выражения лица.

— Да, — наконец отвечает Зои, — я так решила. Я назову ее Лорен.

Идет девятнадцатая неделя беременности. Ребенок Зои окончательно сформировался и весит примерно двести сорок граммов. Если бы он родился сейчас, то поместился бы у меня на ладони. Его прозрачный животик опоясывали бы розовые венки. Заговори я с малышом, он бы меня услышал.

— Я включила твоего ребенка в список, — сообщаю я. Наверно, не стоило в этом признаваться. Я вовсе не собиралась об этом говорить. И снова на меня все уставились.

Папа тянется ко мне через стол и гладит по руке.

— Тесса, — произносит он.

Терпеть это не могу. Я сбрасываю его руку.

— Я хочу там быть.

— Но еще целых пять месяцев, — говорит Зои.

— Ну и что? Это всего-навсего сто шестьдесят дней. Конечно, если ты не хочешь, чтобы я там была, я могу подождать снаружи и зайти потом. Я хочу первой взять малышку на руки.

Зои встает, огибает стол и обнимает меня. Она какая-то другая. Живот у Зои упругий и она пышет жаром.

— Тесса, — произносит моя подруга, — я так хочу, чтобы ты там была.

Двадцать семь

День летит стремительно. Убрали со стола, включили телевизор. Мы слушаем речь королевы, потом Кэл показывает несколько фокусов.

Зои весь день сидит на диване с мамой и Салли и рассказывает им все перипетии своего несчастного романа со Скоттом. Даже спрашивает о родах.

— Скажите, — произносит Зои, — это действительно так больно, как говорят?

Папа уткнулся в свою новую книгу «Натуральное питание» и время от времени зачитывает статистику о пестицидах и химикатах каждому, кто готов его слушать.

Адам в основном общается с Кэлом. Показывает, как вертеть булавы, учит новому фокусу с монеткой. Я все больше убеждаюсь, что была неправа. Не в том, нравится он мне или нет, но нравлюсь ли ему я. Время от времени мы встречаемся взглядом, но он отворачивается первым.

— Он тебя хочет, — одними губами шепчет мне Зои. Если это и так, я не знаю, что делать.

Я целый день листаю книгу, которую принес мне Кэл. «Сто необычных способов предстать перед Творцом». Забавно, но ощущение, будто во мне что-то усыхает, все равно не проходит. Я два часа сидела в кресле в углу и размышляла об этом. Я знаю, что это неправильно, что так нельзя, но иначе не могу.

К четырем стемнело, и папа зажигает свет. Приносит блюда со сладостями и орехами. Мама предлагает поиграть в карты. Они переставляют стулья, а я выскальзываю в прихожую. Надоело сидеть в четырех стенах среди книжных полок. Я устала от центрального отопления и коллективных игр. Я снимаю с вешалки куртку и выхожу в сад.

Ужасно холодно. Воздух обжигает легкие, дыхание превращается в пар. Я натягиваю капюшон, завязываю тесемки под подбородком и жду.

Медленно, словно выступая из тумана, сад приобретает очертания — куст остролиста, царапающий сарай, птица на столбе забора; ветер распушил ей перья.

В доме сдают карты, передают друг другу арахис, а здесь искрится каждая травинка, скованная морозом. Здесь в небе целые россыпи звезд, как в сказке. Кажется, будто даже луна удивляется.

Топча падалицу, я бреду к яблоне. Прикасаюсь к изгибам ствола, пытаюсь почувствовать пальцами его сизый, как синяк, цвет. На ветках уныло висят несколько листьев. Сморщенные яблоки порыжели от гнили.

Кэл утверждает, будто люди сделаны из ядерного пепла потухших звезд. Он говорит, что когда я умру, то вновь обернусь прахом, блеском, дождем. Если так, то я хочу, чтобы меня похоронили здесь, под яблоней. Корни дерева протянутся к месиву, бывшему моим телом, и высосут все соки. Я превращусь в цветок яблони. Весной я опадую на землю, как конфетти, прилипну к подошвам своих близких. Они принесут меня в дом в карманах, просыплют мою нежную пальцы на подушки, и она навеет сон. Что же им приснится?

Летом они меня съедят. Адам перелезет через забор и украдет меня, соблазнившись мой ароматом, круглыми румяными боками, блеском и здоровым аппетитным видом. Он попросит маму испечь со мной крамбль или штрудель и вопьется в меня зубами.

Я лежу на земле и пытаюсь себе это представить. Правда, правда. Я мертва. Я превращусь в яблоню. Это вообще-то сложновато. Я вспоминаю птицу, которую заметила раньше. Интересно, улетела ли она? Что происходит дома, не хватились ли меня?

Я переворачиваюсь и утыкаюсь лицом в траву; она холодно отталкивает меня. Я провожу по ней рукой и нюхаю пальцы. Они пахнут прелой листвой и червями.

— Что ты делаешь?

Я медленно оборачиваюсь. Надо мной склонился Адам.

— Я решил пойти тебя поискать. С тобой все в порядке?

Я сажусь и отряхиваю землю с брюк:

— Все хорошо. Просто мне стало жарко.

Он кивает, как будто это объясняет, почему к моей куртке прилипли мокрые листья. Я знаю, что выгляжу глупо. Еще и капюшон завязан под подбородком, как у старухи. Я быстро его развязываю.

Скрипя курткой, Адам садится рядом со мной:

— Покурим?

Я беру предложенную сигарету, и Адам дает мне прикурить. Потом зажигает свою, мы молча выдыхаем дым в сад. Я чувствую, что Адам смотрит на меня. В голове так ясно, что я не удивилась бы, если бы мысли сияли надо мной, словно неоновая вывеска над лавкой, где продается рыба с жареной картошкой. Ты мне нравишься. Ты мне нравишься. Щелк. Щелк. Щелк. Рядом со словами загорается красное неоновое сердечко.

Я ложусь на траву, чтобы крыться от его взгляда. Холод просачивается сквозь брюки, точно вода.

Адам ложится рядом со мной, близко-близко. Так близко, что от этого даже больно. Я мучаюсь.

— Это пояс Ориона, — произносит Адам.

— Где?

Он указывает в небо:

— Видишь те три звезды рядышком? Минтака, Альнилам, Альнитак.

Адам перечисляет их и звезды вспыхивают на кончике его пальца.

— А ты откуда знаешь?

В детстве папа рассказывал мне о созвездиях. Если посмотреть в бинокль чуть ниже Ориона, увидишь гигантское облако газа, где рождаются все новые звезды.

— Новые? Я думала, Вселенная умирает.

— Зависит от точки зрения. Она еще и растет.

Он переворачивается на бок и приподнимается на локте:

— Твой брат проболтался мне о том, как ты прославилась.

— Он сказал, что это был полный кошмар?

Адам смеется:

— Нет, но теперь ты просто обязана мне все рассказать.

Мне нравится смешить Адама. У него красивый рот и так я могу лишний раз полюбоваться им. Поэтому я рассказываю Адаму о нелепом выступлении на радио, выставив все в более забавном свете, чем это было на самом деле. Можно подумать, что я героиня, мятежница, прорвавшаяся в эфир. Адам с таким интересом меня слушает, что следом я рассказываю ему про то, как взяла папину машину и отвезла Зою в отель. Мы лежим на мокрой траве, над нами нависает тяжелое небо, яркая луна стоит низко, а я говорю о гардеробе и о том, что мое имя стерли с лица земли. Я даже признаюсь в привычке писать на стенах. Я и не думала, что в темноте так легко болтать.

— Тесс, тебе нечего бояться, что тебя забудут, — говорит Адам, когда я заканчиваю свою речь, и добавляет:

— Как думаешь, нас хватятся, если мы минут на десять зайдем ко мне?

Мы улыбаемся друг другу.

Щелк, щелк, вспыхивает вывеска над моей головой.

Мы перелезаем через сломанный забор, шагам по тропинке к задней двери; Адам легонько трогает меня за руку. Мы едва касаемся друг друга, но я вздрагиваю.

Я иду за ним на кухню.

— Подожди минутку, — просит Адам, — я приготовил тебе подарок.

С этими словами он выходит в прихожую и взбегает по лестнице.

Стоило ему уйти, как я начала по нему скучать. Когда он не со мной, мне кажется, будто я его выдумала.

— Адам! — Я впервые зову его по имени. Оно звучит непривычно, точно заклинание — если повторить его несколько раз, что-то наверняка произойдет. Я выхожу в прихожую и оглядываю лестницу:

— Адам!

— Я тут. Если хочешь, поднимайся.

И я поднимаюсь.

У него такая же комната, как и у меня, только в зеркальном отражении. Он сидит на кровати. У него какой-то непривычный смущенный вид. В руке — серебристый сверточек.

— Даже не знаю, понравится ли тебе.

Я сажусь рядом. Каждую ночь нас отделяют во сне друг от друга лишь стена. Я проделаю за шкафом дыру в стене и устрою потайной ход в его мир.

— Вот, — произносит Адам. — Открой.

В оберточной бумаге лежит пакет. В пакете коробочка. В коробочке браслет — семь разноцветных камней на серебряной цепочке.

— Я знаю, ты стараешься не заводить новых вещей, но мне показалось, это должно тебе понравиться.

Я немею от изумления.

— Хочешь, я помогу тебе его надеть? — предлагает Адам.

Я протягиваю руку, и Адам застегивает браслет у меня на запястье. Потом переплетает свои пальцы с моими. Мы смотрит на наши руки, которые лежат на кровати между нами. Я не узнаю свои пальцы — с новым браслетом, в ладонях Адама они выглядят непривычно. Руки Адама тоже кажутся незнакомыми.

— Тесса, — окликает он.

Мы в его комнате. Наши кровати разделяет лишь стенка. Мы держимся за руки. Он подарил мне браслет.

— Тесса, — зовет Адам.

Я поднимаю на него взгляд и вздрагиваю от испуга. Зеленые глаза Адама подернулись дымкой. У него красивый рот. Адам тянется ко мне, я все понимаю. Я знаю.

Это пока не случилось, но непременно произойдет.

Восьмым пунктом идет любовь.

Двадцать восемь

У меня замирает сердце.

— Я сама.

— Нет, — возражает Адам, — позволь мне.

Он аккуратно расстегивает обе молнии, снимает с меня ботинки и ставит рядышком на ковер.

Я сажусь на пол рядом с ним, развязываю шнурки, кладу его ноги к себе на колени и стаскиваю кроссовки. Поглаживаю его щиколотки, залезаю под штанины, провожу ладонью по икрам. Я ласкаю Адама. Трогаю мягкие волосы на его ногах. Я и подумать не могла, что способна на такое.

Мы как будто играем в покер на раздевание, только без карт и костей. Я расстегиваю куртку Адама, и она соскальзывает на пол. Он расстегивает мою куртку и стаскивает с плеч. Вынимает из моих волос листок из сада. Я глажу его по жестким черным кудрям, наматываю их на пальцы.

С Адамом все кажется важным, и я не торопясь расстегиваю пуговицы на его рубашке. Последняя под нашими взглядами превращается в планету — мелочно-белую, идеально круглую.

Невероятно, но мы оба знаем, что делать. Я не задумываюсь ни на минуту. Не медлю. И дело не в ловкости или опыте. Такое ощущение, будто мы вместе выбираем путь.

Я по-детски поднимаю руки над головой, и Адам стаскивает с меня свитер. Мои волосы, новые короткие волосы, потрескивают от статического электричества. Меня это смешит. Кажется, будто мое тело плотное и здоровое.

Пальцы Адама через лифчик гладят мою грудь. Мы не сводим друг с друга глаз, и он видит, что мне это нравится. Меня столько раз трогали другие люди, ощупывали, кололи, осматривали и оперировали. Я думала, что мое тело онемело, стало нечувствительно к прикосновениям.

Мы снова целуемся. Долго-долго. Покрываем друг друга быстрыми поцелуями. Адам слегка прикусывает мою верхнюю губу, я облизываю его губы. Кажется, будто с нами в комнате призраки, деревья, небо.

Поцелуи становятся сильнее, глубже. Мы тонем друг в друге. Целуемся, как в первый раз, — настойчиво, страстно.

— Я тебя хочу, — признается Адам.

Я тоже его хочу.

Я хочу показать ему свою грудь. Вынуть ее из лифчика. Я тяну Адама к кровати. Мы покрываем друг друга поцелуями — шею, губы. Кажется, будто вся комната в дыму, а между нами пляшет пламя.

Я ложусь на кровать и приподнимаю бедра, чтобы Адам снял с меня джинсы. Я хочу показать ему себя, хочу, чтобы он меня видел.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Вполне.

Все так просто.

Он расстегивает пуговицу на моих джинсах. Одной рукой, словно фокусник, я снимаю его ремень. Я обвожу пальцем вокруг пупка Адама; большой палец упирается в его трусы.

Его кожа касается моей, я чувствую тяжесть его теплого тела, он нежно прижимается ко мне — я не знала, как это бывает. Я не догадывалась, что, занимаясь любовью, мы создаем. Распоряжаемся обстоятельствами. Влияем друг на друга. У меня вырывается громкий вздох. Адам ловит ртом мое дыхание.

Его рука скользнула под мое бедро, я стискиваю его ладонь, переплетая наши пальцы. Я не знаю, где чья рука.

Я Тесса.

Я Адам.

Как прекрасно не знать, где кончается один и начинается другой.

Наши пальцы гладят нашу кожу. Наши языки ласкают наши губы.

Мы не сводим друг с друга глаз, сравнивая ощущения, словно в танце или в музыке. Глаза в глаза.

Желание нарастает, усиливается, переполняет нас. Я хочу Адама. Хочу прижаться к нему еще теснее. Мне все кажется, что я далеко. Я обвиваю ноги Адама своими, поглаживаю его по спине, вжимаюсь в него всем телом, чтобы он глубже вошел в меня.

Когда внутри меня происходит взрыв, сердце словно выпрыгивает из груди и соединяется с душой. Наслаждение растекается по телу, словно круги по воде от брошенного в пруд камня.

Адам издает восторженный вопль.

Я обнимаю его крепче. Я восхищаюсь им. Нами. Этим даром небес.

Адам гладит меня по голове, по лицу, слизывает мои слезы.

Я полна жизни и счастлива, что сейчас, здесь, на этой земле, мы вместе.

Двадцать девять

У меня из носа льется кровь. Замерев в прихожей перед зеркалом, я смотрю, как она заливает мне подбородок, течет на пальцы, пачкая ладони. Кровь капает на пол, размазывается по узору ковра. — Пожалуйста, — шепчу я. — Только не сейчас. Не сегодня.

Но кровь не останавливается.

Я слышу, как мама наверху желает Кэлу спокойной ночи, закрывает за собой дверь спальни, идет в туалет. Я слышу, как она писает, потом спускает воду. Представляю, как мама моет руки над раковиной, вытирает их полотенцем. Может быть, разглядывает себя в зеркале, как я здесь. Интересно, ее мысли так же далеко отсюда, как мои? Удивляется ли она своему отражению в зеркале?

Мама закрывает дверь туалета и спускается по лестнице. Едва она ступает на нижнюю ступеньку, как я преграждаю ей дорогу.

— О боже!

— У меня кровь течет из носа.

— Да она бьет фонтаном! — Мама жестом подзывает меня к себе. — Скорее, сюда!

Она вталкивает меня в гостиную. Тяжелые тусклые капли падают на ковер. У меня под ногами расцветают маки.

— Садись, — командует мама. — Откинься назад и зажми нос.

На самом деле нужно делать как раз наоборот, и я игнорирую мамины слова. Через десять минут за мной зайдет Адам, и мы поедем на танцы. Минуту мама таращится на меня, потом выбегает из комнаты. Я решаю было, что ее тошнит, но она возвращается с кухонным полотенцем и сует его мне:

— Откинься. Прижми полотенце к носу.

Мой способ не сработал, и я послушно делаю, что велят. Кровь течет мне в горло. Я глотаю, сколько могу, но кровь наполняет рот, и я не могу дышать. Я выпрямляюсь и сплевываю в полотенце. Влажно блестит темный сгусток крови. Вне тела кровь смотрится странно.

— Давай сюда, — говорит мама.

Я протягиваю ей полотенце; прежде чем его свернуть, мама внимательно рассматривает пятно. Теперь ее руки тоже перепачканы в крови, как и мои.

— Мам, что мне делать? Он вот-вот придет.

— Сейчас остановится.

— Посмотри на мою одежду!

Мама удрученно качает головой:

— Лучше ляг.

Этого тоже делать нельзя, но кровь останавливается, так что хуже уже не будет. Мама присаживается на краешек дивана. Я откидываюсь на спину и гляжу на яркие, исчезающие во тьме фигуры, представляя, что нахожусь на тонущем корабле. Тень хлопает крыльями.

— Тебе лучше? — беспокоится мама. — Намного.

Кажется, мама мне не поверила, потому что она выходит на кухню и возвращается с формой, полной кубиков льда. Мама садится на корточки у дивана и высыпает лед себе на колени. Лед соскальзывает с ее джинсов на ковер. Она подбирает один кубик, вытирает пыль и протягивает мне:

— Приложи к носу.

— Лучше пачку замороженного гороха.

Задумавшись на секунду, мама выбегает из комнаты и возвращается с пакетом кукурузы:

— Пойдет? Гороха не было.

Я смеюсь. Значит, все не так уж плохо.

— Что? — спрашивает мама. — Что смешного?

Ее тушь размазалась, волосы растрепались. Я тянусь к ней, и мама помогает мне сесть. Я чувствую себя дряхлой развалиной. Опускаю ноги на пол и зажимаю переносицу двумя пальцами, как меня учили в больнице. Кровь стучит в висках.

— Никак не останавливается? Я звоню папе.

— Он подумает, что ты не смогла справиться сама.

— Ну и пусть.

Мама быстро набирает номер. Ошибается и набирает еще раз.

— Ну же, давай, — еле слышно шепчет она.

В комнате стоит полумрак. Орнамент на камине выцвел добела, словно кости.

— Не отвечает. Почему он не берет трубку? Неужели на дорожке в боулинге так шумно?

— Мам, он в кои-то веки выбрался из дому. Оставь его в покое. Мы сами справимся.

Мама меняется в лице. Она ни разу не присутствовала при переливании крови или ломбальной пункции. Ее не было рядом, когда мне делали трансплантацию костного мозга. Она могла очутиться в больнице с любым из множества диагнозов, но ей повезло. Даже обещания чаще меня навещать стирались с наступлением Рождества. Пришел ее черед столкнуться с действительностью.

— Мама, тебе придется отвезти меня в больницу.

Она пугается:

— Папа забрал машину.

— Вызови такси.

— А как же Кэл?

— Он спит.

Мама растерянно кивает: вся эта процедура ей неведома.

— Напиши ему записку.

— Мы не можем оставить его одного!

— Мам, ему одиннадцать лет, он почти взрослый.

Секунду мама колеблется, а потом ищет в записной книжке телефон такси. Я рассматриваю ее лицо, но мне трудно сосредоточиться. Помню только выражение страха и смущения. Я закрываю глаза и представляю себе мать, которую видела в каком-то фильме. Она жила на горе; у нее было ружье и куча ребятишек. Она вела себя спокойно и уверенно. Я примериваю ее образ к собственной маме, точно заклеиваю пластырем ранку.

Когда я снова открываю глаза, мама, зажав в руке полотенце, тянет меня за рукав куртки.

— Тебе, наверно, нельзя спать, — предполагает она. — Давай поднимайся. Ой, звонок.

Жар застилает глаза, я иду как во сне. Мама поддерживает меня. Мы вместе ковыляем в прихожую. Я слышу, как стена мне что-то шепчет.

Но это не такси. Это Адам. Он оделся для свидания. Я пытаюсь спрятаться, улизнуть в гостиную, но он меня видит.

— Боже, Тесс! — выдыхает он. — Что случилось?

— Кровь течет из носа, — поясняет мама. — Мы думали, приехало такси, а это ты.

— Вам надо в больницу? Я отвезу вас на папиной машине.

Адам входит в дом и хочет меня обнять, как будто мы сейчас пойдем и сядем в его машину. Как будто он повезет меня в больницу. Я закапаю кровью всю обивку, но ему все равно. Я похожа на жертву автокатастрофы. Неужели он не понимает, что ему нельзя видеть меня такое?

Я отталкиваю Адама:

— Иди домой.

— Я отвезу вас в больницу, — настаивает он, будто я не расслышала с первого раза или, может, поглупела от крови.

Мама берет его за руку и мягко подводит к двери.

— Мы справимся, — уверяет она.

— Все будет хорошо. Ой, смотрите, подъехало такси.

— Я хочу быть рядом с ней.

— Я понимаю, — кивает мама. — Но ничего не могу поделать. Извините.

Когда я прохожу мимо него по дорожке, Адам ловит мою руку.

— Тесс, — окликает он.

Я не отвечаю. Даже не оборачиваюсь. Голос его так звонок, что если я обернусь, то могу передумать. Найти перед смертью любовь, чтобы тут же от нее отказаться, — на редкость злая шутка. Но я должна это сделать. Так лучше для нас обоих. Иначе будет еще больнее, чем сейчас.

Мама стелет полотенце на заднее сиденье такси, проверяет, пристегнуты ли ремни, и уговаривает водителя круто развернуться у нашей калитки.

— Хорошо, — хвалит его мама, — а теперь жмите на газ.

Кажется, будто она заимствовала эту фразу из какого-то фильма.

Стоя у калитки, Адам провожает нас взглядом и машет рукой. Мы отъезжаем, и его фигурка становится все меньше.

— Какой добрый мальчик, — замечает мама.

Я закрываю глаза. Кажется, будто я куда-то проваливаюсь.

Мама толкает меня локтем:

— Не спи.

В окне прыгает луна. В свете фар — туман.

Мы думали пойти потанцевать. Я собиралась снова попробовать спиртное. Хотела забраться на стол и распевать веселые песни. Потом мы бы перелезли в парке через забор, стянули лодку и катались по озеру. Я мечтала вернуться к Адаму домой, тайком пробраться в его комнату и заняться с ним любовью.

— Адам, — шепчу я еле слышно. Но его имя, как и все остальное, заливают кровь.

В больнице меня сажают в кресло-каталку, говорят, что у меня экстренный случай и увозят из приемной. Мы минуем заурядных жертв пьяных драк, наркотиков и полуночных семейных скандалов и мчимся по коридору в отделение для более тяжелых пациентов.

Как ни странно, больничная иерархия действует на меня успокаивающе. Это точный слепок с общества — мир, который существует по своим законам, где каждый занимает определенное место. В травматологии лежат юные владельцы быстрых машин с паршивыми тормозами. Мотоциклисты, не вписавшиеся в поворот.

В операционных — жертвы неосторожного обращения с духовым ружьем, а также те, на кого по дороге домой напал маньяк. И еще пострадавшие от несчастных случаев — ребенок, чьи волосы затянуло в эскалатор, женщина, попавшая в грозу в лифчике на косточках.

На койках в дальнем конце больницы — пациенты с головной болью, которая никак не проходит. С отказавшими почками, сыпью, шероховатыми родимыми пятнами, опухолью груди, жутким кашлем. В отделении Марии Кюри на пятом этаже лежат дети, больные раком. Их тела медленно и тихо пожирает болезнь.

А выше — морг, где в ящиках-холодильниках лежат мертвецы, к чьим ногам привязаны бирки с именами.

Палата, в которую меня привезли, светлая и стерильная. Я оглядываю кровать, умывальник, доктора и медсестру.

— Наверно, она хочет пить, — предполагает мама. — Тесса потеряла столько крови. Может, дать ей попить?

Доктор жестом отменяет это предложение:

— Нам нужно тампонировать ее нос.

— Тампонировать?

Медсестра подводит маму к стулу и садится рядом с ней.

— Доктор вставит ей в нос марлевые тампоны, чтобы остановить кровотечение, — поясняет она. — Вы можете остаться.

Я дрожу. Медсестра приносит одеяло и укутывает меня до подбородка. Я вздрагиваю.

— Кто-то думает о тебе, — замечает мама. — Поэтому ты и вздрагиваешь.

А я всегда считала, что это значит, будто кто-то в другой жизни стоит на твоей могиле.

Врач зажимает мне нос, заглядывает в рот, щупает горло и шею сзади.

— Мэм, — окликает он.

Мама вздрагивает и выпрямляется:

— Вы мне?

— Раньше были симптомы тромбоцитопении?

— Что, простите?

— Она жаловалась на головную боль? Вы не замечали мелких синяков?

— Я не смотрела.

Доктор вздыхает, мгновенно догадавшись, что для мамы этот язык — тарабарщина, но, как ни странно, продолжает в том же стиле:

— Когда ей в последний раз делали переливание тромбоцитарной массы?

Мама все больше теряет:

— Не знаю.

— Она принимала аспирин?

— Извините, я не в курсе.

Я решаю вмешаться. У мамы не так много сил, и, окончательно запутавшись, она может просто уйти.

— Последнее переливание тромбоцитарной массы делали двадцать первого декабря, — сообщаю я скрипучим голосом. В горле булькает кровь.

Доктор бросает на меня хмурый взгляд:

— Вам нельзя говорить. Мэм, идите сюда, возьмите дочь за руку.

Мама послушно присаживается на краешек кровати.

— Если да, сожмите мамину руку один раз, — поясняет доктор. — Если нет, два раза. Понятно?

— Да.

— Тс-с-с, — шипит он. — Жмите. Не разговаривайте.

Мы возвращаемся к прежним вопросам — синяки, головные боли, аспирин, — но на этот раз мама знает ответ.

— Использовали «Бонджелу» или «Тиджел?» — спрашивает доктор.

Я дважды сжимаю мамину руку.

— Нет, — отвечает за меня мама. — Не использовали.

— Противовоспалительные?

— Нет, — говорит мама и смотрит мне в глаза. Наконец-то мы с ней говорим на одном языке.

— Хорошо, — резюмирует доктор. — Сейчас я вставлю вам в нос марлевый тампон. Если не поможет, тампонируем глубже. Если кровотечение не прекратится, придется прижигать. Вам раньше делали прижигание?

Я так сильно стискиваю руку мамы, что она морщится.

— Да.

Ужасно больно. От меня потом неделю воняло горелым мясом.

— Нужно проверить уровень тромбоцитов, — продолжает доктор. — Не удивлюсь, если он ниже двадцати. — Он треплет меня по прикрытому одеялом колену. — Делать нечего, придется потерпеть. Да уж, выдалась вам ночька.

— Ниже двадцати? — эхом повторяет мама.

— Наверно, придется перелить пару единиц, — поясняет доктор. — Не волнуйтесь, это займет от силы час.

Пока врач засовывает мне в нос тампоны, я стараюсь думать о самых простых вещах — о стуле, двух белых березах в саду Адама, о том, как их листья трепещут на солнце.

Но у меня не получается.

Такое ощущение, что я проглотила гигиеническую прокладку; у меня пересохло во рту и трудно дышать. Я смотрю на маму и замечаю только, что ее мутит и поэтому она отвернулась. Почему мне кажется, будто я старше собственной матери? Я закрываю глаза, чтобы не видеть ее слабость.

— Вам неприятно? — интересуется доктор. — Мэм, не могли бы вы ее отвлечь?

Лучше бы он этого не говорил. Что она может? Станцует нам? Спойет? Наверно, покажет свой коронный номер с исчезновением и улизнет за дверь.

Молчание длится долго. И вдруг:

— Помнишь, как мы впервые ели устриц и твоего папу стошнило в мусорный бак на конце пирса?

Я открываю глаза. От ее слов в палате становится светлей. Улыбается даже медсестра.

— Они пахли морем, — продолжает мама. — Помнишь?

Помню. Мы заказали четыре устрицы, по одной на каждого. Мама откинула голову и моментально проглотила свою устрицу целиком. Я тоже. А папа стал жевать устрицу, и она застряла у него между зубов. Он умчался на пир, держась за живот, а когда вернулся, залпом осушил банку газировки. Кэлу устрицы тоже не понравились.

— Наверно, они больше подходят для женщин, — предположила мама и купила нам еще по одной.

Мама описывает приморский городок, отель, короткую дорогу на пляж, вспоминает дни, когда солнце грело и сияло.

— Тебе там очень нравилось, — рассказывает мама. — Ты часами собирала ракушку, гальку. А один раз обвязала веревкой палку, прибитую морем к берегу, и целый день водила ее за собой по пляжу, представляя, что это твоя собачка.

Медсестра смеется ее словам, и мама улыбается.

— Ты была такой выдумщицей, — признается мама, — с тобой было так легко.

Если бы мне можно было говорить, я бы спросила у нее: почему же тогда она меня бросила? Наверно, она наконец рассказала бы о мужчине, ради которого ушла от папы. Быть может, она поведала бы мне о неземной любви, и я бы ее поняла.

Но мне нельзя говорить. В горле пересохло и горит. И вместо того чтобы задать вопрос, я слушаю мамины воспоминания о том, как светило солнце, о давно минувших днях, ушедшей красоте. Мне интересно. Мама — прекрасная рассказчица. Кажется, даже доктор заслушался. В ее историях небо переливается светом и мы целыми днями любимся резвящимися в море

дельфинами.

— Кислород, — командует врач и подмигивает мне, будто предлагает косяк. — Прижигать не будем. Готово.

Он о чем-то совещается с медсестрой, на пороге поворачивается и прощально машет рукой.

— Лучший пациент за ночь, — признается он и кивает маме. — Вы тоже держались молодцом.

— Ну и ночка! — вздыхает мама, когда мы наконец садимся в такси, чтобы ехать домой. — Я рада, что ты была со мной.

Мама смущается — она польщена.

— Едва ли от меня был толк.

Дорогу заливают первые лучи солнца. В такси холодно, воздух разрежен, как в церкви.

— Держи, — произносит мама и укутывает мне плечи своим пальто. — Жмите на газ, — говорит она водителю, и мы обе хихикаем.

Мы возвращаемся той же дорогой. Мама болтает, не умолкая, рассказывает, что собирается делать весной и на Пасху. Ей хочется больше времени проводить у нас. Пригласить на ужин старых друзей. Может, даже устроить в мае вечеринку на мой день рождения.

Похоже, она не лукавит.

— Представляешь, — тараторит мама, — каждый вечер, когда с рынка уносят прилавки, я прихожу и подбираю овощи и фрукты. Иногда выбрасывают целые ящики манго. А на той неделе я нашла целых пять морских окуней. Они просто лежали на полу в пакете. Если складывать все в папин холодильник, наберется уйма еды для вечеринок и званых ужинов, причем твоему отцу это не будет стоить ни пенса.

Она увлеченно рассуждает об играх и коктейлях, о музыкальных группах и конференсье, о том, что хорошо бы снять зал в местном культурном центре и украсить его серпантинном и воздушными шарами. Я пододвигаюсь ближе и кладу голову маме на плечо. Все-таки я ее дочь. Я сижу тихо, как мышка: мне хочется, чтобы эти минуты длились вечно. Мамин рассказ и теплое пальто убаюкивают меня.

— Смотри-ка, — произносит она. — Надо же.

Я с трудом открываю глаза:

— Что?

— Вон, на мосту. Этого раньше не было.

Мы стоим на светофоре у вокзала. Даже в этот ранний час здесь кипит жизнь; такси высаживают пассажиров, намеревающихся опередить час пик. А высоко над шоссе, на мосту, за ночь расцвели буквы. Прохожие поглядывают на них. Шаткая Т, зубчатая Е и четыре переплетенных изгиба в двойной S. Замыкает слово гигантская А.

— Какое совпадение, — замечает мама.

Но я знаю, что это не так.

Телефон у меня в кармане. Пальцы сжимаются и разжимаются.

Наверняка он сделал это прошлой ночью. Вероятно, было темно. Он забрался на стену, уселся верхом, а потом наклонился.

У меня сжимается сердце. Я достаю телефон и пишу: «ТЫ ЖИВ?»

Свет меняется с желтого на зеленый. Такси катит по мосту, выезжает на главную улицу.

Половина седьмого. Проснулся ли он? А вдруг он потерял равновесие и свалился на шоссе?

— О боже! — восклицает мама. — Ты везде!

Железные решетки магазинов на главной улице еще опущены, на окнах не поднимали веки-жалюзи; все спят. Везде написано мое имя. Я на газетном киоске Эйджея. Но дорогих ставнях

магазина диетических продуктов. Крупными буквами начертана на магазине мебели «У Хэнди», «Королевском жареном цыпленке» и кафе «Барбекю»; вытянулась во весь тротуар от банка до магазина для мам и малышей. Мне принадлежит дорога и светящийся круг на кольцевой развязке.

— Чудеса! — шепчет мама.

— Это Адам.

— Наш сосед? — изумленно переспрашивает она, как будто услышала что-то сверхъестественное.

Пищит мобильный: «ЖИВ. А ТЫ?»

Я смеюсь во все горло. Когда вернусь, постучусь к нему и попрошу прощения. Он улыбнется мне, как вчера, когда нес по дорожке садовый мусор, увидел, что я на него смотрю и бросил: «Что, не можешь без меня?». Я рассмеялась, потому что так оно и было, но от того, что Адам произнес это вслух, стало легче.

— Это сделал Адам? — мама дрожит от восторга. Она всегда была очень романтичной.

Я пишу в ответ: «И Я ЖИВА. ЕДУ ДОМОЙ».

Как-то раз Зои спросила меня о самом счастливом дне в моей жизни, и я рассказала, как мы с подругой Лоррейн учились стоять на руках. Мне было восемь лет, на следующий день должна была состояться школьная ярмарка, и мама пообещала купить мне шкатулку. Я валялась на траву, держала Лоррейн за руку, и у меня от счастья кружилась голова. Мне казалось, что мир прекрасен.

Зои сказала, что я чокнутая. Но именно тогда я впервые по-настоящему осознала, как счастлива.

Поцелуи и секс с Адамом затмили это воспоминание. А еще он сделал мне сюрприз. Он прославил меня. Написал мое имя повсюду. Я целую ночь провела в больнице, где мне в нос засовывали вату. В руках у меня бумажный пакетик с антибиотиками и болеутоляющими, рука ноет от переливания двух единиц тромбоцитов через катетер. Но, как ни странно, я на седьмом небе от счастья.

Тридцать

— Я хочу, чтобы Адам переехал жить к нам.

Папа, моющий посуду в раковине, поворачивается ко мне; с его рук на пол капает мыльная пена. Он ошеломленно смотрит на меня:

— Ты шутишь!

— Я серьезно.

— И где же он будет спать?

— В моей комнате.

— Тесс, я никогда на это не соглашусь! — Он поворачивается обратно к раковине, гремит мисками и тарелками. — Это очередной пункт из твоего списка? Чтобы твой парень переехал к нам жить?

— Его зовут Адам.

Папа качает головой:

— Даже не думай.

— Тогда я перееду к нему.

— Думаешь, его мама на это согласится?

— Тогда мы сбежим в Шотландию и поселимся на какой-нибудь ферме. Это тебе больше понравится?

Папа поворачивается ко мне с перекошенным от гнева ртом:

— Тесс, я сказал «нет».

Ненавижу, когда он демонстрирует, кто здесь хозяин, как будто тут нечего обсуждать, потому что он так сказал. Я с топотом поднимаюсь по лестнице к себе в комнату и хлопаю дверь. Папа думает, что все дело в сексе. Неужели он не видит, что все намного сложнее? Что мне безумно трудно его просить?

Три недели назад, в конце января, Адам снова катал меня на мотоцикле — быстрее и дальше, чем раньше. Мы отправились на границу с Кентом, где болотистая равнина переходит в побережье. Четыре ветряные турбины в море вращали призрачными лопастями.

Адам запускал по воде плоские камешки, а я, сидя на гальке, рассказывала, что список разрастается, ускользает от меня.

— Я так многого хочу. Десяти пунктов уже недостаточно.

— Расскажи, — попросил Адам.

Сначала было легко. Я говорила не умолкая. Весна. Тюльпаны и нарциссы. Поплывать под синим и спокойным вечерним небом. Долгая поездка на поезде, павлин, воздушный змей. Еще одно лето. Но я так и не отважилась признаться в том, чего мне хотелось сильнее всего.

В тот вечер он пошел домой. Каждый вечер он уходит домой, чтобы ухаживать за мамой. Он спит в каком-нибудь метре от меня, за стеной, по ту сторону шкафа.

На следующий день Адам принес билеты в зоопарк. Мы поехали на поезде. Смотрели на волков и антилоп. Павлин развернул для меня изумрудно-аквамариновый хвост. Мы пообедали в кафе; Адам взял мне фрукты — черный виноград, сочные ломтики манго.

Спустя несколько дней он отвел меня в открытый бассейн с подогревом. Поплавав, мы усадились на бортик, завернувшись в полотенце, и болтали в воде ногами. Мы попивали горячий шоколад и смеялись над вскрикивающими от холода детишками.

Однажды утром Адам принес мне вазу с крокусами.

— Весна, — объявил он.

Он отвез меня на мотоцикле на наш холм. Купил в газетном киоске карманного змея, и мы вместе его запускали.

День за днем мне казалось, будто кто-то разобрал мою жизнь на части, тщательно отполировал каждый кусочек, а потом аккуратно собрал в одно целое.

Но мы ни разу не были вместе ночью.

А потом, в День святого Валентина, у меня началась анемия, хотя с последнего переливания крови прошло всего двенадцать дней.

— Отчего это? — спросила я врача.

— Вы приближаетесь к черте, — пояснил он.

Мне стало труднее дышать. Углубились тени под глазами. Губы стали похожи на пластиковый козырек под калиткой.

Вчера я проснулась в два часа ночи. У меня ломило ноги; кровь стучала в них, как при зубной боли. Перед сном я выпила парацетамол, и нужно было принять кодеин. По пути в туалет я проходила мимо папиной спальни; дверь была открыта и я увидела маму. Ее волосы рассыпались по подушке, а папа заботливо ее обнял. За последние две недели мама третий раз оставалась ночевать.

Я стояла на площадке, гладела на спящих родителей и отчетливо понимала, что больше не могу находиться в темноте.

Мама поднимается по лестнице и садится на мою кровать. Стоя у окна, я гляжу в сумерки. Небо затаилось; облака повисли низко и словно чего-то ждут.

— Я слышала, ты хочешь, чтобы Адам переехал сюда, — произносит Адам.

Я пишу свое имя на запотевшем стекле. Отпечатки на стекле возвращают меня в детство.

— Может, папа и согласится, чтобы Адам иногда оставался на ночь, — продолжает мама, — но он никогда не позволит Адаму здесь жить.

— Папа обещал помочь со списком.

— Он и помогает. Он ведь купил билеты на Сицилию, разве не так?

— Потому что хочет побыть неделю с тобой! Я оборачиваюсь к ней; мама бросает на меня хмурый взгляд, как будто впервые меня увидела. — Он так сказал?

— Он в тебя влюблен, это же очевидно. Тем более путешествия в моем списке больше нет.

Мама изумляется:

— Я думала, путешествие было седьмым пунктом.

— Я обменяла его на ваше с папой примирение.

— Ох, Тесса!

Странно. Кому, как не ей, знать, что такое любовь. Я скрещиваю руки на груди:

— Расскажи мне о нем.

— О ком?

— О мужчине, ради которого ты нас бросила.

Мама качает головой:

— Почему ты об этом вспомнила?

— Потому что ты утверждала, будто у тебя не было выбора. Разве не так?

— Я говорила, что несчастна.

— Многие несчастны, но они не бросают семью.

— Тесса, пожалуйста, мне не хочется об этом говорить.

— Мы тебя любили.

Множественное число. Прошедшее время. Но все равно слишком громкие слова для такой маленькой комнатки.

Мама поднимает на меня глаза; у нее бледное, худое лицо.

— Простите меня.

— Вероятно, ты любила его больше всех на свете. И он был просто замечательный, самый лучший.

Мама не отвечает.

Все просто. Такая большая любовь. Я отворачиваюсь к окну:

— Если так, ты должна понять, что я чувствую к Адаму.

Мама поднимается и подходит ко мне. Она не трогает меня, но придвигается очень близко.

— Он испытывает к тебе такие же чувства?

— Не знаю.

Мне хочется довериться ей, сделать вид, что все будет хорошо. Но я лишь стираю свое имя со стекла и гляжу в темноту. До чего же на улице мрачно.

— Я поговорю с папой, — обещает она. — Он укладывает Кэла спать, а потом я поведу его в бар выпить пива. Вы справитесь одни?

— Я позову Адама. Приготовлю ему ужин. — Вот и славно.

Мама поворачивается, идет к двери, но на пороге останавливается:

— Тесса, тебе хочется радоваться и наслаждаться жизнью, но имей в виду-другие люди не всегда могут дать тебе то, что ты хочешь.

Я отрезаю на разделочной доске четыре толстых ломтя хлеба и кладу на гриль. Достая из корзины для овощей помидоры. Адам стоит, прислонившись к раковине, и смотрит на меня; я прикладываю помидоры к груди и, пританцовывая, возвращаюсь с ними к столу.

Адам смеется. Я режу помидоры и укладываю на гриль рядом с тостами. Вынимаю из буфета терку, а из холодильника сыр и, пока готовятся тосты, натираю сыр на разделочную доску. Я знаю, что между моей футболкой и поясом брюк есть просвет. И там, где спина переходит в ягодицы, виден изгиб — единственный, что у меня остался. Когда я переступаю с ноги на ногу, изгиб приоткрывается, и Адам его замечает.

Натерев сыр, я неторопливо облизываю пальцы, и Адам реагирует ровно так, как я думала. Он подходит сзади и целует меня в шею.

— Знаешь, о чем я думаю? — шепчет он.

— О чем?

Хотя я и так знаю.

— Я тебя хочу. — Он разворачивает меня к себе и целует в губы. — Сильно.

Он произносит это с таким видом, будто не может поверить, что так захвачен своим чувством. Мне все это нравится. Я прижимаюсь к Адаму.

— Знаешь, чего я хочу? — отвечаю я.

— Чего?

Он улыбается, как будто знает, что я скажу. Я хочу, чтобы его улыбка длилась вечно.

— Тебя.

И правда. И ложь.

Я выключаю газ, и мы поднимаемся ко мне. Тост обуглился. От запаха гари у меня тоскливо на душе.

В объятиях Адама я забываю обо всем. Но потом, когда мы молча лежим рядом, я снова вспоминаю об этом.

— Мне снятся плохие сны, — признаюсь я.

Адам гладит меня по боку, по бедру. У него теплая и твердая рука.

— Какие?

— В них я куда-то иду.

Я шагаю босиком по полям на край света. Я перелезаю через заборы и пробираюсь сквозь высокую траву. Каждую ночь я захожу все дальше. Прошлой ночью я очутилась в лесу — мрачном и редком. По другую сторону леса протекала река. Все было в тумане. Рыба в реке не водилась, а когда я переходила ее вброд, у меня под ногами хлюпала грязь.

Адам проводит пальцем по моей щеке. Потом прижимает меня к себе и целует. В щеку. В подбородок. В другую щеку. В губы. Очень нежно.

— Если бы я мог, я бы пошел с тобой.

— Там очень страшно.

Он кивает:

— Я ничего не боюсь.

Я это знаю. Кто бы еще отважился со мной связываться?

— Адам, я хочу попросить тебя кое о чем.

Он молчит. Его голова покоится рядом с моей на подушке. Адам спокойно смотрит на меня. Мне трудно. Не могу подобрать слова. Кажется, будто книги на полке над нами вздыхают и шуршат страницами.

Адам садится на кровати и протягивает мне ручку:

— Напиши на стене.

Я оглядываю все, что нацарапала за долгие месяцы. Каракули желаний. А сколько я могла бы добавить! Общий счет в банке и чтобы мы вместе пели в ванной и я годами слушала, как он храпит.

— Давай, — подбадривает меня Адам. — Мне скоро уходить.

Его слова возвращают меня на землю; словно эхо, они напоминают мне о том, чем я хотела бы заняться, и о краях, где хотела бы побывать. Я берусь за перо. «Я хочу, чтобы ты переехал ко мне. Я хочу, чтобы ночью ты был рядом», — еле разборчиво царапаю на стене. Наверно, Адам не сможет прочесть. Потом я прячусь под одеяло.

Молчание.

— Тесс, я не могу.

Я выныриваю из-под одеяла. В темноте мне не видно его лица — лишь отблеск света в глазах. Быть может, в них сияют звезды. Или луна.

— Потому что не хочешь?

— Я не могу оставить маму одну.

Ненавижу его мать. Линии ее лба, морщины вокруг глаз. Ненавижу ее загнанный взгляд. Она потеряла мужа. Но все остальное при ней.

— Ты можешь приходить, когда она уляжется спать.

— Нет.

— Ты же ее не спрашивал!

Адам вылезает из кровати, не дотрагиваясь до меня, и одевается. Жаль, что я не могу размазать раковые клетки по его заднице. Я бы достала его изнутри, и он бы навеки стал моим. Приподняв ковер, я бы спрятала его под пол, затащила в подвал. Мы бы занимались там любовь при червях, и мои пальцы проникали бы ему под кожу.

— Я не дам тебе покоя, — заявляю я. — Буду висеть у тебя над душой. Закашлявшись, ты будешь каждый раз вспоминать меня.

— Хватит морочить мне голову, — отвечает он.

И уходит.

Я хватаю свою одежду и несусь за ним. Адам снимает с перил куртку. Я слышу, как он пересекает кухню и открывает заднюю дверь.

Я догоняю его на крыльце. Впереди, в саду, кружат огромные снежинки. Наверно, снег пошел, когда мы отправились наверх. Засыпало дорожку и траву. В небе белым-бело. Тишина. Мир съежился и затих.

— Ты хотела снег.

Адам протягивает ладонь, ловит снежинку и показывает мне. Снежинка самая настоящая; в младших класса я вырезала такие из салфеток и наклеивала на окна. Мы смотрим, как снежинка тает в его ладони.

Я беру куртку. Адам приносит мои ботинки, шарф и шапку, помогает спуститься с крыльца. Изо рты у меня идет пар. Снег валит так сильно, что мгновенно заметает наши следы.

Снег на лужайке глубже и скрипит под ногами. Мы вместе пересекаем снежную новизну. Мы вытаптываем свои имена, стараясь продавить снег до травы. Но наши следы заносит.

— Смотри, — говорит Адам.

Он ложится на спину и машет руками и ногами. Вскрикивает, когда холодный снег попадает за шиворот, касается щек. Потом вскакивает на ноги и отряхивает брюки.

— Это тебе, — поясняет Адам. — Снежный ангел.

И бросает на меня взгляд — в первый раз с тех пор, как я написала на стене. У него грустные глаза.

— Ты когда-нибудь пробовал снежное мороженое? — спрашиваю я.

Я посылаю Адама в дом за тарелкой, сахарной глазурью, ванилью и ложкой. Он послушно набирает в тарелку снега, смешивает все ингредиенты. Получается бурое месиво со странным вкусом. Совсем не такое, как мне запомнилось в детстве.

— Может, нужно добавить йогурт и апельсиновый сок?

Адам убегает в дом. Возвращается. Пробуем опять. Несъедобно. Адам хохочет.

— У тебя красивый рот, — признаюсь я.

— Ты дрожишь, — отвечает Адам. — Возвращайся-ка ты в дом.

— Без тебя ни за что.

Он смотрит на часы.

— Знаешь, что такое снеговик в пустыне? — спрашиваю я.

— Тесс, мне нужно идти.

— Лужа.

— Я серьезно.

— Куда ты пойдешь? Кругом метель. Я заблужусь и не дойду до дома.

Я растегиваю молнию. Куртка распахивается, сползает с плеча. Совсем недавно Адам долго-долго целовал это самое плечо. Он закрывает глаза. На его веки падает снег.

— Тесс, чего ты хочешь? — наконец произносит он.

— Чтобы ты остался со мной на ночь.

— Нет, чего ты на самом деле хочешь?

Я знала, что он все поймет.

— Я хочу, чтобы ты был со мной в темноте. Обнимал. Любил меня. Успокаивал, когда мне страшно. Подошел к самому краю и заглянул в пропасть.

Адам пристально смотрит на меня:

— А если я все испорчу?

— Куда уж хуже.

— А если я не справлюсь?

— Справишься.

— А вдруг я испугаюсь?

— Какая разница. Я просто хочу, чтобы ты был со мной.

Адам вглядывается в меня через зимний сад. У него ярко-зеленые глаза. В них я вижу расстилающееся перед ним будущее. Не знаю, что он видит в моих. Но он смелый. Я всегда это знала. Адам берет меня за руку и уводит в дом.

Наверху все куда тяжелее. Меня сковывает страх: кажется, будто я прилипла к кровати, и она меня засасывает. Адам долго-долго раздевается и встает передо мной в трусах.

— Можно к тебе?

— Только если ты этого хочешь.

Адам закатывает глаза, давая понять, что я невыносима. Так сложно получить то, что хочешь. А вдруг люди соглашаются со мной лишь потому, что чувствуют свою вину? Мне же нужно, чтобы Адам сам хотел быть со мной. Как отличить одно от другого?

— Наверно, нужно сказать твоей маме, — предполагаю я, едва он укладывается рядом со мной.

— Завтра скажу. Ничего с ней не будет.

— Ты же правда остался не потому, что тебе меня жалко, правда?

Он качает головой:

— Хватит, Тесс. Сколько можно.

Мы укутываемся в одеяло, но дрожь никак не унимается: наши ноги и руки как ледышки. Чтобы согреться, мы сучим ногами. Адам растирает, поглаживает меня. Обнимает. Я чувствую, как его член твердеет. Смеюсь. Адам тоже смеется, но как-то нервно, будто я смеюсь над ним.

— Ты меня хочешь? — спрашиваю я.

Он улыбается:

— Я тебя всегда хочу. Но уже поздно, тебе пора спать.

От снега улица ослепительно-белая. Свет льется в окно. Засмотревшись на отблеск и мерцание на коже Адама, я засыпаю.

Когда я просыпаюсь, стоит ночь. Адам спит. Волосы чернеют на подушке, рука обнимает меня, словно пытаюсь удержать. Адам вздыхает, замирает, ворочается, сопит. Он крепко спит, витает в каком-то своем мире, оставаясь при этом здесь, со мной. И почему-то это меня успокаивает.

Хотя ноги от его присутствия болеть не перестали. Я выползаю из-под одеяла, закутываюсь в плед и бреду в ванную за кодеином.

Выйдя из ванной, я вижу в коридоре папу в халате. Я совсем забыла о его существовании. Папа стоит босиком. Пальцы его ног кажутся очень длинными и серыми.

— Похоже, ты стареешь, — говорю я. — Старики часто просыпаются по ночам.

Папа плотнее запахивает халат:

— Я знаю, что Адам у тебя.

— А у тебя мама.

Это важный аргумент, но папа его игнорирует:

— Ты привела его без моего разрешения.

Я упираю взгляд в ковер и мечтаю, чтобы папа поскорее успокоился. Кажется, будто мои ноги пухнут, словно кости увеличиваются в размерах. Я шаркаю ногами.

— Тесс, я не собираюсь портить тебе настроение, но я обязан о тебе заботиться, и я не хочу, чтобы тебе было больно.

— Запоздалые опасения.

Я пошутила, но папа не улыбнулся:

— Адам еще ребенок. Ты не можешь во всем на него рассчитывать: а вдруг он не оправдает твоих ожиданий?

— Едва ли.

— А если нет?

— На этот случай у меня есть ты.

Так странно стоять, обнявшись, в темном коридоре. Мы сжимаем друг друга крепко, как никогда. Наконец папа отпускает меня и пристально смотрит мне в глаза:

— Тесса, для тебя я готов на все, чтобы ты ни сделала, что бы ни выкинула в будущем, на какие бы фокусы ни толкнул тебя твой дурацкий список. Просто знай это.

— Там почти ничего не осталось.

Пункт девять — чтобы Адам переехал к нам. Это куда больше, чем секс. Это страх смерти, когда вы один на один. Но теперь мне не страшно ложиться в кровать: ведь меня там ждет Адам.

Папа чмокает меня в макушку:

— Ладно, иди.

И заходит в ванную.

А я возвращаюсь к Адаму.

Тридцать один

Весна — настоящее чудо.

Синева. Высоко в небе пушистые облака. Наконец-то тепло.

— Утром свет был другой, — делюсь я с Зои. — Он меня разбудил.

Зои ерзает в шезлонге:

— Везет тебе. А меня разбудила судорога в ноге.

Мы сидим под яблоней. Зои захватила с дивана плед и закуталась в него, а мне не холодно.

Стоит один из приятных мартовских деньков, когда кажется, будто земля клонится вперед. Лужайка усеяна маргаритками. У забора вытянулись пучки тюльпанов. Сад даже пахнет иначе — таинственно и влажно.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Зои. — У тебя странный вид.

— Я концентрируюсь.

— На чем?

— На знаках.

Зои тихонько вздыхает, берет у меня с колен туристический проспект и перелистывает страницы.

— Пытка, конечно, но посмотрю пока вот это. Скажи, когда закончишь.

Я никогда не закончу.

Эта прореха в облаках, сквозь которую падает свет.

Эта птица медного цвета, по прямой пересекающая небо.

Повсюду знаки. Они меня оберегают.

Кэл теперь тоже верит в знаки, хотя и более утилитарно. Он называет их «заклинания, прогоняющие смерть».

Над всеми дверями и с четырех сторон от моей кровати он развесил чеснок. На переднюю и заднюю калитки прикрепил таблички «НЕ ВХОДИТЬ».

Вчера вечером, когда мы смотрели телевизор, он связал нам ноги скакалкой. Казалось, будто мы собираемся участвовать в парном забеге.

— Пока ты привязана ко мне, тебя никто не заберет, — заявил Кэл. — А если тебя заберут вместе со мной?

Он пожал плечами, словно его это не волнует.

— На Сицилии тебя тоже не заберут — просто не будут знать, где ты.

Завтра мы улетаем. Целая неделя на солнце.

Я дразню Зои проспектом, провожу пальцем по пляжу с черным вулканическим песком, по морю, окруженному горами, по кафе и площадям. На некоторых фотографиях на заднем плане маячит вулкан Этна, огнедышащий и величественный.

— Вулкан действующий, — сообщаю я. — По ночам он искрится, а когда льет дождь, все покрывается пеплом.

— Но ведь дождя не будет, верно? Там небось градусов тридцать. — Зои захлопывает брошюру. — Поверить не могу, что твоя мама отдала билет Адаму.

— Папе тоже не верится.

Зои на мгновение задумывается.

— Их примирение тоже было в списке?

— Седьмым пунктом.

— Ужас. — Зои бросает проспект на траву. — Мне так тоскливо.

— Это из-за гормонов.

— Ты не поверишь, до чего тошно.

— Ну да. Это гормоны.

Зои с надеждой смотрит в небо, потом стремительно поворачивается ко мне и улыбается:

— Я тебе говорила, что переезжаю через три недели?

Разговоры о квартире всегда ее ободряют. Местный совет решил выдать ей субсидию. Зои сообщает, что обменяет чеки на краску и обои. Она оживляется, описывая стенную роспись, которую хочет сделать в спальне, и плитку с тропическими рыбками в ванной.

Она еще что-то говорит, но ее бока почему-то начинают ходить ходуном. Я пытаюсь сосредоточиться на ее планах по поводу кухни, но Зои дрожит, как в мареве.

— С тобой все нормально? — спрашивает она. — У тебя снова этот странный вид.

Я выпрямляюсь и массирую голову. Концентрируюсь на боли в глазах и пытаюсь ее прогнать.

— Позвать твоего папу?

— Нет.

— Принести воды?

— Нет. Сиди здесь. Я сейчас вернусь.

— Ты куда?

Я не вижу Адама, но я его слышу. Он вскапывает клумбы, чтобы его мама в наше отсутствие могла сажать цветы. Я слышу, как его ботинок со стуком упирается в лопату, как скрежещет влажная земля.

Я пролезаю в дыру в заборе. Слышен шепот растений — распускаются почки, прорастают нежные зеленые листья.

Адам снял свитер и остался в майке и джинсах. Вчера он подстригся; наклон его шеи, плавно переходящей в плечо, невыразимо прекрасен. Заметив, что я за ним наблюдаю, Адам ухмыляется, кладет лопату и подходит ко мне:

— Привет!

Я тянусь к нему в надежде, что мне станет лучше. Он теплый. Кожа соленая и пахнет солнцем.

— Я тебя люблю.

Молчание. Изумление. Неужели я это хотела сказать?

Он улыбается своей асимметричной улыбкой:

— И я тебя люблю, Тесс.

Я зажимаю ему рот ладонью:

— Если это неправда, не говори.

— Это правда.

От его дыхания мои пальцы становятся влажными. Он целует мою ладонь.

Я прячу эти мгновения в сердце — его рот под моей рукой, его губы на моих губах. Они нужны мне, как талисманы, чтобы пережить невозможное путешествие.

Адам проводит пальцем по моей щеке от виска до подбородка, потом по губам:

— Ты в порядке?

Я киваю.

Он смотрит на меня с недоумением:

— Ты какая-то притихшая. Я приду, когда закончу, и, если хочешь, съездим на мотоцикле попрощаться на недельку с нашим холмом.

Я киваю. Конечно, хочу.

Адам целует меня на прощание. От него пахнет сливочным маслом.

Пролезая обратно в дыру, я цепляюсь за забор. Птица высвистывает затейливую мелодию. Папа стоит на заднем крыльце с ананасом в руке. Добрые знаки. Нечего бояться.

Я возвращаюсь в шезлонг. Зои притворяется, будто спит, но, когда я сажусь, приоткрывает один глаз:

— Вот интересно, влюбилась бы ты в него, если б не болезнь?

— Конечно.

— Джейк красивее.

— Адам намного приятнее.

— Наверняка он тебя иногда бесит. Несет чушь или пристаёт, когда тебе не хочется секса.

— Нет.

Зои бросает на меня сердитый взгляд:

— Может, он вообще не парень?

Ну как ей объяснить? Рассказать, как уютно его рука обнимает меня ночью за плечи? Как от часа к часу меняется его дыхание, так что я узнаю по нему рассвет? Проснувшись, он меня целует. Мое сердце все еще стучит, потому что он кладет руку мне на грудь.

По дорожке подходит папа с ананасом:

— Иди в дом. Филиппа пришла.

Но внутрь идти не хочется. Мне душно в четырех стенах. Хочется остаться под яблоней, на весеннем воздухе.

— Пап, попроси ее выйти сюда.

Он пожимает плечами и уходит в дом.

— У меня должны взять анализ крови, — поясняю я Зои.

Она морщит нос:

— Ладно, я все равно замерзла.

Филиппа натягивает стерильные перчатки:

— Ты по-прежнему вся в любви?

— Завтра у нас юбилей.

— Десять недель? Что ж, любовь творит чудеса. Я буду советовать всем своим пациентам влюбиться.

Она поднимает мою руку вверх и протирает катетер марлевым тампоном.

— Вещи собрала?

— Пару платьев. Бикини и сандалии.

— И все?

— А что мне еще нужно?

— Во-первых, хотя бы лосьон от солнца, панамку и теплую кофту! Мне не улыбается лечить тебя по возвращении от ожога.

Мне нравится, как она возится со мной. Уже много недель она моя постоянная медсестра. Думаю, я ее любимая пациентка.

— Как поживает Энди?

Филиппа устало улыбается:

— Всю неделю валяется с простудой. Разумеется, он утверждает, что это грипп. Ты же знаешь мужчин.

Вообще-то нет, но я все равно киваю. Интересно, любит ли ее муж, хорошо ли ей с ним, млеет ли он в ее крепких объятиях.

— Филиппа, а почему у вас нет детей?

Набирая кровь в шприц, она пристально смотрит мне в глаза:

— Слишком страшно. Я бы этого не вынесла.

Она набирает еще один шприц крови, переливает в пробирку, промывает катетер физраствором с гепарином, убирает вещи в саквояж и поднимается на ноги. На мгновение мне кажется, что Филиппа наклонится и обнимет меня, но нет.

— Хорошо тебе съездить, — желает она. — Не забудь отправить мне открытку.

Я провожаю ее глазами. На крыльце она оборачивается и машет рукой.

Из дома выходит Зои.

— Что они ищут у тебя в крови?

— Патологические изменения.

Она кивает с умным видом и садится обратно в шезлонг.

— Кстати, твой папа готовит обед. Скоро принесет сюда.

Танцует лист. По лужайке ползет тень.

Повсюду знаки. Одни я выдумываю. Другие мне сами являются.

Зои хватает мою ладонь и прижимает к своему животу:

— Она ворочается! Положи сюда руку. Нет, вот сюда. Чувствуешь?

Ребенок двигается медленно, словно крутит самое ленивое сальто на свете. Мне не хочется убирать руку. Пусть ребенок толкнется еще.

— Ты первая, кто почувствовал, что она ворочается. Ты ведь почувствовала, правда?

— Правда.

— Представь ее себе, — настаивает Зои. — Ну представь.

Я часто думаю о ней. Я нарисовала девочку на стене над кроватью. Рисунок так себе, но все пропорции соблюдены — ножки, животик, окружность головы.

Десятый пункт моего списка. Лорен Тесса Уокер.

— Позвоночник уже образовался, — рассказываю я Зои. — Тридцать три позвонка, сто пятьдесят суставов и тысяча связок. Глазки открыты, ты знала это? И сетчатка сформировалась.

Зои моргает, словно ей не верится, что кто-то может это знать. Я умалчиваю, что ее собственное сердце работает в два раза быстрее обычного, пропуская шесть литров крови в минуту. Она бы наверняка перепугалась.

По дорожке подходит папа.

— Все готово.

Он ставит поднос на траву. Авокадо и кресс-салат. Ананас и дольки киви. Тарелка красной смородины.

— Значит, бургеров нам не видать? — любопытствует Зои.

Папа бросает на нее хмурый взгляд, понимает, что она шутит, и усмехается:

— Я за косилкой.

Он уходит в сарай.

В дырку в заборе пролезают Адам с мамой.

— Хорошая сегодня погода, правда? — говорит Салли.

— Весна, — отвечает Зои. Ее рот набит кресс-салатом.

— Еще нет. Часы не переводили.

— Значит, просто плохая экология.

Салли выглядит встревоженной.

— По радио сказали, если мы откажемся от машин, то человечество выиграет еще тысячу лет жизни на земле.

Адам смеется и бренчит ключами от машины:

— Значит, в магазин пойдем пешком?

— Нет, я хочу купить рассаду. Мы ее не донесем.

Адам качает головой.

— Через час вернемся.

Мы провожаем их взглядом. У калитки Адам мне подмигивает.

— Нет, это невыносимо, — замечает Зои.

Не обращая на нее внимания, я отправляю в рот дольку киви. У нее непривычный вкус. По небу несутся облака, как весенние ягнята в странном голубом поле. Солнце то скрывается за тучкой, то снова выходит. Все постоянно меняется.

Папа вытаскивает из сарая газонокосилку, обмотанную старыми полотенцами, словно для того, чтобы она не замерзла во время зимней спячки. Когда-то папа истово ухаживал за садом, сажал и подрезал, подвязывал ветки веревочками и всячески соблюдал порядок. Сейчас все заросло: трава заляпана грязью, розы того и гляди продырявят сарай.

Косилка не заводится, и мы смеемся. Папа не обижается — только пожимает плечами, словно и не собирался косить лужайку. Он уходит в сарай, возвращается с секатором и начинает подрезать ежевику на изгороди.

— Я тебе рассказывала про группы для несовершеннолетних беременных? — спрашивает Зои. — Там поят чаем с тортом и показывают, как менять пеленки и всякое такое. Я думала, скучища, но оказалось весело.

Небо пересекает самолет, оставляя дымный след. Второй самолет перечеркивает крест-накрест след первого. Самолеты не падают.

— Ты меня слушаешь? — спрашивает Зои. — А то по тебе непохоже.

Я тру глаза, стараясь сосредоточиться. Она рассказывает, что подружилась с какой-то девушкой... кажется, у них совпадают сроки... и что-то еще об акушерке. Голос Зои звучит гулко, как из подземелья.

Я замечаю, как оттопыривается пуговка рубашки у нее на животе.

На дорожку садится бабочка и расправляет крылья. Нежится на солнце. Слишком рано для бабочек.

— Ты точно слушаешь?

В калитку заходит Кэл. Бросает велосипед на лужайку и дважды обегает вокруг сада.

— Ура, каникулы! — вопит он, забирается от радости на яблоню, вклинивается между двумя ветками и сидит там, точно эльф.

Ему приходит эсэмэска; сквозь молодую листву видно, как загорается голубок экранчик телефона. Я вспоминаю сон, который видела несколько дней назад: каждый раз, когда я открывала рот, у меня из горла исходило голубое сияние.

Кэл отвечает на эсэмэску и мгновенно получает ответ. Смеется. Приходит следующее сообщение, потом еще одно, словно на дерево садится стая птиц.

— Седьмой класс победил! — радостно объявляет Кэл. — Мы устроили в парке перестрелку с десятиклассниками из водных пистолетов и победили!

Кэл учится в средних классах. Кэл с друзьями и новым мобильником. Кэл с длинными волосами, которые отрастил, чтобы походить на скейтера.

— Чего уставилась?

Он показывает мне язык, спрыгивает с дерева и убегает в дом.

Сад погружается в тень. Сыро. Ветер гонит по дорожке фантик от конфеты.

Зои ежится.

— Пожалуй, мне пора.

— Она обнимает меня так, будто боится, что кто-то из нас упадет.

— Ты вся горящая. Все в порядке?

Папа провожает ее до калитки.

Из дырки в заборе вылезает Адам.

— А вот и я. — Он подтягивает шезлонг поближе ко мне и садится. — Мама скупил полмагазина. Потратила уйму денег. Но она прямо загорелась. Собирается выращивать всякие травы.

Заклятия, прогоняющие смерть. Крепко держать любимого за руку.

— Что с тобой?

Я кладу голову ему на плечо. Такой чувство, будто я чего-то жду.

До меня доносятся звуки — еде слышный звон тарелок на кухне, шелест листьев, рев двигателя вдалеке.

Солнце растаяло и холодно стекает за горизонт.

— Ты горячая. — Адам щупает мой лоб, проводит ладонью по щеке, трогает шею. — Посиди-ка.

Он бежит по дорожке к дому.

Планета вращается, ветер продувает кроны деревьев.

Мне не страшно.

Дышать, просто дышать. Вдох-выдох.

Земля почему-то несется навстречу, но лучше не вставать. Лежа на земле, я мысленно повторяю свое имя. Тесса Скотт. Хорошее имя в три слога. Каждые семь лет наш организм меняется, каждая его клетка обновляется. Каждые семь лет мы исчезаем.

— Боже! Она вся горит!

Надо мной мерцает папино лицо.

— Звони в «скорую»! — доносится откуда-то издалека его голос.

Я пытаюсь улыбнуться. Поблагодарить его за то, что он здесь, но почему-то никак не получается соединить слова в предложение.

— Тесс, не закрывай глаза. Ты меня слышишь? Не уходи!

Я киваю, и небо с тошнотворной скоростью вертится над головой, будто я лечу с крыши.

Тридцать два

Смерть приковала меня к больничной койке, впиалась когтями в грудь, караулит. Я не думала, что будет так больно. Что смерть перечеркнет все хорошее, что было в моей жизни.

Все происходит прямо сейчас не понарошку и сколько бы они не обещали меня помнить это ничего не меняет ведь я даже не узнаю забыли меня или нет.

В углу комнаты появляется черная дыра, и ее заволакивает туман, словно ткань, ниспадающая с ветвей дерева.

Откуда-то издалека до меня доносится собственный стон. Я не хочу это слышать. На меня давит бремя взглядов. Медсестра переглядывается с доктором, доктор — с папой. Их приглушенные голоса. Из папиного горла хлещет ужас.

Не сейчас. Не сейчас.

Я стараюсь думать о цветке. Белом цветке в кружащемся голубом небе. Насколько малы люди, насколько уязвимы по сравнению со скалами, звездами.

Заходит Кэл. Я его помню. Мне хочется его успокоить. Чтобы он заговорил нормальным голосом и рассмешил меня. Но Кэл стоит возле папы, маленький и тихий, и шепчет:

— Что с ней?

— У нее инфекция.

— Она умрет?

— Ей дали антибиотики.

— Значит, поправится?

Молчание.

Это неправильно. Все должно быть иначе. Не вдруг, как под колесами машины. Не этот странный жар, как будто у меня внутри сплошной синяк. Лейкоз прогрессирует постепенно. Я должна слабеть, пока мне наконец не станет все равно.

Но мне не все равно. Когда же оно наступит, это безразличие?

Я стараюсь думать о простых вещах — вареной картошке, молоке. Но в голову лезет всякая жуть — пустые деревья, тарелки с пылью. Заострившийся, побелевший подбородок.

Мне хочется признаться папе, что я ужасно боюсь, но говорить — все равно что пытаться выбраться из цистерны с маслом. Слова появляются неведь откуда, темные и скользкие.

— Держи меня.

— Я с тобой.

— Я падаю.

— Я здесь. Я тебя держу.

Но в его глазах испуг, лицо вялое, как у столетнего старика.

Тридцать три

Я просыпаюсь в цветах. Вазы тюльпанов, гвоздики, как на свадьбе; на тумбочке возле кровати пенится гипсофила.

Я просыпаюсь и вижу папу, которые по-прежнему держит меня за руку.

Все предметы в комнате удивительны — кувшин, вон тот стул. Небо за окном ярко-голубое.

— Тебе не мучает жажда? — спрашивает папа. — Хочешь пить?

Я хочу мангового сока. И побольше. Он подсовывает подушку мне под голову и держит стакан, пока я пью. Не отрываясь, смотрит мне в глаза. Я глотаю сок. Папа дает мне перевести дух и снова наклоняет стакан. Когда я напиваюсь, вытирает мне рот салфеткой.

— Как с ребенком, — замечаю я.

Папа молча кивает. На его глазах проступают слезы.

Я засыпаю. И снова просыпаюсь. На этот раз мне хочется есть.

— Дашь мне мороженого?

Папа с улыбкой откладывает книгу:

— Сейчас.

Вскоре он возвращается с клубничным мороженым. Он оборачивает палочку салфеткой, чтобы не капало, и я сама держу его и ем. Объедение. Я поправляюсь на глазах. Не думала, что мое тело на это способно. Мне ясно, что с клубничным эскимо в руке я не умру.

— Пожалуй, я могу съесть еще одно.

Папа заявляет, что если я хочу, то могу съесть хоть полсотни. Вероятно, он забыл, что мне нельзя сахар и молочные продукты.

— У меня для тебя сюрприз. — Папа роется в кармане пиджака и выуживает оттуда магнит на холодильник. Сердечко, крашеной в красный цвет и кое-как покрытое лаком. — Его сделал Кэл. Он передает тебе привет.

— А мама?

— Заглядывала пару раз. Но ты была очень слаба, и посетителей почти не пускали.

— Значит, Адам не приходил?

— Еще нет.

Я дочиста вылизываю палочку мороженого. Дерево царапает язык.

— Принести еще? — спрашивает папа.

— Нет. А теперь иди.

Папа приходит в замешательство:

— Куда?

— Я хочу, чтобы ты встретил Кэла из школы, отвел его в парк и поиграл с ним в футбол. Купил ему чипсов. Потом вернешься и расскажешь, как вы погуляли.

Папа смущенно смеется:

— Я вижу, ты проснулась не в духе!

— Позвони Адаму. Пусть придет днем.

— Какие еще пожелания?

— Передай маме, я хочу, чтобы она сделала мне подарок — купила дорогой сок, кучу журналов и косметики. Если ей на меня наплевать, то пусть хоть закупит мне всего.

Папа бодро берет листок бумаги и записывает название тонального крема и губной помады, которые я попросила. Он спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь еще, и я заказываю булочки с черникой, шоколадное молоко и шесть шоколадных яиц. В конце концов, Пасха не за горами.

Папа трижды целует меня в лоб и обещает скоро вернуться.

Когда он уходит, на подоконник садится птичка. Она ничем не примечательна — не гриф, не феникс, а самый обычный скворец. Заходит медсестра, поправляет простыни, наливает воду в кувшин. Я показываю ей птичку и в шутку говорю, что это дозорный смерти. Она цыкает на меня и советует не искушать судьбу.

Но птица настораживается и смотрит прямо на меня.

— Еще не пора, — говорю я ей.

Приходит доктор.

— Что ж, — начинает он, — в конце концов мы выбрали правильный антибиотик.

— В итоге, а не в конце.

— Жаркие выдались деньки.

— Неужели?

— Я имею в виду, для вас. Такая сильная инфекция, как правило, вызывает бред.

Пока врач выслушивает мне стетоскопом, я читаю на значке его имя. Доктор Джеймс Уилсон. Он примерно одних лет с моим отцом. Брюнет; волосы на макушке редуют. Худее папы. Выглядит устало. Врач осматривает мои руки, ноги и спину — нет ли подкожного кровотечения? Потом садится на стул у кровати и делает пометки в истории болезни.

Доктора ожидают от пациентов вежливости и благодарности. Это упрощает им работу. Но сегодня у меня нет желания соблюдать приличия.

— Сколько мне осталось?

Доктор удивленно поднимает глаза.

— Давайтеждемся вашего отца и тогда все обсудим.

— Зачем?

— Чтобы мы вместе решили, как вас дальше лечить.

— Но болею я, а не папа.

Врач убирает ручку в карман. На его лице выступают желваки.

— Тесса, я не собираюсь обсуждать с вами возможные сроки. Это не имеет смысла.

— Для меня имеет.

Не то чтобы я настолько расхрабрилась. Это не новогодние зароки. Просто у меня под мышкой катетер, и я потеряла несколько дней жизни на больничной койке. И мне совершенно очевидно, что важно, а что нет.

— Через два месяца моя лучшая подруга родит — мне нужно знать, доживу ли я.

Доктор скрещивает ноги и тут же выпрямляет. Мне его немного жаль. Не каждый день врачам приходится иметь дело со смертью.

— Было бы неверно вас обнадеживать. Но расстраиваться раньше времени тоже не стоит.

— Пусть так. Все равно вы знаете больше, чем я. Ну пожалуйста, Джеймс.

Медсестрам запрещено называть врачей по имени, и в обычной ситуации я бы тоже на это не осмелилась. Но что-то изменилось. Умирать-то мне. И я имею право знать когда.

— Если вы ошибетесь, я не стану предъявлять вам претензий.

Доктор мрачно усмехается:

— Хотя нам удалось победить инфекцию и вам явно стало лучше, анализ крови не дал полной картины, так что пришлось еще кое-что обследовать. Когда вернется ваш отец, мы вместе обсудим результаты.

— Вы нашли что-то в периферической крови?

— Тесса, мы с вами не очень хорошо друг друга знаем. Не лучше ли дождаться вашего отца?

— Нет. Скажите мне.

Он глубоко вздыхает, как будто ему не верится, что он готов сдаться.

— Да, у вас поражена периферическая нервная система. Мне очень жаль.

Вот и все. Рак изрешетил меня своими пулями, прикончил иммунную систему, и теперь врачи бессильны. Каждую неделю у меня брали кровь на анализ — проверяли, нет ли поражения нервов. И наконец нашли.

Я всегда думала, что, когда мне скажут наверняка, у меня перехватит дыхание, как от удара в живот. Что боль будет тупой. Но я ошибалась. Боль острая. Сердце колотится, перегоняя адреналин. Я держу себя в руках.

— Папа знает?

Доктор кивает:

— Мы собирались вместе вам об этом сказать.

— И какой у меня выбор?

— Тесса, у вас поражена иммунная система. Выбор невелик. Если хотите, может продолжать переливания крови, но едва ли этого хватит надолго. Если сразу после трансфузии у вас начнется анемия, нам придется прекратить процедуры.

— И что тогда?

— Тогда мы постараемся сделать все возможное, чтобы вы чувствовали себя хорошо, и оставим вас в покое.

— А нельзя каждый день переливать кровь?

— Нет.

— Значит, я не протяну и двух месяцев?

Доктор Уилсон смотрит мне в глаза:

— В лучшем случае.

Я знаю, что похожа на груды костей, обтянутых липкой пленкой. Я вижу по глазам Адама, что он потрясен.

— Ты меня помнишь не такой, да?

Он наклоняется и целует меня в щеку:

— Ты красавица.

Но мне кажется, что именно этого он всегда боялся: делать вид, что я ему нравлюсь, когда я подурнею окончательно и расклеюсь.

Он принес мне тюльпаны из своего сада. Я засовываю их в кувшин с водой. Адам просматривает открытки с пожеланиями выздоровления. Мы болтаем о всяких пустяках — о том, как принялись растения, которые они с мамой купили в садоводческом центре, о том, что его мама теперь проводит больше времени на свежем воздухе и наслаждается весенними деньками. Адам бросает взгляд в окно и что-то шутит о том, какой чудный вид открывается из окна на стоянку машин.

— Адам, я не хочу, чтобы ты себе врал.

Он хмурится, будто не понимает, о чем речь.

— Не надо делать вид, что я тебе нравлюсь. Мне такая анестезия не нужна.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не хочу, чтобы ты притворялся.

— Я не притворяюсь.

— Я тебя не виню. Ты же знал, что я так расклеюсь. А дальше будет только хуже.

Адам на мгновение задумывается, потом сбрасывает кроссовки.

— Что ты делаешь?

— То, чего мне по-настоящему хочется.

Он откидывает одеяло и ложится рядом со мной. Обнимает меня, прижимает к себе.

— Я люблю тебя, — сердито шепчет он мне в шею. — У меня разрывается сердце, но я все равно тебя люблю. И не смей возражать мне, что это неправда. Никогда так не говори!

Я кладу ладонь на его щеку, и он прижимается к моей руке. Мне приходит в голову, что Адам одинок.

— Прости, я была неправа!

— Еще бы!

Он не смотрит на меня, и похоже, едва сдерживает слезы.

Адам проводит со мной целый день. Мы смотрим MTV, потом он читает оставленную папой газету, а я дремлю. Мне снится Адам, несмотря на то что он здесь, рядом со мной. Мы бредем куда-то по снегу, но почему-то нам жарко и мы в купальниках. Мы идем глухими тропами, мимо заснеженных деревьев, по извилистой дороге, у которой нет конца.

Проснувшись, я понимаю, что проголодалась, и отправляю Адама еще за одним клубничным мороженым. Едва он уходит, как я начинаю по нему скучать. Кажется, будто больница опустела. Как такое может быть? Я сцепляю пальцы под одеялом и не расплетаю, пока Адам не ложится рядом.

Он разворачивает эскимо и протягивает мне. Я кладу мороженое на тумбочку:

— Потрогай меня.

Адам смущается:

— Мороженое растает.

— Ну пожалуйста.

— Я лежу рядом. Я прикасаюсь к тебе.

Я кладу его руку к себе на грудь:

— Вот так.

— Тесс, не надо, я могу сделать тебе больно.

— Нет.

— А если войдет медсестра?

— Мы запустим в нее судном.

Адам нежно сжимает через пижаму мою грудь.

— Вот так?

Он касается меня бережно, словно я драгоценность, словно он очарован мной, восхищен моим телом — даже сейчас, когда оно слабеет. Его кожа соприкасается с моей, и мы оба вздрагиваем.

— Я хочу заняться любовью.

Он замирает:

— Когда?

— Когда вернусь домой. Еще хоть один раз перед смертью.

Его взгляд меня пугает. Я еще никогда не видела у Адама такого выражения лица. В нем столько искренности и мудрости, будто он видел то, чего и представить нельзя.

— Обещаю.

Тридцать четыре

Они смеются, как дежурные. Каждое утро приходит папа. Днем появляется Адам. Вечером возвращаются папа с Кэлом. Время от времени забегает мама; на второй раз у нее хватает сил высидеть до конца переливания крови.

— Уровень гемоглобина и тромбоцитов повышается, — произнесла мама, когда меня подключили к аппаратуре.

Мне приятно, что она знает названия.

Но прошло десять дней. Я даже Пасху пропустила. Столько времени-впустую.

Каждую ночь, лежа на узкой больничной койке, я мечтаю об Адаме. Я хочу лежать, переплестя свои ноги с его, и чувствовать его тепло.

— Я хочу домой, — заявляю я медсестре.

— Еще рано.

— Мне уже лучше.

— Не настолько.

— Чего вы ждете? Что я выздоровею?

Каждое утро восходит солнце и в городе гаснут огни. По небу летят облака, бурный поток машин вливается на стоянку, затем она пустеет, солнце снова ухает за горизонт, и заканчивается еще один день. Течет время. Течет кровь.

Я собираю сумку и одеваюсь. Сажусь на кровать, стараясь принять бодрый вид. Я жду Джеймса.

— Я еду домой, — сообщаю я, когда он просматривает мою карту.

Он кивает, словно ожидал этого:

— Вы твердо решили?

— Вполне. Я скучаю по свежему воздуху. — Я указываю за окно — вдруг он слишком занят, чтобы заметить мягкий свет и облака в голубом небе?

— Тесса, чтобы анализ крови не ухудшился, нужно соблюдать строгий режим.

— Разве я не могу соблюдать его дома?

Доктор бросает на меня серьезный взгляд:

— Чтобы вести привычный вам образ жизни, необходимы медицинские процедуры, которые отнимают много времени и сил. Как часто и в каком объеме они вам нужны — об этом можете судить только вы. Вы уверены, что больше не хотите продолжать лечение?

Я вспоминаю комнаты в нашем доме, цвет ковров и занавесок, расстановку мебели. Мне безумно хочется пройти из своей спальни вниз по лестнице, через кухню, в сад. Я хочу проделать этот путь. Посидеть в шезлонге на лужайке.

— Последнего переливания хватило всего на три дня.

Врач сочувственно кивает:

— Я знаю. Увы.

— Сегодня утром мне сделали еще одно. Как думаете, насколько его хватит?

Он вздыхает:

— Понятия не имею.

Я разглаживаю простыню ладонью:

— Я хочу домой.

— Давайте обсудим это с городским управлением здравоохранения. Если они гарантируют ежедневный посещения медсестер, тогда, быть может, мы вернемся к этому разговору. — Врач

вешает мою карту обратно на спинку кровати. — Я позвоню им и зайду, когда вернется ваш отец.

После его ухода я считаю до ста. На столе пасется муха. Я протягиваю палец, чтобы коснуться ее хрупких крылышек. Муха чувствует мое приближение, с жужжанием перелетает на лампу и кружится вокруг нее. Мне ее не достать.

Я надеваю куртку, накидываю на плечи шарф и беру сумку. Дежурная медсестра даже не замечает, как я прохожу мимо нее и сажусь в лифт.

Спустившись на первый этаж, я пишу Адаму эсэмэску: «ПОМНИШЬ, ЧТО ТЫ МНЕ ОБЕЩАЛ?»

Я хочу умереть по-своему. Это моя болезнь, моя смерть, мой выбор.

Вот что значит принимать все как есть.

До чего приятно идти. Просто переставлять ноги, следуя за желтой линией на полу в коридоре до самой регистратуры. Как весело проходить сквозь вращающуюся дверь, делая внутри два круга — в честь гения, который ее изобрел. Как здорово дышать свежим воздухом. Сладким, прохладным, потрясающим свежим воздухом.

У ворот стоит киоск. Я покупаю шоколадку «Дейри милк» и пачку жевательных конфет «Чуитс». Когда я расплачиваюсь, продавщица смотрит на меня как-то странно. Наверное, после всех лечебных процедур от меня исходит тусклое свечение, и некоторые люди его видят, точно неоновую лампу, вспыхивающую с каждым моим шагом.

Глазая по сторонам, я бреду к стоянке такси. Я замечаю камеру слежения на фонарном столбе, которая вращается вокруг своей оси, слышу треньканье мобильных телефонов. Я шепчу «Прощайте», — и кажется, будто больница удаляется; тень от платанов заволакивает ее окна темнотой.

Мимо, стуча высокими каблучка, неспешной проходит девушка; от нее пахнет жареным цыпленком. Девушка облизывает жирные пальцы. Какой-то мужчина с плачущим ребенком на руках орут в мобильный телефон: «Нет, черт возьми, я не могу тащить еще и картошку!»

Мы вписываемся в схемы. Включаемся в какие-то моменты. Иногда мне кажется, что, кроме меня, этого никто не замечает.

Мы стоим в обычной для обеденного времени пробке, и я делюсь с таксистом шоколадкой. Он признается, что сегодня работает в две смены, а на дороге, по его мнению, слишком много машин. Он удрученно машет рукой. Мы ползем к центру.

— Когда все это кончится? — вопрошает таксист.

Чтобы подбодрить его, я протягиваю ему «Чуитс». Потом набираю Адаму эсэмэску: «НАДО ДЕРЖАТЬ СЛОВО».

Погода меняется; солнце скрылось за облаками. Я открываю окно. Холодный апрельский воздух обжигает легкие.

Водитель в нетерпении барабанит пальцами по рулю:

— Ну все, встали напрочь!

А мне нравится скопление машин, попытки водителей просунуться вперед, глухое урчание автобусного мотора, вой сирены неотложки вдалеке. Мне нравится ползти по главной улице-так медленно, что я успеваю разглядеть нераспроданные пасхальные яйца в витрине газетного киоска и окурки, сметенный в аккуратную кучку у входа в «Жаренный цыпленок» Я вижу детей со странными игрушками в руках: один сжимает медведя, другой — осьминога. А под колесами коляски возле магазина для мам и малышек я замечаю свое имя. Буквы полиняли, но по-прежнему маячат на тротуаре до самого банка.

Я набираю номер Адама. Он не берет трубку, и я оставляю ему сообщение: «Я ТЕБЯ ХОЧУ». Так просто.

На развязке поперек дороги, мерцающая синей мигалкой, стоит «скорая» с распахнутыми дверями. Свет мигалки отражается даже в низких облаках. На дороге под покрывалом лежит женщина.

— Вы только посмотрите, — произносит водитель.

На женщину глазают все — люди в других машинах, офисный служащие, выскочившие купить себе на обед сэндвич. Лица женщины не видно, но из-под покрывала торчат ее ноги в колготках. Ступни в туфлях вывернуты под странным углом. Под женщиной собралась лужа темной, как дождь, крови.

Таксист ловит мой взгляд в зеркале:

— Поневоле задумаешься, правда?

— Да. Все не понарошку. Жизнь и смерть.

У меня горят подошвы; кровь приливает к щиколоткам и бьется в икрах, когда я стучусь к Адаму. Салли приоткрывает дверь и выглядывает в щелку. Меня вдруг охватывает любовь к этой женщине.

— Адам дома?

— Ты разве не в больнице?

— Уже нет.

Она смущается.

— Он не говорил, что тебя выписывают.

— Это сюрприз.

— Еще один?

— Она вздыхает, открывает дверь чуть шире и бросает взгляд на часы:

— Он вернется не раньше пяти.

— Пяти?

Нахмурясь, она смотрит на меня:

— У тебя все в порядке? Нет. Пять — слишком поздно. У меня может начаться анемия.

— А где он?

— Уехал на поезде в Ноттингем. Его пригласили на собеседование.

— Куда?

— В университет. Он хочет с сентября пойти учиться.

Сад плывет у меня перед глазами.

— Похоже, ты удивлена не меньше меня.

Я засыпала в его объятиях на больничной койке. Просила: «Потрогай меня», и он меня ласкал. Говорил, что любит. «Не смей мне возражать, что это неправда». Он дал мне слово.

Я бреду по дорожке к калитке. Начинается дождь. Чудесный серебристый дождь — будто нити паутины льются с неба.

Тридцать пять

Я срываю с вешалки в гардеробе платье и прорезаю ниже пояса зияющую дыру. Ножницы острые, резать легко: металл скользит, как по воде. На голубом платье с запахом появляется прореха через всю грудь. Я кладу оба платья на кровать, словно пару больных друзей, и разглаживаю ладонь.

Не помогает.

Дурацкие джинсы, которые я купила с Кэлом, мне все равно не подошли, и я отхватываю штанины на коленях. Я отрываю карманы всех своих тренировочных брюк, дырявлю футболки и сваливаю в кучу рядом с платьями.

С ботинками я вожусь целую вечность. Болят руки, я задыхаюсь. Но утром мне сделали переливание, и сейчас в моих жилах бьется чья-то горячая кровь, поэтому я не сдаюсь. Я разрезаю каждый ботинок вдоль. Два жутких разреза.

Мне хочется избавиться от всего. Жить в пустой комнате.

Я открываю окно и вышвыриваю ботинки. Они приземляются на лужайку.

Небо затянуто низкими серыми тучами. Накрапывает мелкий дождик.

Мокрый сарай. Мокрая трава. Ржавеет передвижная решетка для барбекю.

Я вытаскиваю из шкафа всю оставшуюся одежду. Легкие хрипят, но я не останавливаюсь. Я разрываю куртки в клочья; пуговицы разлетаются по комнате. Я режу на куски свитера. От брюк остаются одни лохмотья. Я выставляю ботинки на подоконник и отрезаю у них языки.

Так уже лучше. Я чувствую прилив сил.

Я сгребаю в охапку разложенные на кровати платья. И выбрасываю вместе с ботинками в окно. Они падают во двор и лежат под дождем.

Я проверяю телефон. Ни сообщения. Ни пропущенных звонков.

Ненавижу свою комнату. Все вещи с ней связаны с какими-то воспоминаниями. Фарфоровая вазочка Сент-Айвза. Коричневая керамическая банка, в которой мама держала печенье. Спящая в тапочке собачка, которая раньше стояла на камине. Мое зеленое стеклянное яблоко. Все отправляется на лужайку, кроме собачки, которая вдребезги разбивается о забор.

Я вышвыриваю из окна книги, и они раскрываются на лету, хлопая крыльями страниц, точно экзотические птицы. Страницы рвутся и трепещут. Видео — и компакт-диски перелетают через забор на соседний участок, как фрисби. Пусть Адам после моей смерти ставит их своим новым друзьям из университета.

Одеяло, простыни, покрывало — все летит вниз. Пузырьки с лекарствами, все коробочки с прикроватной тумбочки, шприцевой насос, крем «Дипробейз» для сухой кожи, крем на водной основе. Моя шкатулка.

Я испарываю диванную подушку, усеяв пол полистиреновыми шариками, и выбрасываю пустую наволочку под дождь. Сад захламлен. Но вещи прорастут. Появятся брючные деревья. Вьющиеся книжные кустарники. Чуть погода я тоже выброшусь из окна и пушу корни в теньке у сарая.

От Адама по-прежнему ни слуху ни духу. Я швыряю телефон через забор.

Телевизор тяжелый, как машина. От него болит спина. Горят ноги. Я волоку его по ковру. Задохнувшись, останавливаюсь. Комната качается. Вдох. Вдох. Ты можешь. Не останется ничего.

Так, телевизор на подоконник.

И вниз.

Он с грохотом рушится на лужайку и взрывается. Осколки пластика и стекла разлетаются во

все стороны.

Вот так. Ничего не осталось. Все кончено.

Папа врывается в комнату и замирает с открытым ртом.

— Ты чудовище, — шепчет он.

Я зажимаю уши.

Он подходит и берет меня за руки. У него изо рта пахнет застоявшимся табачным дымом.

— Ты хочешь оставить меня ни с чем?

— Здесь никого не было!

— И ты решила разнести дом?

— Где ты был?

— В магазине. Потом поехал в больницу навестить тебя, но ты исчезла. Мы чуть с ума не сошли.

— Мне плевать!

— А вот мне не наплевать! Ты же валишься с ног!

— Это мой организм. Я могу делать что хочу!

— Значит, тебе теперь наплевать на свой организм?

— Он мне надоел! Мне тошнит от докторов, игл, анализов и переливаний крови. Я устала быть день за днем прикованной к кровати, в то время как вы все живете своей жизнью. Ненавижу! Ненавижу вас всех! Адам уехал на собеседование в университет, ты знал об этом? Он будет жить еще много лет, будет делать все, что пожелает, а я через пару недель буду лежать под землей!

Папа плачет. Он падает на кровать, закрывает лицо руками и всхлипывает. Я не знаю, что делать. Почему он оказался слабее меня? Я сажусь рядом с ним и трогаю его за колено:

— Пап, я не вернусь в больницу.

Он вытирает нос рукавом рубашки и смотрит на меня. Он похож на Кэла.

— Ты правда больше не хочешь лечиться?

— Правда.

Я обнимаю папу, и он кладет мне голову на плечо. Я глажу его по голове. Такое ощущение, что мы плывем на лодке. Нас даже обдувает ветерок из открытого окна. Мы сидим так долго-долго.

— Как знать, вдруг, оставшись дома, я не умру.

— Было бы здорово.

— Сдам все экзамены на пятерки. Поступлю в университет.

Папа вздыхает, растягивается на кровати и закрывает глаза:

— Хорошая мысль.

— Устроюсь на работу, и, быть может, когда-нибудь у меня будут дети — Честер, Мерлин и Дейзи.

Папа приоткрывает глаза:

— Да поможет им Бог!

— Ты станешь дедушкой. Мы будем тебя часто навещать. Много лет мы будем приезжать к тебе в гости, пока тебе не стукнет девяносто.

— А потом что? Перестанете приезжать?

— Нет, потом ты умрешь. Раньше меня. Как и полагается.

Папа молчит. Просочившаяся в окно темнота касается тенью его руки, и кажется, что ее нет.

— Ты будешь жить не здесь, а в каком-нибудь домике у моря. У меня будут ключи, потому что я буду все время тебя навещать, и однажды я, как обычно, войду в дом и увижу, что занавески задернуты, а почта лежит на коврике у двери. Я начну тебя искать, поднимусь в спальню и с облегчением увижу, что ты мирно спишь. Я громко рассмеюсь. Но, отдернув

занавески, замечу, что у тебя синие губы. Я дотронуся до твоей щеки; холодная. И руки холодные. Я окликну тебя, но ты меня не услышишь, не откроешь глаза.

Папа садится на кровати. Он снова плачет. Я обнимаю его и похлопываю по спине:

— Прости. Я тебя напугала?

— Нет-нет. — Он отстраняется, вытирает глаза рукой. — Пойду-ка я лучше приберусь в саду, пока не стемнело. Ты ведь посидишь одна?

— Конечно.

Я наблюдаю за ним в окно. Дождь льет как из ведра; папа надел резиновые сапоги и куртку с капюшоном. Захватил из сарая метлу и тачку. Натянул садовые перчатки. Вот он подбирает с лужайки телевизор. Заметает осколки стекла. Складывает книги в картонную коробку. Собирает с забора вырванные страницы, которые трепещут на ветру.

Возвращается Кэл в школьной форме, с рюкзаком и велосипедом. Он выглядит крепким и здоровым. Папа подходит и обнимает его.

Кэл бросает велосипед и помогает папе прибирать на лужайке. Он похож на кладоискателя: он поднимает каждое найденное кольцо над головой и рассматривает его на свету. Вот он нашел серебряное кольцо, подаренное мне на прошлый день рождения, и мой амберлитовый браслет. Потом он подбирает всякую чепуху — улитку, перышко, камешек. Находит грязную лужицу и шлепает по ней. Папа смеется. Отпирается на метлу и хохочет во все горло. Кэл тоже хохочет.

Дождь неслышно стучит в стекло, размывая их очертания.

Тридцать шесть

— Ты хоть собирался мне об этом сказать?

Адам сидит, примостившись на краешке стула. Он бросает на меня угрюмый взгляд:

— Я не знал как.

— Значит, нет.

Он пожимает плечами:

— Пару раз я пытался. Но мне казалось, что это нечестно. Как я смею жить какой-то своей жизнью?

Я сажусь в кровати:

— У тебя хватает наглости жалеть себя за то, что ты останешься один?

— Нет.

— Потому что если ты хочешь умереть, то у меня есть план. Мы поедем на мотоцикле. Заметив, что на повороте нам навстречу едет грузовик, ты разгонишься побыстрее, и мы умрем вместе — море крови, общие похороны, наши кости сплетутся навеки. Как тебе мысль?

В глазах Адама мелькает такой ужас, что я лопаюсь от смеха. Он с облегчением ухмыляется в ответ. Кажется, будто рассеялся туман и в комнате вошло солнце.

— Адам, давай забудем об этом. Просто так неудачно совпало, вот и все.

— Но ты повыбрасывала все из окна!

— Не только из-за тебя.

Он откидывает голову на спинку стула и закрывает глаза:

— Я знаю.

Папа сказал ему, что я больше не вернусь в больницу. Теперь об этом знаю все. Утром придет Филиппа, и мы решим, что делать. Хотя, мне кажется, тут нечего особо обсуждать. Сегодняшнее переливание уже почти не действует.

— Как все прошло в университете?

Адам пожимает плечами:

— Огромное пространство, куча зданий. Я немного растерялся.

Но он полон надежд. Я вижу это по его глазам. Он сел на поезд и поехал в Ноттингем. Он много где побывает без меня.

— Так познакомился там с девушками?

— Нет!

— Разве в университет поступают не за этим?

Адам поднимается со стула, пересаживается на кровать и бросает на меня серьезный взгляд:

— Я хочу поступить туда потому, что до встречи с тобой моя жизнь была полным дерьмом. И я не собираюсь оставаться здесь, когда тебя не станет, не хочу как ни в чем не бывало жить с мамой. Если бы не ты, мне бы и в голову не пришло пойти в университет.

— Да ты наверняка забудешь меня к концу первого семестра.

— Вот уж нет.

— Это почти неизбежно.

— Хватит! Неужели, чтобы ты мне поверила, я должен сделать что-то безрассудное?

— Да.

Он усмехается.

— И что ты предлагаешь?

— Сдержи обещание.

Адам протягивает руку, чтобы приподнять край одеяла, но я его останавливаю:

— Сначала выключи свет.

— Зачем? Я хочу тебя видеть.

— Я стала кожи да кости. Ну пожалуйста.

Адам вздыхает, выключает верхний свет и садится на кровать. Наверно, я его напугала, потому что он не ложится, а гладит меня через одеяло — по ноге от бедра до щиколотки, потом по другой ноге. Его жесты уверенны. Такое ощущение, будто я инструмент, который он настраивает.

— Я могу ласкать тебя часами, — признается Адам со смешком (наверно, чтобы спрятать за ним свое смущение). — Ты такая красивая.

Под его руками. Потому что его пальцы придают моему телу объем.

— Тебе нравится, когда я тебя так глажу?

Я киваю. Адам сползает с кровати, встает на колени и сжимает в ладонях мою ступню, согревая меня через носок.

Он массирует мои ноги так долго, что я едва не засыпаю, но, когда Адам стаскивает с меня носки, я моментально пробуждаюсь. Он подносит мои ступни к губам и целует. Проводит языком по пальцам. Посасывает подошвы. Лижет пятки.

Я думала, что меня больше никогда не бросит в жар от его прикосновений, что я уже не расплывусь, как раньше. И очень удивляюсь, когда меня захлестывает горячая волна. Я знаю, что Адам чувствует тоже самое. Он стаскивает футболку, сбрасывает кроссовки. Расстегивая джинсы, он неотрывно смотрит мне в глаза.

Он потрясающе красив: и волосы, который теперь короче моих, и изгиб спины, когда он снимает джинсы, и мускулы, крепкие от работы в саду.

— Иди ко мне, — зову я.

В комнате тепло, батареи пышат жаром, но я все равно вздрагиваю, когда Адам откидывает одеяло и ложится рядом со мной. Он старается не придавить меня. Привстав на локте, он нежно целует меня в губы.

— Не бойся меня.

— Я не боюсь.

Но я первой касаюсь его языка своим. Я кладу его руку себе на грудь и заставляю расстегнуть пуговицы.

Адам глухо стонет; его поцелуи опускаются ниже. Я сжимаю его голову, глажу по волосам, а он нежно, словно младенец, сосет мою грудь.

— Я так по тебе соскучилась, — шепчу я.

Его ладонь скользит по моему животу, по боку, по бедру. Поцелуи следуют за ладонью, спускаются ниже, пока его голова не оказывается меж моих ног. Адам бросает на меня вопросительный сок.

При мысли, что Адам будет целовать меня там, я истекаю соком.

Его голова в тени, руки обвивают мои ноги. Его теплое дыхание согревает мое бедро. Он начинает — медленно и неспешно.

Если бы у меня были силы, я бы сопротивлялась. Если бы я могла, я бы завывала на луну. Но испытывать такое сейчас, когда я считала, что все кончено, когда отказывают все органы и я думала, что это уже не принесет мне удовольствия...

Я на вершине блаженства.

— Иди сюда. Иди ко мне.

В его взгляде мелькает сомнение.

— А тебе не будет больно?

— Где ты этому научился?

— Тебе понравилось?

— Безумно!

Адам ухмыляется, до смешного довольный собой:

— Видел в одном фильме.

— А как же ты? Останешься ни с чем?

Он пожимает плечами:

— Да ладно, ты же устала. Может, не надо?

— Тогда ты можешь поласкать себя.

— При тебе?

— Я хочу посмотреть.

Он заливается румянцем:

— Правда?

— А почему бы и нет? Будет, что вспомнить.

Адам смущенно улыбается:

— Ты действительно этого хочешь?

— Да.

Он встает на колени. Пусть у меня не осталось сил, но зато я пожираю его глазами.

Адам смотрит на мою грудь и ласкает себя. Никогда и ни с кем я не была так близка, ни на чьем лице не видела такого выражения потрясенной любви. Он распахивает глаза, раскрывает рот...

— Тесс, я люблю тебя! О господи, как же я тебя люблю!

Тридцать семь

Расскажите мне, как это будет.

Филиппа кивает, словно ждала этого вопроса. На ее лице появляется странное выражение — профессионально-отстраненное. Мне кажется, она начала дистанцироваться. А что ей еще остается? Ее работа — помогать умирающим, и если она к каждому будет привязываться всей душой, то сойдет с ума.

— Теперь тебе будет меньше хотеться есть. Вероятно, ты будешь больше спать. Едва ли ты станешь с кем-то подолгу общаться, но не исключено, что в промежутках между сном ты найдешь в себе силы поболтать минут десять. Быть может, тебе захочется спуститься в гостиную или подышать свежим воздухом, если на улице тепло и папа вынесет тебя в сад. Но большую часть времени ты будешь спать. Через несколько дней ты начнешь иногда терять сознание и, хотя не всегда сможешь ответить, все равно будешь слышать, что тебе говорят, и узнавать людей. В конце концов Тесс, ты просто заснешь.

— Мне будет больно?

— Думаю, боль всегда можно будет облегчить.

— В больнице это не удавалось. По крайней мере, сперва.

— Да, — соглашается Филиппа. — Сперва они никак не могли подобрать лекарство. Но я принесла тебе морфина сульфат — он снимает боль. На всякий случай еще есть ораморф — он посильнее. Едва ли ты будешь мучиться от боли.

— Как вы думаете, мне будет страшно?

— На этот вопрос нет однозначного ответа. — Поняв по моему лицу, что говорит какую-то чушь, Филиппа исправляется:

— Я думаю, Тесс, тебе ужасно не повезло, и на твоём месте я бы боялась. Но я уверена: что бы ты ни чувствовала в эти последние дни, все будет так, как и должно быть.

— Ненавижу, когда вы говорите «дни».

Она хмурится:

— Я знаю. Прости.

Филиппа рассказывает мне про обезболивание, показывает пакетики и пузырьки. Она говорит мягко, ее слова накатываются точно волны, и я ничего не запоминаю. Такое ощущение, что все стремится к нулю и вся моя жизнь была лишь предвестием этой минуты. Я родилась и росла лишь затем, чтобы узнать эти подробности и получить из рук этой женщины лекарство.

— Тесса, у тебя есть вопросы?

Я перебираю в уме все, о чем бы нужно спросить. Но в голове замешательство и пустота, словно Филиппа пришла на вокзал, чтобы проводить меня, и мы обе ждем не дождемся, когда же придет поезд, чтобы не поддерживать неловкую беседу.

Пора.

Стоит яркое апрельское утро. Без меня жизнь пойдет своим чередом. У меня нет выхода. Меня пожирает рак. Он изрешетил мое тело. И ничего нельзя сделать.

— Я пойду вниз поговорить с твоим отцом, — предупреждает Филиппа, — и постараюсь в ближайшее время тебя навестить.

— Незачем.

— Я знаю, но все равно приду.

Толстая, добрая Филиппа, которая помогает всем умирающим от Лондона до южного побережья. Она наклоняется и обнимает меня. Она теплая, потная и пахнет лавандой.

После ее ухода мне снится, будто я захожу в гостиную и вижу, что там собралась вся семья. Папа издает какие-то странные звуки, которых я никогда раньше не слышала.

— Почему ты плачешь? — спрашиваю я. — Что случилось?

Мама с Кэлом сидят рядышком на диване. Кэл в костюме с галстуком, словно маленький бильярдист.

Тут меня осеняет: я умерла.

— Я здесь, прямо тут! — кричу я, но они меня не слышат.

Однажды я видела фильм о том, что умершие не уходят в мир иной, но безмолвно живут среди нас. Мне хочется рассказать об этом родителям. Я пытаюсь сбросить со стола карандаш, но моя рука проходит сквозь него. И сквозь диван. Я выхожу сквозь стену и снова возвращаюсь в комнату. Я перебираю пальцами у папы в голове, и он ежится, недоумевая, почему по спине пробежал холодок.

Тут я просыпаюсь.

Папа сидит на стуле у кровати. Он берет меня за руку:

— Как ты себя чувствуешь?

Я задумываюсь, прислушиваясь к себе.

— Ничего не болит.

— Вот и хорошо.

— Немного устала.

Он кивает:

— Хочешь есть?

Я бы и рада. Для него. Мне хочется попросить риса с креветками, пудинг из патоки, но это будет вранье.

— Что я могу для тебя сделать? Чего тебе хочется?

Увидеть ребенка Зои. Закончить школу. Стать взрослой. Путешествовать по миру.

— Чашку чаю.

Папа улыбается:

— А еще? Может, печенья?

— Бумагу и ручку.

Он помогает мне сесть. Подтыкает под спину подушку, включает лампочку у кровати и достает с полки блокнот и ручку. Потом идет на кухню поставить чайник.

Пункт одиннадцать. Чашка чаю.

Пункт двенадцать...

Памятка для папы

Я не хочу лежать в морге. Оставьте меня дома до похорон. Если мне станет одиноко, пусть со мной кто-нибудь посидит. Обещаю вас не пугать.

Я хочу, чтобы меня похоронили в платье с бабочками, сиреневом лифчике и трусиках и черных сапожках на молнии (все это по-прежнему лежит в чемодане, который я собрала для поездки на Силицию.) И наденьте на меня браслет, подаренный Адамом.

Никакого макияжа. На покойниках он смотрится глупо.

Я НЕ ХОЧУ, чтобы меня кремировали. Кремация отравляет воздух диоксинами, соляной и фтористоводородной кислотой, двуокисью серы и углекислым газом. А еще в крематориях дурацкие страшные шторки.

Я хочу натуральный ивовый гроб и похороны в лесу. Сотрудники Центра естественной смерти помогли мне выбрать местечко неподалеку от нашего дома, они же помогут вам с

похоронами.

Я хочу, чтобы на моей могиле или около нее посадили местное дерево. Лучше дуб, но можно и каштан или даже иву. Я хочу деревянную табличку с моим именем. Пусть на могиле растут цветы и всякие сорняки.

Церемония должна быть простой. Скажи Зои, чтобы взяла с собой Лорен (если она уже родится). Пригласи Филиппу с мужем Энди (если он захочет прийти) и Джеймса из больницы (хотя, он может быть занят).

Я не хочу, чтобы те, кто не знал меня лично, что-то обо мне говорили. Сотрудники Центра естественной смерти будут присутствовать на похоронах, но не должны ни во что вмешиваться. Пусть обо мне говорят люди, которых я люблю. Если расплачешься-ничего страшного. Я хочу, чтобы ты сказал обо мне правду. Если угодно, скажи что я была настоящим чудовищем, заставляла всех плясать под свою дудку. Если вспомнишь что-то хорошее — скажи и об этом! Но сперва запиши: на похоронах люди часто забывают, что собирались сказать.

Ни за что на свете не читайте то стихотворение Одена. Оно надоело всем до смерти (ха-ха-ха) и слишком унылое. Пусть кто-нибудь прочтет двенадцатый сонет Шекспира.

Музыка — «Черный дрозд», «Биттлз». «Григорианский хорал» «Кьюр». «Живи так, словно уже умираешь» Тима МакГроу. «Все деревья в полях будут хлопотать с ладоши» Суфьяна Стивенса. На все может не хватить времени, но последнюю поставьте непременно. Зои помогла мне их выбрать, у нее они все есть в айпode (если нужно, позаимствуйте ее колонки).

После похорон сходите в паб пообедать. На моем банковском счету есть двести шестьдесят фунтов. Я хочу, чтобы вы их потратили. Нет, серьезно — обед за мой счет. И обязательно закажите десерт-тягучий пудинг с тоффи, шоколадный торт, пломбир с сиропом, фруктами и орехами, что-нибудь ужасно вредное. Если хочешь, напейся (только не напугай Кэла). Потратьте все деньги.

А потом, спустя какое-то время, жди от меня вестей. Быть может, я напишу на запотевшем зеркале, когда ты будешь принимать душ, или стану шелестеть листвой яблони, когда ты выйдешь в сад. Или просто тебе приснюсь.

Навещай мою могилу, когда сможешь, но не вини себя, если это не всегда получается. Или если вы переедете и до кладбища будет слишком долго добираться. Летом там очень красиво(посмотри на сайте). Приезжайте туда на пикник и посидите со мной.

Ладно. Это все.

Я тебя люблю.

Целую.

Тесса.

Тридцать восемь

— Я буду единственным парнем в школе, у которого умерла сестра. — Классно. Тебе перестанут задавать домашнюю работу, и все девчонки в тебя влюбятся.

Кэл обдумывает мои слова. — А я все еще буду твоим братом?

— Конечно. — Но ведь ты об этом не знаешь. — Еще как узнаю!

— Ты будешь повсюду мне являться?

— А тебе этого хочется?

Кэл нервно улыбается:

— Наверно, мне будет страшно. — Тогда не буду.

Кэлу не сидится на месте. Он мерит комнату шагами от кровати до шкафа. После больницы в наших отношениях что-то изменилось. Нам уже не так легко шутить.

— Кэл, если хочешь, выброси телек из окна. Мне так это очень помогло.

— Не хочу.

— Тогда покажи мне фокус.

Он убегает, чтобы взять все необходимое, и возвращается в своем особом черном пиджаке с потайными карманами.

— Смотри внимательно.

Кэл связывает углами два носовых платка, прячет в кулаке, потом медленно разжимает палец за пальцем. Платки исчезли.

— Как ты это сделал?

Он качает головой, постукивая по носу волшебной палочкой:

— Фокусники никогда не раскрывают своих секретов.

— Покажи еще раз.

Вместо этого Кэл тасует колоду и раскладывает карты:

— Выбери одну, запомни, но мне не говори.

Я выбираю пиковую даму и прячу в колоду. Кэл снова раскладывает карты, на этот раз лицевой стороной вверх. Дамы нет.

— Кэл, ты молодец.

Он плюхается на кровать:

— Еще нет. Вот бы сделать что-то большое и страшное.

— Если хочешь, распили меня пополам.

Он ухмыляется и тут же заливается слезами, сперва молча, а потом навзрыд. Насколько я помню, плачет он второй раз в жизни. Значит, ему это действительно нужно. Мы оба делаем вид, будто с этим ничего нельзя поделать, как с кровотечением из носа, и его чувства тут не при чем. Я обнимаю Кэла и прижимаю к себе. Он всхлипывает у меня на плече; его слезы мочат мою пижаму. Мне хочется слизнуть их. Настоящие, живые слезы.

— Кэл, я люблю тебя.

Это так просто. Я рада, что сказала ему об этом, хотя от моих слов Кэл разревелся в десять раз сильнее.

Пункт тринадцать: обнять братишку, когда за окном опускаются сумерки.

Адам залезает ко мне в кровать. Он натягивает одеяло до подбородка, будто замерз или боится, что на голову ему рухнет потолок.

— Завтра твой папа купит раскладушку и поставит ее здесь для меня, — сообщает он.

— Ты больше не будешь спать со мной в одной постели?

— Вдруг тебе самой этого не захочется? Что, если тебе не захочется, чтобы к тебе прикасались?

— А если захочется?

— Тогда я тебя обниму.

Но он напуган. Я вижу по его глазам.

— Ладно, я тебя отпускаю.

— Тс-с-с.

— Нет, правда. Ты свободен.

— Я не хочу быть свободен. — Он наклоняется и целует меня. — Если я тебе понадобится, разбуди меня.

Он быстро засыпает. Я лежу с открытыми глазами и слушаю, как по всему городу гасят свет. Шепчут «спокойной ночи». Сонно скрипят пружины матрасов.

Я нашариваю руку Адама и крепко стискиваю.

Я рада, что существуют ночные портье, медсестры и дальнобойщики. Меня утешает мысль, что в других странах, в других часовых поясах женщины полощут в руках белье, а дети ручейками стекаются к школе. Где-то в мире в это мгновение какой-нибудь мальчишка взбирается на гору под веселый звон колокольчика на шее у козленка. Я очень этому рада.

Тридцать девять

Зои шьет. Я понятия не имела, что она умеет шить. На ее коленях разложена лимонно-желтая распашонка. Зои вдевает нитку в иголку, оборачивает нитку вокруг смоченного слюной пальца и завязывает узелок. Кто ее этому научил? Я не свожу с нее глаз, а Зои шьет, словно всегда этим занималась. Собранные на затылке светлые волосы открывают нежный изгиб шеи. Зои сосредоточенно закусил нижнюю губу.

— Живи, — прошу я. — Ты ведь будешь жить, правда?

Она быстро поднимает на меня глаза и слизывает с пальца яркую капельку крови.

— Черт! — выдыхает Зои. — Не знала, что ты проснулась.

Я хихикаю.

— Ты цветешь.

— Я жирная! — Она привстает на стуле и в доказательство выпячивает живот. — Я размером с медведя.

Как бы я хотела быть ребеночком в ее животе. Быть маленькой и здоровой.

Памятка для Зои.

Не рассказывай дочери, что планета гибнет. Показывай ей только прекрасное. Береги ее, заботься о ней, несмотря на то что твои родители не смогли позаботиться о тебе. И никогда не связывайся с парнем, который тебя не любит.

— Как ты думаешь, когда родится ребенок, ты будешь скучать по своей прежней жизни?

Зои бросает на меня серьезный взгляд:

— Одедась бы ты, а? Вредно целый день сидеть в пижаме.

Я откидываюсь на подушки и оглядываю углы комнаты. В детстве мне всегда хотелось жить на потолке. Мне казалось, там чисто и пусто, как на румяной корке пирога. Теперь же потолок напоминает мне простыню. — Мне неловко, что я тебя подвела. Я не смогу сидеть с твоим ребенком. Ничего не смогу.

Зои отвечает:

— На улице очень хорошо. Давай я попрошу твоего папу или Адама отнести тебя в сад?

На лужайке дерутся птицы. Голубое небо окаймляют рваные облака. Шезлонг теплый, будто часами стоял на солнце.

Зои читает журнал. Адам гладит мою ногу через носок.

— Ты только послушай, — говорит Зои. — Эту чушь выбрали лучшей шуткой года.

Пункт четырнадцать, шутка.

Мужчина приходит к доктору и говорит: «У меня в заднице застряла клубника». «Прекрасно, — отвечает доктор, — у меня где-то были взбитые сливки».

Я заливаюсь смехом. Я похожа на хохочущий скелет. Нас послушать-Адама, Зои, меня — все равно что пытаться влезть в дом через окно. Не знаешь, какого ждать подвоха.

Зои кладет мне на руки младенца:

— Ее зовут Лорен.

Она пухлая, липкая и пускает молочные слюнки. От нее приятно пахнет. Она сучит рукавами, хватая воздух. Крохотные пальчики с полумесяцами ногтей цапают меня за нос.

— Привет, Лорен.

Я говорю ей, какая она большая и умная. Я болтаю всякие глупости, которые, как мне кажется, нравятся слышать младенцам. Лорен смотрит на меня бездонными глазами и широко зевает. Я вижу ее розовый ротик.

— Ты ей нравишься, — замечает Зои. — Она тебя узнает.

Я прижимаю Лорен Тессу Уокер к своему плечу и глажу по спинке. Слушаю ее сердечко. Оно бьется уверенно и точно. Девочка невероятно теплая.

Под яблоней танцуют тени. Сквозь листву сочится солнце. Где-то далеко жужжит газонокосилка. Зои по-прежнему читает журнал. Увидев, что я проснулась, она бросает его на траву.

— Ты так долго спала, — говорит Зои.

— Мне приснилось, что Лорен уже родилась.

— Ну и как она, красивая?

— Еще бы.

Адам поднимает на меня взгляд и улыбается:

— Привет, — произносит он.

По дорожке идет папа. Он снимает нас на видеокамеру.

— Не надо, — прошу я, — это ужасно.

Он уносит камеру в дом, возвращается с картонной коробкой, ставит ее у калитки и срезает увядшие листья.

— Пап, посиди с нами.

Но ему не сидится. Он снова уходит в дом, приносит миску винограда, шоколадки и стаканы сока.

— Хотите сэндвич?

Зои качает головой:

— Спасибо, мне хватит шоколадок.

Мне нравится, как она морщит губы, посасывая конфеты.

Знаки, прогоняющие смерть.

Попросить лучшую подругу прочитать вслух самые интересные выдержки из журнала-моду, сплетни. Предложить ей сесть поближе и потрогать ее необъятный живот. А когда она соберется домой, глубоко вздохнуть и признаться, что ты ее любишь. Потому что это правда. А когда она наклонится и прошепчет тебе то же в ответ, крепко ее обнять, потому что при обычных обстоятельствах вы бы никогда не сказали друг другу этих слов.

Когда братишка вернется из школы, попросить его посидеть с тобой и подробно рассказать, как прошел день: пусть опишет каждый урок, каждый разговор, даже то, что ел на обед, пока ему не надоест и он не попросится поиграть в парке с друзьями в футбол.

Попросить маму снять туфли и помассировать ей ступни, потому что на новой работе в книжном магазине ей приходится целый день проводить на ногах и быть вежливой с покупателями. Рассмеяться, когда она подарит твоему папе книгу, потому что у нее на них скидка и она может позволить себе быть щедрой.

Видеть, как папа целует ее в щеку. Как они улыбаются. И знать: что бы ни случилось, они навсегда останутся твоими родителями.

Когда на лужайке растянутся длинные тени, слушать, как соседка подрезает розы, мурлыча себе под нос какой-то старый мотивчик. А ты лежишь со своим парнем под одеялом. Признаться, гордишься им, потому что он посадил все эти цветы и кусты, так что его мама

теперь с удовольствием возится в саду.

Любоваться луной. Она висит совсем низко и окружена розовым ореолом. Твой парень рассказывает, что это оптический обман: луна кажется большой из-за угла, под которым она повернута к земле.

Сравнить себя с луной.

А ночью, когда тебя отнесут наверх и окончится еще один день, не отпустить своего парня спать на раскладушке. Признаться, что тебе хочется, чтобы он тебя обнял, и не бояться, что ему этого не хочется, потому что если уж он обещал, значит, правда тебя любит, а остальное неважно. Обхватить его ноги своими. Слушать его тихое дыхание во сне.

Услышать звук, похожий на хлопанье крыльев коршуна, на свист медленно вращающихся лопастей ветряной мельницы, произнести: «Не сейчас. Не сейчас».

Дышать. Просто дышать. Это так легко. Вдох. Выдох.

Сорок

Светает. Непроглядный мрак отступает. Во рту пересохло. От выпитых на ночь таблеток в горле песок.

— Доброе утро, — произносит Адам.

У него эрекция, и он смущенно улыбается, словно извиняясь за это, потом раздергивает занавески и смотрит в окно. Там клубятся мутно-розовые утренние облака.

— Ты будешь жить без меня много лет, — говорю я.

— Может, я приготовлю нам завтрак? — отвечает он.

Он приносит мне всякую всячину, будто дворецкий. Лимонное мороженое на палочке. Грелку. Нарезанные ломтики апельсина на блюде. Еще одеяло. Кипятит в кастрюльке палочки корицы, потому что мне хочется, чтобы пахло Рождеством.

Почему это случилось так быстро? Неужели это правда?

Пожалуйста залезь в постель ляг на меня согрей своим теплом обними меня и пусть это кончится

— Мама ставит перголы, — рассказывает Адам. — Сначала ей хотелось выращивать травы, потом розы, теперь жимолость. Вернется твой папа и посидит с тобой, а мне надо будет пойти ей помочь. Ладно?

— Конечно.

— Ты не хочешь снова посидеть в саду?

— Нет.

Нет сил пошевелиться. Солнце царапает мозг, и все болит.

Этот маньяк велит всем выстроиться в поле и говорит я выберу одного из вас единственного из всех вас кто должен умереть и все оглядываются думают едва ли это я здесь нас тысячи так что с точки зрения статистики это маловероятно а маньяк расхаживает вдоль шеренги оглядывает нас и дойдя до меня замедляет шаг улыбается потом указывает на меня пальцем и говорит это ты какой ужас что это я так и знала что это буду я почему бы и нет я так и знала.

Кэл врывается в дом:

— Можно я пойду погулять?

Папа вздыхает:

— Куда?

— Просто погулять.

— А поточнее нельзя?

— Когда дойду, скажу, где это.

— Так не пойдет.

— А вот других отпускают гулять без всяких.

— Меня не интересуют другие.

Кэл злобно топает к двери. В волосах у него листья, под ногтями грязь. У него есть силы, чтобы распахнуть дверь и захлопнуть за собой.

— Сволочи! — вопит он, сбегая по лестнице.

Памятка для Кэла

Не умирай молодым. Не заболей менингитом, СПИДом и прочим. Береги здоровье. Не сражайся на войне, не вступай в секту, не становись религиозным фанатиком, не влюбляйся в недостойных. Не думай, будто должен быть хорошим, потому что остался единственным ребенком в семье. Если хочешь, будь плохим.

Я беру папу за руку. Его пальцы поцарапаны, будто их ободрало теркой. — Что ты делал?

Папа пожимает плечами:

— Не знаю. Я даже не заметил.

Еще одна памятка для папы: довольствуйся Кэлом.

Я люблю тебя. Я тебя люблю. Я мысленно посылаю эти слова из своих пальцев в его, вверх по руке, прямо в сердце. Услышь меня. Я тебя люблю. Прости, что я тебя покидаю.

Я просыпаюсь много часов спустя. Как это случилось?

Кэл снова здесь. Он сидит рядом со мной на кровати, откинувшись на подушки.

— Извини, что я кричал.

— Это тебя папа заставил извиниться?

Он кивает. Занавески раздернуты; за окнами почему-то темно.

— Тебе страшно? — тихонько спрашивает Кэл, словно эта мысль не дает ему покоя, но он не собирался произносить ее вслух.

— Я боюсь заснуть.

— И не проснуться?

— Да.

Его глаза блестят.

— Но ты же знаешь, что это будет не сегодня, правда? Ну, в смысле, ты же поймешь когда?

— Это будет не сегодня.

Кэл кладет голову мне на плечо.

— Невыносимо. Это просто невыносимо, — произносит он.

Сорок один

Колокольчик, который мне дали, звенит ужасно громко, но мне все равно. Заходит Адам в трусах и футболке; глаза у него мутные и заспанные.

— Ты меня бросил.

— Я всего на минутку пошел вниз, чтобы налить себе чаю.

Я ему не верю. Мне наплевать, что ему хотелось чаю. Если так приспичило, мог бы попить теплой воды из моего кувшина.

— Возьми меня за руку. Не отпускай.

Закрыв глаза, я каждый раз проваливаюсь. Бесконечное падение.

Сорок два

Все как прежде — свет сквозь занавески, далекий гул машин, бульканье воды в бойлере. Похоже на день сурка. Вот только тело мое изможденнее, кожа прозрачнее. Я меньше, чем вчера.

Адам спит на раскладушке.

Я пытаюсь сесть, но не хватает сил.

— Почему ты спишь там?

Он касается моей руки:

— Ночью у тебя были боли.

Как и вчера, он раздергивает занавески. Стоит у окна и смотрит на улицу. Небо бледное. Будет дождь.

Мы двадцать семь раз занимались любовью и шестьдесят две ночи спали вместе это целое море любви.

— Будешь завтракать? — спрашивает Адам.

Не хочу умирать.

Слишком недолго длилась наша любовь.

Сорок три

Мама рожала меня четырнадцать часов. Был самый жаркий май в истории. Стоял такой зной, что первые две недели меня даже не одевали.

— Я клала тебя к себе на живот, и мы так спали часами, — рассказывает мама. — Было настолько жарко, что ни на что другое не хватало сил.

Перебирать воспоминания — все равно что разгадывать шарады.

— Я брала тебя с собой, и мы ездили на автобусе в обеденный перерыв встретиться с папой. Ты сидела у меня на коленях и разглядывала окружающих. У тебя был такой пристальный взгляд. Все это отмечали.

Ослепительный свет. Длинный луч падает на кровать. Я грею руку на солнце. Мне даже не приходится ее двигать.

— А помнишь, как мы поехали в Кромер и ты потеряла на пляже браслет с брелками?

Мама захватила фотографии и показывает мне снимок за снимком.

Бело-зеленый полдень, когда мы плели гирлянду из маргариток.

Бледный, как мел, свет зимнего солнца на городской ферме.

Желтые листья, облепленные грязью ботинки и лоснящееся черное ведро.

— Помнишь, что ты поймала?

Филиппа сказала, что слух сохранится до последнего, но она не предупреждала, что я буду видеть чужую речь в красках.

Целые предложения встают над комнатой как радуга.

Я все путаю. Я сижу возле кровати, а вместо меня умирает мама. Я отбрасываю одеяло, чтобы взглянуть на нее, и вижу голую морщинистую старуху с седыми волосами на лобке.

Я плачу о похороненной собачке, которую сбила машина. У нас никогда не было собаки. Это не мои воспоминания.

Я-мама, скачущая на пони через весь город на свидание к папе. Он живет в спальном районе; мы с пони заходим в лифт и поднимаемся на девятый этаж. Копыта пони цокают по металлу. Меня это смешит.

Мне двенадцать лет. Я возвращаюсь домой из школы и вижу на крыльце маму. Она в пальто; рядом с ней стоит чемодан. Мама протягивает мне конверт:

— Когда папа вернется, отдай ему это.

Она целует меня на прощание. Я смотрю ей вслед, пока она не уходит за горизонт и не исчезает на вершине холма, словно дымок.

Сорок четыре

Душераздирающий свет.

Папа у кровати попивает чай. Я хочу сказать ему, что он пропустит по телеку «Доброе утро», но не уверена, что это так. Я не чувствую времени.

Папа ест сливочные печенья с овощным маринадом и зрелым чеддером. Как жаль, что мне ничего не хочется. Что я не чувствую вкуса и сухой хрупкости печений.

Заметив мой взгляд, папа ставит тарелку и берет меня за руку. — Красавица моя, — произносит он.

Я хочу его поблагодарить.

Но губы не двигаются, и, кажется, папа меня не слышит.

Потом я говорю: я вспоминала тот столб для нетбола, который ты сделал, когда меня приняли в школьную команду. Помнишь, ты ошибся в размерах и столб получился слишком высокий? Я так усердно тренировалась, что в школе всегда бросала мяч дальше, чем нужно, и меня выгнали из команды.

Похоже, и этого папа не слышит.

Но я не сдаюсь.

Папа, ты играл со мной в лапту, хотя терпеть ее не мог и мечтал, чтобы я занялась крикетом. Ты узнал, как хранить коллекцию марок, потому что мне было это интересно. Ты часами просиживал в больницах и никогда ни разу не пожаловался. Ты гладил меня по голове, как должна была бы мама. Ты бросил ради меня работу, позабыл друзей, вычеркнул четыре года из своей жизни. Ты никогда не ныл. Ни единого разу. Ты разрешил мне общаться с Адамом. Выполнять желания из списка. Я вела себя несносно. Все время чего-то хотела, требовала. А ты ни разу не прикрикнул: «Хватит. Довольно».

Я так давно хотела тебе об этом сказать.

Кэл стоит у кровати и смотрит на меня.

— Привет, — произносит он. — Как ты?

Я ему подмигиваю.

Он садится на стул и разглядывает меня.

— Ты уже не можешь говорить?

Я пытаюсь возразить: конечно, могу. Что за дурацкие вопросы?

Кэл вздыхает, встает и подходит к окну.

— Как считаешь, мне еще рано заводить девушку?

Я соглашаюсь.

— У многих моих приятелей уже есть девушки. Они не то чтобы встречаются. Просто пишат друг другу эсэмэски. — Он недоверчиво качает головой. — Никогда не пойму, что такое любовь.

Мне кажется, он уже это понимает. Лучше многих.

— Привет, Кэл, — здоровается Зои.

— Привет, — отвечает он.

— Я пришла попрощаться, — поясняет она. — В смысле, я уже попрощалась, но решила еще раз.

— Почему? — недоумевают Кэл. — Ты куда-то уходишь?

Мне нравится чувствовать вес маминой руки в своей.

— Ты же знаешь, будь такое возможно, я бы поменялась с тобой местами, — признается мама и добавляет:

— Как ужасно, что я не могу тебя спасти.

Наверно, она думает, что я ее не слышу.

Мама говорит:

— Я могла бы написать рассказ в журнал, где публикуют истории из жизни, о том, как нелегко мне было от тебя уйти. Не думай, что это было просто.

В двенадцать лет я нашла на карте Шотландию, увидела, что за проливом лежат Оркнейские острова, и поняла, что там есть лодки, которые увезут ее еще дальше.

Памятка для мамы

Не бросай Кэла. Не убегай от него, не уезжай в Шотландию, не думай, что какой-то мужчина может быть важнее его. Иначе я не дам тебе спокойно жить. Я буду двигать мебель, сбрасывать на пол предметы и пугать тебя до полусмерти. Будь поласковой с папой. Я серьезно. Я за тобой наблюдаю.

Мама дает мне отхлебнуть воды со льдом. Осторожно кладет мне на лоб мокрую тряпочку.

А потом говорит:

— Я тебя люблю.

Словно три капли крови падают в снег.

Сорок пять

Адам залезает на раскладушку. Она скрипит. Потом затихает.

Я вспоминаю, как он сосал мою грудь. Это было не так давно. Мы лежали в постели у меня в комнате — я его обнимала, он прижимался ко мне, и мне казалось, будто я его мама.

Он обещал быть со мной до конца. Я вынудила его пообещать. Но я не знала, он будет лежать рядом со мной по ночам как примерный бойскаут. Я не знала, что мне будет больно от прикосновений и Адам будет бояться взять меня за руку.

Ему бы коротать ночь с какой-нибудь соблазнительной фигуристой девицей, чье дыхание благоухает апельсинами.

Памятка для Адама. Заботься только о себе. Поступи в университет, заведи кучу друзей, выпивай с ними. Забывай ключи. Смейся. Ешь на завтрак баночную лапшу. Прогуливай лекции. Будь безответственным.

— Спокойной ночи, Тесса, — говорит Адам.

Спокойной ночи, Адам.

— Я звонил медсестре. Она считает, что к сульфату морфина пора добавлять ораморф. — Кто-нибудь приедет сделать укол?

— Сами справимся.

— Когда вы звонили, она опять звала маму.

Я вспоминаю пожар, дым столбом, заполошный перезвон колоколов, изумленные лица людей в толпе, как будто у них что-то украли.

— Адам, если хочешь, я с ней посижу. Иди вниз, посмотри телевизор, поспи. — Я же сказал, что не оставлю ее.

Словно один за другим гасят огни.

Дождь моросит на песок и на голые ноги папа доделывает замок а мы с Кэлом несмотря на дождь набираем в ведерко морской воды для крепостного рва а позже когда выглядывает солнце в каждую башню втыкаем по флажку так что они плещут на ветру а мы покупаем в киоске на дюнах мороженое и папа сидит с нами а когда начинается прилив мы вычерпывает воду чтобы люди в замке не утонули.

— Ладно тебе, Адам. Если мы выдохнемся, Тессе от этого лучше не станет.

— Я не уйду.

В четыре года я едва не свалилась в оловянный рудник а в пять машина перевернулась на шоссе когда же мне было семь мы ездили отдыхать и в фургоне прорвало газ но никто даже не заметил

Я умирала всю жизнь

— Кажется, затихла.

— Гм.

Я слышу только обрывки звуков. Слова проваливаются в трещины, часами где-то блуждают, потом взлетают и садятся мне на грудь.

— Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что не сбежал. Других бы уже и след простыл.

— Я ее люблю.

Сорок шесть

— А, ты проснулась, — замечает Адам.

Он наклоняется и смачивает мне рот губкой. Обтирает губы полотенцем и смазывает вазелином.

— У тебя руки холодные. Хочешь, я погрею их в своих?

От меня воняет. Я чувствую запах собственных газов. Слышу омерзительное тиканье, с которым мое тело истребляет себя. Я тону, исчезаю в кровати.

Пятнадцать, подняться с постели, спуститься в гостиную и чтобы все оказалось шуткой.

Двести девять, выйти замуж за Адама.

Триста, пойти на родительское собрание и услышать от учителя, что наш ребенок — гений. Вернее, все трое — Честер, Дейзи и Мерлин.

Пятьдесят один, два, три. Открыть глаза. Открыть глаза, черт подери.

Не могу, слабею.

Сорок четыре, не падать в пустоту. Не хочу терять сознание, я боюсь.

Сорок пять, не падать в пустоту.

Думать о чем-нибудь. Я не умру, пока буду помнить о горячем дыхании Адама меж моих ног.

Но мысли скачут.

Как будто листья облетают с дерева.

Я даже забываю, о чем думаю.

— Почему она так хрипит?

— Это легкие. Жидкость не выводится, потому что Тесса лежит без движения.

— Ужасный звук.

— Звучит хуже, чем есть на самом деле.

Это Кэл? Я слышу щелчок, когда он дергает за кольцо, и шипение кока-колы в банке.

— А папа твой где? — спрашивает Адам.

— Говорит по телефону. Просит маму приехать.

— Хорошо.

Кэл, что происходит с трупами?

Прах, блеск, дождь.

— Как думаешь, она нас слышит?

— Конечно.

— Потому что я ей кое-что рассказывал.

— Что?

— Не скажу!

Солнечная система возникла в результате большого взрыва только тогда образовалась земля и зародилась жизнь а когда прошли дожди и пожары появились рыбы потом насекомые земноводные динозавры млекопитающие птицы приматы человекообразные и наконец люди

— Тебе не кажется, что она как-то странно хрипит?

— Нет.

- Звук изменился.
- Тише, я не слышу.
- Ей хуже. Похоже, она задыхается.
- Черт!
- Она умирает?
- Беги за отцом. Быстро!

Маленькая птица может по песчинке передвинуть гору песка раз в миллион лет она берет песчинку а когда гора передвинется птичка начинает все сначала вот что такое вечность и это слишком долго чтобы быть мертвой

Может быть, я вернусь в другом облике.

Я стану встрепанной девицей, с которой Адам познакомится в первую же неделю учебы.

— Привет, ты тоже изучаешь садоводство?

— Тесс, я тут. Я рядом, я держу тебя за руку. И Адам здесь, он сидит на другом краю кровати. И Кэл. Мама уже выехала, вот-вот приедет. Тесса, мы все тебя любим. Мы с тобой.

— Какой ужасный звук. Как будто ей больно.

— Ну что ты, Кэл, она без сознания. Ей не больно.

— Адам сказал, что она нас слышит. Как же это возможно, если она без сознания?

— Она как будто спит, но знает, что мы здесь. Не бойся, Кэл, сядь рядом со мной. Иди ко мне на колени. Ей не больно, не бойся.

— Не похоже. Она шипит, как дырявый паровой котел.

Я ухожу в себя. Их голоса похожи на журчание воды.

Мгновения сливаются.

Самолеты врезаются в дома. Трупы летят по воздуху. Взрываются автобусы и поезда метро. Сквозь плиты тротуара просачивается радиация. Солнце превращается в крошечную черную точку. Человечество вымирает, тараканы правят миром.

Может случиться все что угодно.

Мусс на пляже.

Взбить вилкой в судке.

Чайки. Волны.

— Тесса, все хорошо, мы тебя отпускаем. Мы тебя любим. Мы тебя отпускаем.

— Почему ты так говоришь?

— Быть может, ей нужно наше согласие, чтобы умереть.

— Я не хочу, чтобы она умирала. Я не согласен!

Ладно, пускай. Еще один день соглашаться на все.

— Может, попрощаешься с сестрой?

— Нет.

— Это важно.

— Тогда она умрет.

— Но не от твоих слов. Ей нужно знать, что ты ее любишь.

Еще мгновение. Еще одно. Я продержусь еще мгновение.

Ветер гонит по дорожке фантик от конфеты.

— Давай, Кэл.

— Я чувствую себя по-идиотски.

— Мы не слушаем. Подойди ближе и говори шепотом.

Вдоль круга, где ездят машины, написано мое имя.

Каракатица, выброшенная волной на берег.

Мертвая птица на лужайке.

Миллионы червей, ослепленные солнцем.

— Прощай, Тесс. Если хочешь, можешь мне являться. Я не против.

Утка заходит в аптеку за помадой.

Мышь сажают в воду и придерживают ложкой.

Три крошечных пузырька воздуха один за другим всплывают на поверхность.

Шесть снеговиков из ваты.

Шесть салфеток, сложенных в оригами-лилии.

Семь разноцветных камешков, скрепленных серебряной цепочкой.

Солнце в моей чашке.

Зои выглядывает из окна. Я выезжаю из города. Небо все темнее и темнее.

Отпусти их.

Адам выдыхает дым и говорит, указывая на город под холмом:

— Там, внизу, может твориться что угодно, но здесь ты об этом не знаешь.

Адам гладит меня по голове, по лицу, целует мои слезы.

Мы так счастливы.

Отпусти их всех.

Хлопанье крыльев птицы, пролетающей по саду. А потом ничего. Ничего. Проплывает облако. И снова ничего. Свет льется в окно, падает на меня, в меня.

Мгновения.

Сливаются в одно.

